

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ ВЬЕТНАМА

HSE
BIBLIOTHECA
SELECTA

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ ВЬЕТНАМА

Составитель Юлия Минина

Перевод с вьетнамского
Юлии Мининой
Екатерины Лютик
Анны Харитоновой

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2021

УДК 821.584.6
ББК 82.3(5)
С42

Серия «HSE Bibliotheca Selecta»
Основана в 2020 г.
Кураторы: Елена Иванова, Александр Павлов

Перевод с вьетнамского Юлии Мининой, Екатерины Лютик, Анны Харитоновой
Научные редакторы перевода: Екатерина Кнорозова, Екатерина Лютик, Анатолий Соколов
Комментарии и приложения Юлии Мининой, Екатерины Лютик, Анны Харитоновой

Рецензенты:
старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского
и лаосского языков МГИМО Светлана Глазунова;
старший преподаватель Института классического Востока и античности
НИУ ВШЭ Ирина Самарина

- С42   **Сказки и предания Вьетнама** [Текст] / сост. Ю.Д. Минина ; пер. с вьетн. Ю.Д. Мининой, Е.В. Лютик, А.М. Харитоновой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 295, [1] с. : 32 с. цв. ил. — (HSE Bibliotheca Selecta). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2539-5 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2299-8 (e-book).

В книгу вошли 25 народных сказок и преданий вьетнамцев (народа кинь) в переводах российских востоковедов. В прологе рассматриваются история изучения вьетнамских сказок в России и во Вьетнаме, проблема классификации жанров вьетнамского фольклора, специфика наиболее широко распространенных и устойчивых сказочных мотивов и сюжетных схем. Тексты сказок сопровождаются структурным, культурологическим и историческим анализом сюжетов, мотивов, героев и реалий. Книга богато иллюстрирована лубочными картинками Донгхо.

Издание адресовано как специалистам по истории, культуре и фольклору Вьетнама, так и широкому кругу читателей.

УДК 821.584.6
ББК 82.3(5)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

[doi:10.17323/978-5-7598-2539-5](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2539-5)

ISBN 978-5-7598-2539-5 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-2299-8 (e-book)

© Составление. Минина Ю.Д., 2021
© Перевод на русский язык. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2021

TRUYỆN CỔ
DÂN GIAN
VIỆT NAM

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВСТУПЛЕНИЕ ⁹

Илья Смирнов. О сказках, об этой книге и ее создателях ¹⁰

Екатерина Лютик. Вьетнамский фольклор в русских переводах ¹³

ПРОЛОГ ¹⁹

Юлия Минина. Барабан, черепаха, волшебный бамбук:

мотивы и сюжеты вьетнамских сказок ²⁰

СКАЗКИ ⁴⁵

Как дракон воду пил ⁴⁷

Три лисы-оборотня ⁵³

Волшебный барабан ⁵⁹

Дева-Кузнечик ⁶³

Маленький Черепашка ⁶⁹

Как девица питона в мужья взяла ⁷⁷

Там и Кам ⁸⁹

Куой в лунном дворце ¹⁰¹

Аист, павлин и попугай ¹⁰⁵

Хитроумный заяц ¹⁰⁹

Заяц, курица и тигр ¹¹³

Умная жена ¹¹⁷

Золотая пещера, серебряная пещера ¹²⁵

Злая мачеха ¹³¹

Жена-птица ¹³⁷

Как сирота дело разрешил ¹⁴³
Обманщик Куой ¹⁴⁷
Ту Уйен ¹⁵⁵
Талантливый младший брат ¹⁶¹
Сказка о дровосеке ¹⁶⁹
Как дядюшка Жаб с Небом судился ¹⁷⁵
Бамбук о ста коленцах ¹⁹³
Как Ван на дочке императора женился ¹⁹⁷
Дочь слона ²⁰³
Два дядюшки Куоя ²¹¹

КОММЕНТАРИИ И ПРИЛОЖЕНИЯ ²¹⁵

Анализ сюжетов и мотивов вьетнамских сказок ²¹⁶
Указатель культурных реалий ²⁶⁷
Указатель сказочных персонажей и мотивов ²⁷³
Вспомогательные материалы ²⁸⁵
Библиография ²⁸⁷
Над книгой работали ²⁹⁴

明侯

ВСТУПЛЕНИЕ

О СКАЗКАХ, ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ СОЗДАТЕЛЯХ

Сказки — необыкновенно увлекательный и продуктивный объект для исследователей. Неслучайно одной из главных книг гуманитарной науки XX столетия стала «Морфология сказки» Владимира Проппа, определившая метод изучения не только собственно сказок, но и множества других словесных текстов. Этот фольклорный жанр в равной мере интересен и специалистам, и широкому читателю. Сказки — интересное чтение для детей и взрослых, почти беспредельно разнообразное: вот рассказ о чудесах и волшебстве, а вот — о хитроумных проделках дурака, оказывающегося умнее всех умников; нищий бродяга становится богачом и начальником, а злой повелитель теряет силу и власть; животные говорят человеческими голосами, а то и вовсе оборачиваются людьми — прекрасной девой или смелым юношей, — где еще, как не в сказке, можно поведать такое с подкупающей достоверностью, убедительной даже для записных скептиков? А если сказка еще и вводит нас в удивительный мир Востока (в нашем случае — Вьетнама), то оторваться от такого чтения просто невозможно.

Вьетнам поразительно своеобразен, его населяет множество народов и этнических групп, говорящих на разных языках, порою не имеющих даже собственной письменности. Их фольклор весьма архаичен, в нем отчетливо проявляются черты древних мифов. Даже популярные сказочные сюжеты обретают в такой среде совершенно иную, непривычную нам окраску. Для того чтобы записать подобные сказки, ученым приходилось забираться высоко в горы, продираться через джунгли, учить редкостные наречия.

Вся вьетнамская история — это история взаимоотношений с могучим соседом, Китаем. Вьетнамцам удалось сохранить национальную особость, хотя мощное влияние китайской культуры ощутимо во всех сферах жизни — от

высокой словесности, живописи, поведенческих моделей до бытовых привычек, кухни и т.п. Это же касается народного творчества, сказок в том числе.

Создатели предлагаемой вашему вниманию книги постарались представить двуликость сказки одновременно привлекательной как для тех, кто ищет чистой радости чтения, самозабвенно следит за перипетиями сюжета, приключениями героев, так и для ученых, которым важно понимать особенности сказок именно данного региона, знать, где, кем и когда записан тот или иной сказочный вариант, — словом, все то, что составляет предмет фольклористики как науки.

И тех и других объединяет общее наименование — они читатели, а, как известно, *pro capto lectoris habent sua fata libelli* — «судьба книги зависит от читательского восприятия». Всей душой желаю собранию вьетнамских сказок счастливой встречи с читателями, а тем самым — счастливой судьбы нашей книге.

***

Это издание восполняет досадную лакуну в публикациях сотрудников Института классического Востока и античности (ИКВИА) НИУ ВШЭ, среди которых фольклорные исследования пока сравнительно редки.

Книга подготовлена коллективом прекрасных специалистов по Вьетнаму. Важную роль в ее создании сыграли Ирина Самарина, старший преподаватель ИКВИА НИУ ВШЭ, превосходный знаток вьетнамского языка и вьетнамской культуры, и составитель книги Юлия Минина, ученица Самариной, преподаватель ИКВИА НИУ ВШЭ. Фундаментальность книге придают результаты исследований фольклора Юго-Восточной Азии, представленные молодыми востоковедами — Екатериной Лютик, кандидатом исторических наук, доцентом Института исследований Вьетнама Педагогического университета Гуанси (Гуйлинь, КНР), и Анной Харитоновой, специалистом по культуре и языкам Вьетнама и Камбоджи, преподавателем Восточного факультета СПбГУ.

Неоценимую помощь в подготовке книги оказали заведующая отделом выставок и постоянных экспозиций Музея Востока Альбина Сергеевна Легостаева, тьютор ИКВИА НИУ ВШЭ г-жа Нгуен Тхи Хай Тяу и кандидат филологических наук, заместитель директора Института литературы Академии общественных наук Вьетнама г-н Ву Тхань.

Искренняя благодарность Наталье Краевской за предоставленные файлы лубочных картин Донгхо, использованных в книге в качестве иллюстраций.

Илья Смирнов

ВЬЕТНАМСКИЙ ФОЛЬКЛОР В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Первым сборником вьетнамских сказок, изданным в СССР, стали «Сказки Вьетнама» [17], выпущенные издательством «Детская литература» в 1956 г. Это был авторизованный перевод с польского, а не с вьетнамского языка. Сказки Вьетнама собрал польский писатель и журналист Войцех Жукровский¹ в период своей командировки во Вьетнам в 1953 г.

Во время Первой Индокитайской войны (1946–1954) В. Жукровский находился на фронте в провинциях Лайтяу, Дьенбьенфу и Шонла [17, 4]. Тогда он увлекся фольклором региона и записал сказки и предания вьетнамского народа. Позднее В. Жукровский выпустил в Польше сборник народных вьетнамских повествований. Затем эта книга была переведена на русский язык и издана в СССР. В сборник вошло девять сказок: «Отчизна», «Каменный пес», «Сын земли», «Наказанный ростовщик», «Небесная лягушка», «Легенда о бетеле», «Волшебная тыква», «Пещера» и «Незримый предатель». Несмотря на то что это был перевод с польского языка, а сами сказки сопровождались лишь короткими страноведческими комментариями, данное издание представляет большой интерес.

В 1957 г. издательство «Детская литература» выпустило первый перевод с французского вьетнамской сказки «Гора смешливая справедливая» в обработке Ф.Л. Мендельсона² [234]. В 1958 г. по мотивам этой сказки был

¹ Жукровский Войцех (1916–2000) — польский писатель и журналист. Работал корреспондентом во Вьетнаме, Лаосе и Китае, был сотрудником посольства Польши в Индии. Автор сборника «Сказки Вьетнама» и романов «Крещенные огнем», «Запах собачьей шерсти», «Каменные плиты», «Похищение в Тютюрлистане».

² Мендельсон Феликс Львович (1926–2002) — советский переводчик с французского языка. Известен как основной и единственный соавтор И.Г. Эренбурга в первом советском издании Франсуа Вийона (1963), позднее переводил и других французских поэтов [243].

создан диафильм. Тираж и востребованность этих книг указывают на интерес и теплое отношение советского читателя к вьетнамскому фольклору.

Вслед за диафильмом в серии «Школьная библиотека для нерусских школ» вышел сборник сказок зарубежных стран «Волшебная кисть» [3] с рисунками художника Г. Филипповского. В него вошли и вьетнамские сказки: «Заяц и слон», «Заяц получает имя», «Заяц Софэа и судья» в переводе и обработке Ф. Мендельсона, «Мотылек» в записи В. Жукровского. Почти одновременно с этой книгой «Издательство иностранной литературы» выпустило сборник «Вьетнамские легенды» [52] в переводе с французского И. Бажановой.

В том же году увидело свет первое научное издание переводов³ вьетнамских народных повествований «Сказки и легенды Вьетнама» [34]. Кропотливую работу по переводу и страноведческим комментариям выполнили В.В. Карпов⁴ и М.Н. Ткачев⁵. В книге представлено 39 сказок и 32 легенды Вьетнама. Данная работа не содержала анализа сказочных сюжетов, мотивов и героев вьетнамского фольклора.

В 1963 г. издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник вьетнамского писателя То Хоая «Три сказки» [49] в переводе М.Н. Ткачева с иллюстрациями художника А. Урьева. Вниманию читателя представлены три аллегорические вьетнамские сказки: «Мышиня свадьба», «Рыцарь богомол» и «Верные друзья». Важно отметить стиль изложения и удивительные по своему замыслу иллюстрации художника.

В 1965 г. вышел перевод авторских сказок То Хоая, Нгуен Динь Тхи и Бу Ту Нама «Книга о великих подвигах и необычайных приключениях славного кузнечика Мена, а также Рыцаря черной мантии, который был ни уткой, ни гусем» [50] в переводе М.Н. Ткачева. Увлекательная сказка

³ Кроме советских и российских востоковедов изучением и переводом на русский язык вьетнамского фольклора занимались вьетнамские аспиранты и докторанты. Это — До Нам Льен (Вьетнамские сказки о животных в историко-типологическом освещении: на основе опыта советского сказковедения: дис. ... канд. филол. наук. М., 1985); Буй Куанг Тхань (Методологический опыт советских фольклористов и его значение для исследований вьетнамских легенд и преданий: дис. ... канд. филол. наук. М., 1991); Буй Мань Ньи (История изучения поэтики необрядовой лирики в русской и вьетнамской фольклористике: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992); Нгуен Кхак Куанг (Нравственный выбор во вьетнамской мифологии: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2009) и др.

⁴ Карпов В.В. — вьетнамовед, литературовед. В 1957–1958 гг. преподавал вьетнамскую литературу в ИВЯ при МГУ. Выполнял первый перевод на русский язык классической поэмы Нгуен Зу «Кьеу. Стенания истерзанной души» с французского языка, дальнейшая судьба перевода неизвестна. Работал в редакции вещания на Вьетнам Гостелерадио СССР [Интервью с Е.В. Кобелевым (РФ, Москва), 22.03.2021].

⁵ Ткачев Мариан Николаевич (1933–2006) — вьетнамовед, переводчик с вьетнамского языка, писатель. Окончил Восточное отделение исторического факультета МГУ в 1955 г. Преподавал в ИВЯ при МГУ, работал консультантом по вьетнамской литературе в Иностранной комиссии Союза писателей СССР, был сотрудником журнала «Иностранная литература». Перевел произведения средневековых писателей Вьетнама, новеллы и стихи, опубликованные в томах серии «Библиотека всемирной литературы», романы и повести современных вьетнамских авторов Нгуен Туана, То Хоая, Нгуен Динь Тхи и др. Собрал коллекцию вьетнамской храмовой игрушки [237].

о приключениях храброго кузнечика Мена снабжена иллюстрациями художника В. Сурикова.

Следующей значительной для фольклористики работой, опубликованной в 1970 г., стали «Сказки народов Вьетнама» [41]. Переводы выполнены представителями первого поколения вьетнамоведов — Н.И. Никулиным⁶, И.С. Быстровым⁷ и И.И. Глебовой⁸. В работе представлены переводы сказок: вьетов — 37, мыонгов — 4, тямов — 5, народов седанг — 17, бахнар — 7, джарай — 5, стиенг — 2, срэ (кэхо) — 2, мнонг — 1, ронгао (ренгао) — 1, ма — 1, хмонг — 12, сафанг (китайская этническая группа) — 2, таи (тай) — 1 и тхай — 4. В общей сложности читателю представлена 101 сказка народов Вьетнама. Книгу предваряет вводная статья Н.И. Никулина, посвященная анализу вьетнамского фольклора, к сказкам даны небольшие комментарии с анализом сюжетов и пояснениями культурных реалий страны. Необходимо отметить, что это первая и последняя на сегодняшний день попытка в отечественном вьетнамоведении комплексного анализа вьетнамских сказочных сюжетов. К сравнительному анализу на материале вьетнамских сказок обращался в своих трудах известный российский китаевед Б.Л. Рифтин [150; 13; 152; 151], однако глубокого и широкомасштабного анализа вьетнамских сказок в отечественном востоковедении еще не проводилось.

В 1974 г. вышел сборник «Высокоученый Куинь и другие забавные истории» [8], подготовленный Н.И. Никулиным и включавший народные вьетнамские анекдоты о жизни и остроумных проделках популярного героя-трикстера. Кроме циклов историй о главном герое, почтенном Сиене, Старом Птицелове, в книгу вошли истории, не объединенные общим фольклорным персонажем. Эти истории высмеивают самодурство и глупость чиновников, правителей, нерадивых учителей и школяров, неумелых лекарей, а также монахов и прорицателей. Здесь же можно встретить анекдоты о хвастунах, лентяях, мужьях и женах [93, 175–177].

⁶ Никулин Николай Иванович (1931–2005) — вьетнамовед, литературовед, переводчик с вьетнамского языка, доктор филологических наук, профессор. Стажер в советском посольстве в ДРВ (1954–1956). В последующие годы преподавал в ИВЯ/ИСАА при МГУ (1964–1983), научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1960–1964), заведующий Отделом литератур Азии и Африки ИМЛИ (с 1975 г.). Автор единственного на русском языке обобщающего исследования, посвященного вьетнамской литературе (Вьетнамская литература X–XIX вв. М., 1971). Общее число научных работ — свыше 200, более 20 статей посвящено вьетнамскому фольклору [219, т. 1, 211].

⁷ Быстров Игорь Сергеевич (1925–2004) — вьетнамовед, лингвист, переводчик с вьетнамского языка. В 1955 г. окончил Восточный факультет ЛГУ. Кандидат филологических наук, доцент, профессор. Преподаватель Восточного факультета ЛГУ. Издано свыше 40 его научных работ. Участник Великой Отечественной войны и войны с Японией (1941–1945).

⁸ Глебова Ивета Ивановна (1929–2016) — вьетнамовед, переводчик с вьетнамского языка. В 1952 г. окончила МИВ. Кандидат филологических наук, доцент. Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1979–1981). Преподаватель МГИМО МИД СССР (1955–1985). Автор ряда научных работ и учебников по вьетнамскому языку. Переводила произведения вьетнамских писателей — Нгуен Ван Бонга, Буй Хьена, Ву Тхи Тхыонг и др.

В 1976 г. увидел свет сборник сказок «Волшебный козел: вьетнамские народные сказки» в переводе Н.И. Никулина [5]. В книгу вошли народные повествования из сборника «Сказки народов Вьетнама» (1970 г.). В издании появились и новые переводы, например, «Как глупец очки покупал» — сказка вьетов, «Угорь и рыба Тяй» — мыонгов, «Как черепаха с тигром наперегонки бежала» — бахнаров, «Три брата» — народа джарай, «Супруга-птица» — народа хмонг, а также сказки ванкьеу. В общей сложности в книге представлено 83 сказки.

Интерес советского читателя к необычным сюжетам вьетнамских сказок рос от книги к книге. В 1983 г. Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия» в серии «Сказки народов мира» выпустила грампластинку с записью вьетнамской сказки «Дерево Кхе». Озвучивали сказку известные актеры Ирина Муравьева и Олег Анофриев.

В 1987 г. издательство «Детская литература» выпустила сборник вьетнамских сказок «Чудесная жемчужина» [53] с иллюстрациями М. Антимоновой, в который вошли такие произведения, как «Ворон на дереве», «Бамбук о ста коленцах», «Чудесная жемчужина», «Хитрец Куой», «Небывалая змея» в переводе Н.И. Никулина, «Юноша Тыква» — И.И. Глебовой, «Дуракам — счастье» — И.С. Быстрова.

В 1988 г. вышел сборник «Чудесное зеркало» [54], в который вошли две малайские повести, бирманское повествование и памятник средневековой прозы «Рассказы об удивительном» Нгуен Зы (конец XV — XVI вв.) в переводе М.Н. Ткачева.

Через два года был опубликован сборник под редакцией Н.И. Никулина — «Чудесный посох» [55]. Его отличие от предыдущих заключается в системе рубрикации, касающейся жанровых особенностей повествований. В книге представлено 90 сказок.

В 1992 г. в свет вышел последний на данный момент сборник народных вьетнамских повествований — «Девушка-орхидея» [10], в который вошло 50 сказок. К уже знакомым российскому читателю произведениям — «Бамбук о ста коленцах», «Чудесный посох», «Тигр и моллюск» — добавлены новые: «Ты Тхык в царстве феи», «Необычайные приключения философа-мясника» и др. Кроме вышеуказанных изданий, ряд сборников мирового фольклора содержат раздел «Вьетнамские сказки» [39; 36; 44; 7; 31].

В 2000 г. вышел труд отечественного вьетнамоведа Е.Ю. Кнорозовой⁹ «Мифы и предания Вьетнама» [24] в переводе с вьетнамского языка и ханвана. В рамках данного издания впервые в российском востоковедении были систематизированы мифы, предания и другой фольклорный материал Вьетнама. Главным образом в книге содержатся переводы средневековых сочинений; помимо них приводятся вьетнамские мифы и предания в переводах

⁹ Кнорозова Екатерина Юрьевна (р. 1960) — вьетнамовед, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии Восточного факультета СПбГУ, научный сотрудник БАН. В 1982 г. окончила Восточный факультет ЛГУ по специальности «востоковед-филолог (вьетнамская филология)». С 1982 по 1987 г. обучалась в аспирантуре ЛО Института востоковедения АН СССР. Автор первой обобщающей работы по традиционным религиозно-мифологическим воззрениям вьетнамцев.

и переложениях современных вьетнамских авторов. В первый раздел книги («Мифы») вошли мифы о сотворении мира и о божествах, управляющих природой. Во втором разделе («От мифа к преданию») представлены истории о легендарных правителях, которые зачастую наделены функциями мифических персонажей. Третий раздел («Предания») посвящен описаниям удивительных событий, участниками которых нередко становятся известные исторические личности. Переводы сопровождаются предисловием и обширным филологическим комментарием.

Из всего вышесказанного можно заключить, что изучение вьетнамского фольклора в России непрерывно велось несколькими поколениями советских и российских вьетнамоведов. Между тем предстоит еще большая работа по переводу вьетнамских сказок и ознакомлению с ними российского читателя. Представленная вниманию читателя книга, мы надеемся, внесет свой вклад в продолжение этого непростого, но увлекательного дела.

Екатерина Лютик

ПРОЛОГ

БАРАБАН, ЧЕРЕПАХА, ВОЛШЕБНЫЙ БАМБУК: МОТИВЫ И СЮЖЕТЫ ВЬЕТНАМСКИХ СКАЗОК

Вьетнам нередко — и совершенно справедливо — называют перекрестком культур и народов. На территории этой тропической страны помимо этнических вьетнамцев (самоназвания *кинь*, *вьеты*), представляющих собой титульную нацию, проживает множество миноритарных народов, говорящих более чем на сотне языков¹. Вьетнамская словесность испытала мощное влияние Китая, но в то же время важную роль в ее развитии сыграли глубинные связи с народами Юго-Восточной Азии — например, бахнарами, седангами и особенно тьямами, через контакты с которыми вьетнамская культура обогатилась элементами индийской традиции.

На протяжении всей своей истории вьетнамская литература была тесно связана с мифом и фольклорной культурой. На начальном этапе становления письменности народная традиция и книжная словесность сосуществовали почти наравне — даже в элитарной среде [128, 3]. Много позднее, примерно в XVII–XVIII столетиях, пережив тысячелетнее господство Китая, главенство буддийской, а затем и конфуцианской доктрины в рамках высокой письменной культуры, народные сюжеты и герои вновь вернулись в пространство вьетнамской поэзии и прозы. Фольклорная традиция вьетов не погибла, не растворилась в многообразии иноземных заимствований, сохранив свою собственную специфику.

Самые ранние из дошедших до нас записей вьетнамского повествовательного фольклора были сделаны в первые века нашей эры, в начале периода

¹ Постановлением Центрального статистического управления СРВ от 2 марта 1979 г. № 421 был утвержден официальный перечень народов Вьетнама (54 народа). На практике вопрос о точном числе народов, населяющих страну, и целесообразности разделения или объединения некоторых этнических групп в контексте лингвистических, исторических и культурологических исследований остается открытым.

так называемой Северной зависимости Древнего Вьетнама от китайских династий (II в. до н.э. — X в.). Некоторые мифологические сюжеты, легенды и предания вошли в основные средневековые вьетнамские хроники — «Краткую историю Вьета» [111] и «Полное собрание исторических записок Дайвьета» [142], созданное по подобию труда сунского историка Сыма Гуана «Всеобщее зеркало, управлению помогающее». В XIV–XV столетиях появились два сборника вьетнамских повествований, в основе которых лежали древние мифы, легенды и сказки вьетов, — «Собрание чудес и таинств земли Вьет» [204] XIV в. и «Дивные повествования земли Линьнам» [212] XV в., интерес к которым у вьетнамских исследователей и рядовых читателей не ослабевает до сих пор, о чем свидетельствуют комментированные переиздания (см., например, [210]).

В XVI столетии, которое вошло в историю Вьетнама как один из самых тяжелых периодов для страны и ее народа, уставшего от кровопролитных междоусобиц и вражеских вторжений, талантливый писатель Нгуен Зы сочинил свои знаменитые «Пространные записи рассказов об удивительном» [205] — сборник рассказов о необычайном, наполненный неподдельным интересом отнюдь не к описанию доблестных битв, а к простым человеческим чаяниям и надеждам, пусть и в обрамлении фантастических событий. Наряду с авторскими новеллами сборник включал обработанные Нгуен Зы сказочные сюжеты.

В конце XVII — XVIII вв. неизвестный поэт создал масштабную историко-эпическую поэму «Книга Небесного Юга» [209] — национальную эпопею о подвигах исторических и легендарных героев, в которой переплелось множество фольклорных мотивов. Примерно в это время сказочные сюжеты начинают активно использоваться поэтами, пишущими на *тыи-номе* (национальная вьетнамская письменность, сформировавшаяся на основе китайской иероглифики).

Во второй половине XIX — начале XX в. вьетнамские исследователи предпринимают первые попытки сбора и последовательного, методологически обоснованного изучения фольклора. Известный ученый Чыонг Винь Ки, получивший европейское образование, опубликовал в 1866 г. сборник сказок «Повествования давних времен» [211]. Обширный сказочный материал представил в своей книге «Сказки страны Юга» [207] фольклорист Нгуен Ван Нгок. Наиболее полным и широкомасштабным исследованием народных повествований XX в. стал многотомный труд выдающегося ученого-фольклориста Нгуен Донг Ти «Сокровищница вьетнамских сказок» [66].

Первое издание неадаптированных переводов вьетнамских народных повествований на русский язык было опубликовано в 1958 г. В сборник под названием «Сказки и легенды Вьетнама» [34] вошло 39 сказок и 32 легенды в переводах литературоведов и знатоков вьетнамской культуры В.В. Карпова и М.Н. Ткачева; тексты были снабжены краткими страноведческими комментариями. В 1963 г. Институт литературы в ДРВ

начал выпускать серию фольклорных сборников, в рамках которой публиковались сказки национальных меньшинств Вьетнама [71], а в 1970 г., отчасти опираясь на эти материалы, советские востоковеды подготовили объемный труд «Сказки народов Вьетнама» [41], где были представлены переводы повествований вьетов, мыонгов, тямов, седангов, бахнаров и т.д. С момента выхода этого сборника, над которым работали выдающиеся вьетнамоведы Н.И. Никулин, И.С. Быстров и И.И. Глебова, в отечественном востоковедении более не предпринималось попыток анализа вьетнамских сказочных сюжетов, хотя собственно переводы фольклора и их переиздания выходили регулярно [8; 5; 53; 54; 55] вплоть до начала 1990-х годов [10]. Отметим и то, что этот труд во многом заложил основу межрегиональных фольклорных исследований, важность которых трудно переоценить².

Очертания Вьетнама на карте часто сравнивают с коромыслом, на котором подвешены две тяжелые корзины с рисом. «Корзины» — это две главные житницы страны, обширные дельты Красной реки и Меконга. Но какой родная земля представлялась предкам современных вьетнамцев — лаквьетам, чей ареал расселения был намного меньше и чье самостоятельное видение мира заложило основы одной из самых мощных и богатых фольклорных традиций региона? Дела земные и дела загробные, праздники, военные походы и повседневный труд, людей и животных лаквьеты с большой искусностью изображали на бронзовых барабанах (археологическая культура Донгшон, VI в. до н.э. — II/I в. до н.э.). В древности эти барабаны обслуживали культовую жизнь народа. С особым вниманием лаквьеты относились к детальной передаче подробностей похоронного обряда — этого требовала специфика духовной культуры донгшонцев, в основе которой лежал культ предков, а почитание духов усопших родичей, как известно, всегда предполагает внимательное и бережное обращение с останками покойного. Изображения на барабанах, таким образом, несли функцию текста [92, 31]. Этиологические вьетнамские повествования донесли до нас отголоски этих древних верований. Одно из них вошло в классический корпус фольклорных текстов под названием «Волшебный барабан» [68, 159–161].

Сказка повествует о том, как трое братьев нашли в лесу барабан, одна сторона которого была синяя, а другая — красная. Барабан этот принадлежал духу баньянового дерева и обладал волшебной силой: если ударить по синей стороне, то умирал человек, а от удара по красной к жизни возвращался покойник. Старшие братья испугались духа и его диковинного барабана, но младший не устрасился и попросил у божества чудесный инструмент, чтобы добыть себе жену. Той же ночью братья набрали на пещеру, где тигр держал в плену трех девиц. И тут не струсил младший юноша — трижды перехитрил хозяина леса, а затем и вовсе убил его, ударив по волшебному инструменту. Братья вернулись в родную деревню и привели с собой девушек-красавиц.

² Подробнее см. статью «Вьетнамский фольклор в русских переводах» в данной книге.

Вскоре каждый женился на одной из них, и зажили они в мире и согласии. А когда случалась в деревне смерть, они приносили в дом покойника красно-синий барабан и возвращали мертвеца к жизни на радость его родным. Однажды дух узнал, что младший брат женился, и потребовал барабан назад. С тех пор юноши уже не могли оживлять людей, однако в память об этой истории каждый раз, когда вьетнамцы устраивают похороны или совершают подношения, они бьют в гонги и барабаны.

По мнению современных исследователей, древние бронзовые барабаны Донгшона использовались как музыкальные инструменты во время празднеств и церемоний, а также молений о ниспослании дождя и урожая [160, 68]. Искусство обращения с ними в пространстве ритуала давно утеряно, однако барабаны и гонги продолжают оставаться одним из важнейших элементов вьетнамских обрядов и праздников. Во время религиозных фестивалей, а также выступлений ансамблей национальной музыки и танца используют двухмембранные барабаны в форме бочонка, которые подвешивают на шею с помощью лент. Такие инструменты называют рисовыми барабанами — *чонг ком* (вьетн. trống cơm) [203, 269]. Они по своей конструкции идентичны китайским барабанам *яогу* (кит. 腰鼓). Наряду с *чонг ком* широко распространены двухмембранные барабаны с коротким корпусом, сработанные из древесины хлебного дерева и шкуры буйвола, — *чонг бан* (вьетн. trống bân). Согласно современным представлениям вьетнамцев, в упомянутой сказке речь идет как раз о таком (или сходном по конструкции) барабане.

Игра на гонгах и барабанах по сей день остается важнейшим элементом похоронных обрядов вьетнамцев. В барабан бьют всякий раз, когда в дом покойного входит новый человек, чтобы все члены общины знали, как много людей скорбит по умершему [208, 306]. Барабанный бой сопровождает и саму похоронную процессию. У вьетского народа тхо существует обычай приглашать в дом, где случилась смерть, шамана с барабаном и флейтой. Шаман подает сигнал усопшему, что он мертв, после чего тело кладут в гроб и начинают бить в барабан и играть на флейте, созывая других членов общины — точно так же, как это заведено у вьетнамцев [109, 59].

Примечательна цветовая символика барабана, упоминаемого в приведенной сказке, а именно оппозиция красного и синего цвета. Подобно ханьцам, красный цвет вьетнамцы трактуют как цвет радости, лета, торжества жизни, женского начала, свадебных обрядов. Собственно синий цвет, напротив, мало репрезентативен и напрямую не связывается со смертью [108, 367]. Насыщенный синий цвет воспринимается вьетнамцами как неотъемлемая часть сине-зеленой цветовой гаммы, в рамках которой о конкретном оттенке можно судить лишь при наличии контекста и соответствующих уточнений. По-видимому, такой необычный для вьетнамской культуры цветовой дуализм отражает аспект древних шаманских верований, касающийся представлений о мире живых и загробном мире, что свойственно некоторым народам Сибири [221]. Так, лишь один из множества элементов сказки перекидывает мост из одной точки зафиксированного

исследователями фольклорного повествования не только в глубь веков, но и к далеким культурам и народам.

Как и в случае со многими другими народными сказками Вьетнама, структура «Волшебного барабана» весьма своеобразна и представляет собой переплетение целого ряда типов, описанных в указателе сказочных сюжетов по системе Аарне — Томпсона: AaTh 1640 «Храбрый портняжка», AaTh 563 I «Волшебные дары», а также включает эпизоды, сходные с таковыми из блока «Состязание человека и людоеда» (AaTh 1060–1114).

Вопрос соответствия вьетнамского фольклорного материала сказочному каталогу Аарне — Томпсона и целесообразность его применения в контексте вьетнамоведческих исследований поднимался специалистами не раз. Российский и советский лингвист В.М. Жирмунский отмечал, что, хотя экспансия индийских сказочных сюжетов, описанных в каталоге Аарне, и останавливается в районе индонезийского острова Сулавеси, вьетнамский сказочный материал, как правило, соответствует приведенным в каталоге схемам [99, 289]. Крупнейший отечественный исследователь вьетнамской литературы и фольклора Н.И. Никулин подтверждал этот вывод — в первую очередь в отношении волшебных сказок, объясняя имеющиеся отклонения крайним положением Вьетнама и тем, что его фольклорная традиция восприняла сказочные элементы очень многих народов [41, 16]. На наш взгляд, именно анализ таких «отклонений» в соединении с поиском того общего, что помогает выявить древние межрегиональные связи, и является одной из важнейших задач в контексте исследований вьетнамского фольклора, решение которой много прибавит к пониманию культуры его создателей.

Вьетнамские народные повествования обнаруживают сходство с фольклором соседних народов — ханьцев, кхмеров, седангов, тямов, и далеко не всегда общность сказочных мотивов и сюжетов можно объяснить заимствованиями. Нередко очевидное сходство мифологии и фольклора говорит о более древних связях народов Юго-Восточной Азии. Примером тому может послужить сюжет о сыне бездетных родителей, который появляется на свет в теле низкого, презируемого существа — почти всегда водной рептилии или земноводного. Чудесный ребенок умеет говорить человеческим языком и выполнять тяжелую работу. Он выдерживает ряд испытаний и женится на дочери государя, местного помещика или богача. По ночам или при особых обстоятельствах звериный персонаж сбрасывает шкуру (панцирь, кожу) и предстает перед женой в облике прекрасного юноши. Затем жена или другая женщина портит его звериную «одежду», после чего он либо остается человеком, либо исчезает. В настоящей книге данный сюжет представлен повествованием под названием «Маленький Черепашка»; известна также и другая вьетнамская сказка, где волшебное дитя рождается в облике черепахи, — «Волшебная черепаха» [40, 81–86].

Черепаша во Вьетнаме наряду с драконом, единорогом (цилинем) и фениксом входит в четверку священных животных (*вьетн. tứ linh*). Золотая черепаха (*вьетн. Kim Quy*) связана с идеей государственности и независимости

вьетнамцев, борьбой против северных захватчиков — ханьцев. В известнейших вьетнамских легендах она выступает в роли волшебного помощника полуполюбопытного вождя аувьетов Ан Зыонг-выонга, который вступил в борьбу с китайским полководцем Чьеу Да (кит. 赵佗, Чжао То). Вначале черепаха помогает правителю Аулака построить крепость Колоа, которую каждую ночь разрушают демоны, а затем дает ему свой коготь, чтобы из него изготовили спусковой крючок для чудесного арбалета, одной стрелой разящего множество врагов [24, 15]. В средневековой легенде об императоре Дайвьета Ле Лое (1384(?)–1433) Золотая черепаха из озера Хоанкьем вручает молодому предводителю вьетов волшебный меч, с помощью которого ему удастся победить китайских захватчиков и освободить страну [24, 135–138]. Представители единственного в Азии вида гигантских пресноводных черепах *Rafetus swinhoei* действительно обитали в ханойском озере до недавних пор. Последняя из них погибла в 2016 г. от старости и из-за неблагоприятной экологической обстановки [227]. По наблюдениям автора, некоторые жители столицы связывали эту черепаху с хранилищем волшебного меча и предвещали стране всевозможные бедствия в связи с ее смертью.

Черепаха во Вьетнаме считается символом долголетия и мудрости. На спинах каменных черепах установлены стелы с именами лауреатов государственных экзаменов в Храме литературы (вьетн. Văn Miếu) в Ханое. Черепаха изображалась на вьетнамских императорских халатах. Однако в сказке «Маленький Черепашка», как и в других подобных повествованиях, образ священного животного уступает совершенно иному, гораздо более приземленному восприятию вьетнамского крестьянина, который привык видеть этих медлительных, неповоротливых существ в изобилии у каждого деревенского водоема.

Важно то, что вначале герой повествования почти ни у кого не вызывает симпатии и сочувствия, поскольку появляется в крайне неприглядном облике. Этот мотив незавидного жениха сближает сказки данного типа с широко распространенным в Юго-Восточной Азии циклом сюжетов о ребенке-колобке без рук и ног, который впоследствии успешно выдерживает трудные испытания, превращается в красавца и женится на дочери местного правителя. Странного вида существо, похожее на кокосовый орех, камень, череп, тыкву, мешок и т.п., упоминается в сказках и преданиях тямов («Царский зять Кокосовый орех» [41, 138–155]), вьетов («Человек, круглый, как кокосовый орех» [34, 112–125]), стиенгов («Юноша Котелок» [41, 260–262]), седангов («Юноша Тыква» [41, 201–205]), тхаев («Парень-мешок» [41, 343–346]) и многих других народов Индокитая. Что особенно любопытно, почти всегда эти герои оказываются тесно связаны со стихией воды и идеей плодородия. Так, например, во вьетнамской сказке «Человек, круглый, как кокосовый орех» реализуется мотив чудесного зачатия от воды, выпитой из черепа, найденного в лесу, что явно указывает на происхождение этого повествования от мифа о тотемном предке. В тямском повествовании мать Кокоса зачинает свое дитя, искупавшись в волшебном озере. Примечательно и то,

что круглый предмет в сказках данного цикла варьируется с пресмыкающимися (змеем, вараном и т.п.). Есть основания полагать, что оба упомянутых нами сказочных цикла восходят к общей идее о душе умершего предка или первопредка, который перерождается в виде низкого существа, ассоциируемого с водой [141, 151].

Благоговение перед водной стихией и ее покровителем водным драконом — ключевой мотив множества вьетнамских сказок, что легко объяснимо, ведь от цикла разлива рек зависят все жизненные процессы рисоводческой цивилизации вьетнамцев. Известно, что культ дракона-крокодила существовал уже у самой ранней из известных групп населения прото-Юго-Восточной Азии, занимавшейся поливным рисоводством и включавшей, по-видимому, северные прототайские народы, австроазиатов и, скорее всего, часть австронезийцев [92, 23]. Без обильных дождей в сезон муссонов невозможно вырастить урожай, однако наводнения приносят смерть и разрушения; море дает пищу жителям побережья, но жестокие шторма губят рыбаков и уничтожают целые деревни. Об этой «борьбе противоположностей» и необходимом для жизни людей балансе повествуется во вьетнамском мифе о состязании божества гор Шон Тиня с покровителем водной стихии Тхюи Тинем [24, 105–106]. С драконом — царем подводного мира связаны сказки «Дева-Кузнечик» и «Талантливый младший брат», вошедшие в данную книгу.

Особое место во вьетнамском фольклоре занимает образ жабы (лягушки) — вызывательницы дождя, культ которой известен на юге Китая и в северных регионах Вьетнама со времен Донгшонской культуры. Миниатюрные фигурки лягушек помещались в центре дисков бронзовых барабанов, использовавшихся в аграрно-магических обрядах. Вьеты и чжуанцы, населявшие юг Китая, верили [214, 201], что лягушка — это дочь Лэй-шэня, духа грома, существа с человеческой головой и телом дракона [183, 44]. Лягушка осуществляет связь между земным миром и небесными богами, своевременно сообщая им о нуждах животных и людей. Данные мотивы прослеживаются в сказке «Как дядюшка Жаб с Небом судился» из настоящей книги. Это повествование, одно из самых старинных и популярных во Вьетнаме, рассказывает о том, как жаба дошла с просьбой о ниспослании дождя до самого Неба и спасла все живое от засухи. Кроме того, Небесный Владыка наделяет жабу особой привилегией — способностью своим кваканьем напоминать ему о том, что земле необходима влага [206, 107–111]. Российский этнограф Я.В. Чеснов приводит сведения о том, что представления о жабе (лягушке) как о животном, своим криком вызывающем дождь, существуют также у ва — группы народов, которые считаются одними из древнейших обитателей Индокитая, — и бахнаров [178, 255]. Схожие верования есть и у кхмеров: жрецы Камбоджи, изображая лягушек, просили таким образом о дожде [178, 256]. Ареал распространения культа жабы/лягушки, связанного с идеей плодородия и водной стихией, очерчивает на карте Дальнего Востока границы, едва

ли совпадающие с теми, о которых условились современные государства региона. Цивилизация поливного рисоводства, созданная народами — преемниками донгшонцев, противопоставляется просоводческой культуре Северного и Центрального Китая.

Необходимо подчеркнуть, что в пространстве традиционных вьетнамских представлений образ жабы почти всегда трактуется как положительный. Жаба наделяется множеством добродетелей — мудростью, смелостью, рассудительностью. По этой причине изображения такого неказистого на вид животного можно встретить на вьетнамских лубочных картинках из деревни Донгхо (*вьетн.* Đồng Hồ), которыми украшают дома в преддверии Нового года по лунно-солнечному календарю. Например, очень популярен сюжет под названием «Учитель-жаба» [201, 62], который, как считается, приносит удачу в деле постижения наук. Вьетнамскому фольклору чужда китайская концепция жабы-ядоноса, опасного животного, которое может принести смерть. В Китае это представление связано с тем, что во время брачного периода некоторые виды обитающих на его территории жаб становятся ядовитыми.

Сказки, главными героями которых являются животные и птицы, как видится, во Вьетнаме распространены больше, нежели в Китае. Выдающийся отечественный синолог-фольклорист Б.Л. Рифтин связывал малочисленность ханьских сказок о животных с чрезвычайно ранним переходом китайцев к земледелию, забвением охотничьего промысла и скудностью фауны Китая [19, 7]. У киней, а также малых народов Вьетнама — в особенности это касается горных этносов, по сей день проживающих в отдаленных районах в окружении неосвоенных лесов, — такие повествования, напротив, очень популярны. Один из излюбленных персонажей сказок о животных Вьетнама — хитроумный заяц (одноименная сказка представлена в нашей книге). Сказки о проделках этого ловкого, никогда не унывающего героя распространены у вьетов, кхмеров Южного Вьетнама и Камбоджи, малайцев, бирманцев [41, 11]. Нередко в повествованиях о животных народов Юго-Восточной Азии прослеживаются древние этиологические мотивы («Заяц, курица и тигр»), однако вместе с тем в ряде случаев заметна тенденция к сближению таких сказок с бытовыми; некоторые из них скорее напоминают притчи («Самая умная птица»).

Зачастую отдельные элементы и целые сюжетные схемы китайских, лаосских, кхмерских, индийских сказок попадали во вьетнамский фольклор через посредников, роль которых выполняли малые народы Вьетнама, расселенные на окраинах вьетского государства [41, 8]. Многие сказки, обнаруживающие сильное сходство с китайскими, стали известны вьетнамцам благодаря фольклору народов хмонг-мьен, проживающих на территории Южного Китая и Северного Вьетнама, а также в Лаосе, Таиланде и Мьянме. Такова, например, сказка «Умная жена», которую включают в сборники народных вьетнамских повествований. В китайском фольклоре распространен сходный сюжет под названием «Длинный нос» [46, 175–183], рассказывающий о том,

как крестьянин отправляется вслед за птицей, чтобы вернуть украденный урожай. Ночью он подсматривает за волком, тигром, медведем, обезьяной и птицей, которые достали волшебную яшмовую шкатулку из-под корней сосны. Когда животные уходят, крестьянин забирает шкатулку, выплачивает долг помещику и обретает счастье. Помещик, выпытав у крестьянина подробности этой истории, тоже отправляется за шкатулкой, однако звери обнаруживают его и калечат. Примечательно, что в сказке, известной вьетнамцам, содержится множество явных отсылок именно к культуре горных народов, а не ханьцев, что безусловно говорит о путях заимствования этого повествования.

Ряд сюжетов и мотивов вьетнамских сказок вплоть до деталей, напротив, практически полностью повторяет ханьские, что легко объяснимо широкомасштабными культурными заимствованиями в период Северной зависимости. Так, например, в сказке «Как дракон воду пил» разрабатывается сюжет о проглоченной волшебной жемчужине, распространенный у китайцев. Один из его популярных вариантов, известный в Китае под названием «О том, как Ча превратился в дракона», повествует о пастухе, который разбогател благодаря чудесной драгоценности. Позабыв о том, как сам жил в нужде, юноша отказывает в помощи односельчанам. По случайности или поддавшись скарედности, он проглатывает жемчужину и превращается в дракона [40, 218–220].

Сюжет сказки «Жена-птица» восходит к известнейшему китайскому мифу о «Ткачихе и Волопасе» (кит. 牛郎織女; вьетн. «*Ngưu Lang Chức Nữ*», тж. «*Ông Ngâu Bà Ngâu*»). Под влиянием вьетнамской фольклорной традиции повествование приобрело характерные черты волшебной сказки. История эта до сих пор горячо любима во Вьетнаме, к ней охотно обращаются современные поэты — продолжатели традиции народной поэзии [125, 61].

Как и в китайской повествовательной традиции, во вьетнамском фольклоре распространены сказки о тиграх — похитителях девушек. Согласно архаическим воззрениям ханьцев, тигр как тотемное животное имел право вступать в брачные отношения с человеком. Мотив свадьбы тигра и женщины был популярен и в китайской средневековой сказочной новелле [19, 8]. В уже упоминавшейся нами сказке «Волшебный барабан» тигр держит в плену трех девушек-красавиц, которые выполняют функции его жен: ждут его возвращения с охоты, поддерживают огонь, стряпают еду. В сказке «Злая мачеха» тигр выступает в качестве тотемного предка, который подвергает мальчиков на пороге совершеннолетия испытанию-инициации.

Функции хранителя леса как пространства, не подвластного человеку, средоточия природной мощи также выполняет большой старый змей (царь-змей, питон и т.п.). В китайской сказке-легенде «Царь-удав» [19, 279–283], сохранившей ряд архаичных мотивов, образ юноши-змееборца сближается с образом мифического стрелка И, который избавил людей от страшных

чудовищ. Другое китайское повествование — «Жених-змея» [19, 80–81] — во многом сходно с представленной в данной книге сказкой «Как девица питона в мужа взяла». Здесь хранитель леса функционально близок тотемному животному (требует себе в жены девушку) и одновременно приобретает характерные функции чудесного супруга (сбрасывает кожу и превращается в красавца).

Особого упоминания заслуживает дальневосточный сказочный цикл типа «Золушка». Варианты этого повествования, распространенные у народов Китая и Вьетнама, исследованы китайским ученым Тин Найтуном [200]. По его мнению, в азиатском регионе бытуют два основных типа сюжета внутри одной традиции. Первый, более древний, скорее всего, возник в сельских районах средневекового Вьетнама, расположенных между современными Ханоем и Хайфоном, а затем распространился на юге Китая (современные провинции Гуандун и Гуанси). Второй же возник сравнительно поздно — примерно 500–600 лет назад — в провинции Гуандун [200, 32–33].

Самый ранний из известных сюжетов данного типа записан в своего рода краткой энциклопедии литератора Дуань Чэнши (IX в.) [78, 1131]. Эту легенду пересказал Дуань Чэнши слуга его семьи, который был выходцем с юга, что также подкрепляет предположение о вьетском (или южнокитайском?) происхождении повествования. Этот древнекитайский вариант «Золушки» чрезвычайно близок вьетнамской сказке «Там и Кам», представленной в данной книге. Сказка повествует о доброй и кроткой девушке по имени Там и ее ленивой и завистливой сводной сестре — Кам. Как и в западных версиях сказки, трудолюбивая сирота терпит издевательства мачехи, а затем получает в дар богатые наряды и удивительной красоты туфельки, чтобы отправиться на празднество.

И в юго-восточных, и в китайских вариантах повествования данного типа мать «Золушки» перерождается в теле животного, связанного с водой, однако в сказках вьетов, тямов, тайцев это почти всегда рыба (креветка), в то время как у ханьцев — корова или буйволица (ср. со сказкой «Жена-птица»). В представленном варианте связь волшебного помощника (в Европе эту функцию обычно выполняет фея) и матери Там неочевидна, но порой об этом говорится напрямую, например, в сказках народа хмонг [59, 264–269]. Ключевую роль играет мотив бережного собирания и захоронения костей родителя, от которых героиня впоследствии получает щедрые подарки (см. также сказку «Дочь слона»). Согласно древнейшим представлениям китайцев и вьетнамцев, почтительное отношение к останкам предков и своевременное отправление соответствующих поминальных ритуалов обязательно принесет живым потомкам благополучие и удачу, в то время как пренебрежение этими обязанностями или неправильное их исполнение ведет к бедам и даже прерыванию рода. Заслуживает внимания обязательное упоминание кормления животного, в теле которого воплотилась душа матери, что также связано с подношениями предкам

в виде пищи (рис, куриное мясо, фрукты и т.п.) и алкоголя. Что особенно важно, кости и другие останки тел родителей и героев (перья, пепел, щепки, угольки и т.п.), причем обязательно собранные целиком, нужны для последующих перерождений. Этот мотив сохранения целостности останков, необходимого для воскрешения, также реализован в легенде о Куое и баньяновом дереве.

Вьетнамские сказки необычайно поэтичны. Даже короткие и незамысловатые на первый взгляд повествования не обходят стороной описания зеленых рисовых полей, персиковых и сливовых деревьев, покрывающих невысокие вьетнамские горы подобно вышивке, что украшает девичьи платья. Упоминания тех или иных деревьев и трав отнюдь не случайны. Бетелевая лоза и семена арековой пальмы, из которых готовят бетелевую жвачку, в сказке «Там и Кам» символизируют ритуалы поминовения в честь отца девушек-героинь, исполнение дочернего долга и в то же время неразрывно связаны со свадебной обрядностью. В паре «арека — бетель» семя («орех») пальмы ассоциируется с мужским началом, а листья бетеля — с женским. Символизм этих растений, отождествляемых с плотью и кровью супругов, страстью, любовью, преданностью и семейными узами, в полной мере отражен в классическом сюжете о происхождении бетелевой жвачки, вошедшем в уже упомянутый сборник старинной вьетнамской прозы XV в. «Дивные повествования земли Линьнам». Как повествует легенда, вьетнамский обычай жевать бетель и ареку вместе с известью появился во времена полулегендарной династии Хунгвыонгов (III тыс. до н.э. — 258 г. до н.э.), причем составляющие, необходимые для изготовления жвачки, появились из человеческой плоти, а именно из тел братьев Тана и Ланга, а также жены Тана — Льен.

Рано осиротевшие Тан и Ланг любили и поддерживали друг друга во всем. Когда братья выросли, они познакомились с прекрасной девушкой, которая попросила у родителей дозволения выйти замуж за старшего — Тана. Ланг остался жить вместе с братом и его молодой женой, страдая от того, что Тан, охваченный любовью к супруге, совсем позабыл о нем. Однажды Тан по ошибке обвинил Ланга в том, что тот домогается любви его жены. Не умея оправдать себя, младший брат бежал из дому, долго скитался и в конце концов умер на берегу далекой реки. Его тело превратилось в камень-известняк. Тан, тоскуя по изгнанному брату, пришел на место его гибели, где уснул вечным сном. Из его плоти выросла арековая пальма. Льен, не в силах вынести разлуку с мужем, отправилась на его поиски, нашла то место, где умерли братья, и там сделалась лозой бетеля, обвинившей ареку [24, 95–97].

Как известно, семена ареки при жевании стимулируют слюноотделение и окрашивают слюну в красный цвет, что вызывает ассоциации с кровью и всякий раз напоминает о нерушимости семейных уз — родственных и брачных. Этот мотив бетелевой жвачки как символа супружеской любви, возрождающейся в каждом последующем перерождении, прослеживается

и в повествовании о «вьетнамской Золушке». Претерпевшая множество страданий Там наконец воплощается в теле девушки-феи, которая появляется по ночам из плода хурмы. Благодаря доброте хозяйки чайной, приютившей девушку, героиня вновь встречается с супругом. Государь узнаёт свою погибшую некогда жену по тому, как искусно она приготовила для него бетель в виде крыла феникса — особый вид бетелевой жвачки, украшенной съедобными лепестками цветов красного цвета. Эти декоративные элементы и дали название угощению, напоминающему алое крыло почитаемого во Вьетнаме мифологического животного. Феникс символизирует женское начало, императрицу, т.е. саму Там, в то время как дракон — императора, ее супруга.

Нередко во вьетнамском фольклоре в качестве растения, обладающего большой сверхъестественной силой, выступает бамбук. С его помощью герои успешно проходят испытания-инициации и наказывают своих обидчиков («Бамбук о ста коленцах», «Сказка о дровосеке»).

Бамбук почитается народами Дальнего Востока как символ долголетия, стойкости, жизненной силы, а также рассматривается в качестве связующего звена между Небом и Землей. Например, в японских сказках путь на Небо нередко связан с выращиванием бамбука [47, 379]. Из длинной бамбуковой жерди вьетнамцы изготавливают новогодний шест *кэй нэу* (вьетн. *sâu nêu*). Бамбук, украшенный листьями баньяна, колокольчиками, медными пластинками, фигурками рыбок и фонариками, — своего рода сигнал для духов предков семьи, чтобы они пришли в мир живых и отметили главный праздник годового цикла с семьей. Повидимому, *кэй нэу*, как и праздничные шесты других народов (например, майское дерево в Европе), имеет глубокие культурно-мифологические корни и отсылает к древнейшим представлениям о космическом древе, мировом столпе [101, 47].

Во вьетнамском фольклоре бамбук связан с именем народного героя Тхань Зонга, духа — покровителя растительности и родоначальника кузнецов. Великан Тхань Зонг, подобно русскому Илье Муромцу, прежде немощный и ни на что не годный, перед лицом опасности, грозящей родине, обретает невиданную силу и отправляется сражаться с иноземными захватчиками — ханьцами. Как гласит предание, во время боя с неприятелем у Тхань Зонга сломалась железная палица — тогда он вырвал несколько стеблей бамбука и стал разить ими врагов. На помощь герою подросли два земледельца с колотушками, одна из которых была сделана из дерева, а другая — из бамбука. После победы оба они исчезли, оставив свои колотушки. Из одной появилась роща деревьев, а из другой — заросли бамбука. Считается, что эта роща сохранилась до сих пор [104, 222].

Бамбук, будучи символом вьетнамской общины и «низкой» деревенской культуры, в сказочных повествованиях выступает как атрибут народного героя, противопоставляемого богачам, феодалам и несправедливым правителям. От рождения обездоленные, находчивые и смелые герои

народных сказок, как правило, зарабатывают себе на пропитание тем, что рубят бамбук. Старец — часто упоминаемый во вьетнамском фольклоре волшебный помощник — помогает доброму юноше добыть невесту с помощью чудесного бамбука, который имеет свойство соединяться в одну длинную жердь, в известнейшей сказке «Бамбук о ста коленцах». Благодаря удивительному растению герой из простонародья обретает счастье, а богат наказан.

Среди волшебных сказок Вьетнама выделяются повествования о представителях образованного сословия — ученых-конфуцианцах и студентах (школярах), которые только готовятся сдать конкурсные экзамены на ученую степень («Три лисы-оборотня», «Ту Уйен»). Во Вьетнаме, как и в других странах дальневосточного культурного ареала, где господствовала конфуцианская идеология, основная цель системы образования состояла в подготовке квалифицированного административного аппарата в ходе трех-четырёхлетнего цикла экзаменационных испытаний. Такая система существовала во Вьетнаме примерно с XIII–XIV вв. до начала XX столетия. С 1177 г. действовала система экзаменов, программа которых предполагала изучение конфуцианства, даосизма и буддизма. В 1304 г. окончательно установилась программа экзаменов на чин. В нее вошли четыре обязательных испытания: запись текста, выученного наизусть; объяснение классического текста и написание стихотворения; сочинение указа, императорского манифеста и всеподданнейшего доклада; сочинение на вольную тему [180, 374–375]. Претендовать на ту или иную чиновничью должность было возможно лишь по завершении многолетнего обучения, которое включало освоение огромного количества древних текстов. По мере приобретения необходимых знаний и навыков обучающиеся могли участвовать в конкурсных экзаменах. В случае успеха экзаменуемые удостоивались одного из званий лауреата конкурсных экзаменов (в разные эпохи титулы, их градация и смысловое наполнение менялись). Процесс обучения был необычайно труден и требовал больших материальных затрат, так что нередко «пора студенчества» затягивалась на десятилетия. Истории известны случаи, когда сын и его убежденный сединой отец участвовали в одних и тех же экзаменационных испытаниях.

Сказки об ученых и школярах появились не ранее XV в., когда конкурсные экзамены во Вьетнаме стали проводиться на регулярной основе. Некоторые из этих повествований несут в себе явные черты позднесредневековых новелл о сверхъестественном, ставших популярными в период китайской династии Цин (1644–1912). Как и истории, вошедшие в сборник знаменитого китайского писателя Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжая о необычном» [149], элементы фантастики в этих вьетнамских историях органично переплетаются с описаниями социальных реалий прежней жизни (подготовка и сдача конкурсных экзаменов, вступление в должность). Действие легенды о Ту Уйене происходит в столице вьетнамского государства, Тханглонге (совр. Ханой), и изобилует деталями местной топонимики и китаизмами,

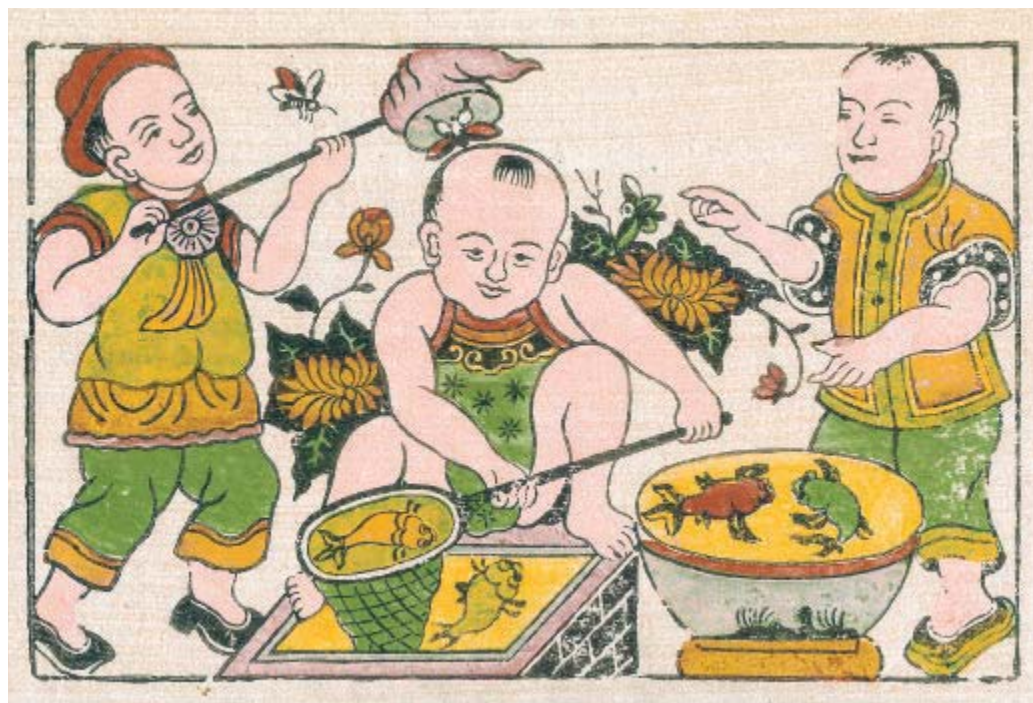
1. Золотая черепаха Ким Куи дарует Ан Зыонг-выонгу
волшебный арбалет

2. Зыонг Ле созывает своих жен

3. Триумфальное возвращение лауреата
государственных экзаменов на родину

4. Рыбы в бочках

5. Петух — хранитель времени и семейного очага

6. Генерал

7. Шествие с барабанами

8. Тхатъ Санъ стреляет в орла

что также следует отнести к поздним явлениям во вьетнамском фольклоре. Как отмечает Н.И. Никулин, по-видимому, некоторые из подобных историй созданы в среде образованного сословия и не являются народными сказками [41, 12].

***

Несомненно, изучение сказочного материала требует междисциплинарного подхода, кропотливых филологических, культурологических, исторических изысканий. По этой причине мы не ограничились одним лишь анализом сказочных сюжетов, героев и мотивов и снабдили тексты подробными культурологическими комментариями и историческими справками. В нашей работе мы следовали теоретическим трудам В.Я. Проппа и Е.М. Мелетинского, привлекая к анализу обширный фольклорный материал не только собственно вьетнамцев, но и многих других народов Восточной и Юго-Восточной Азии — ханьцев, дунган, тямов, хмонгов, кхмеров, бахнаров, седангов, монголов, ли, стиенгов и др. Структурно и методологически представленная работа опирается на исследования отечественного востоковеда и филолога Б.Л. Рифтина. Наряду с классическими указателями сказочных сюжетов и мотивов А. Аарне [61], Н.П. Андреева [1] и С. Томпсона [62] мы использовали новейшие данные аналитического каталога фольклорно-мифологических мотивов Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина [228], актуальные для анализа и сравнения мифологических мотивов, следы которых можно обнаружить во многих преданиях и сказках вьетнамцев. Книга включает 25 сказочных и легендарных сюжетов, опубликованных в ряде вьетнамских сборников повествовательного фольклора [69; 70; 65; 68]. Значительная их часть ранее не переводилась на русский язык. Коллектив авторов выражает надежду на то, что эта работа внесет посильный вклад в изучение народных вьетнамских повествований и введет в научный оборот новый фольклорный материал, все еще мало знакомый современным исследователям.

В качестве иллюстраций к книге использованы уже упомянутые нами лубочные картины Донгхо, выполненные в технике цветной ксилографии, из личной коллекции известного специалиста по художественной культуре Вьетнама Н.М. Краевской. Народная картина — один из наиболее популярных самобытных видов вьетнамского изобразительного искусства, интерес к которому вспыхнул с новой силой в конце XX — начале XXI в.

Принято считать, что ксилография появилась во Вьетнаме не позднее XI в., однако следует отличать собственно народную картину и более ранние изображения, служившие нуждам буддийского культа, поскольку по своим функциям и художественным особенностям они существенно различались. Во Вьетнаме сложилось несколько основных центров производства лубка — Донгхо, Хангчонг, Синь, Кимхоанг. В то время как ханойские мастера с улицы Хангчонг, расцвет деятельности которых пришелся на XIX в., использовали приемы классической дальневосточной живописи, деревенские картины в плане сюжетов и техники исполнения воплощали

фольклорные традиции вьетнамцев. Местом зарождения деревенской гравюры стала деревня Донгхо, расположенная неподалеку от Ханоя. Мастера Донгхо с XVI в. изготавливают новогодний лубок *чань тет* (вьетн. tranh Tết), изначально предназначенный для отправления соответствующих семейных ритуалов, тесно связанных с культом предков. Техника изготовления деревянных матриц, бумаги и красителей бережно передается из поколения в поколение. Для создания одной цветной картины необходимо от трех до пяти печатных досок, каждая из которых окрашивается в один цвет. Последним делают оттиск черного контура. Все красители мастера каждой семьи изготавливают по собственным рецептам — обязательно из натуральных материалов. Для получения зеленой краски используют яр-медянку, черной — китайскую тушь, желтой — цветки софоры, оранжевой — древесные смолы и т.п.

Тематику изображений лубка во многом определила их благопожелательная и защитная функции. Накануне Нового года вьетнамцы наклеивали яркие картины на стены, двери и ворота домов, стремясь уберечь жилище от воздействия злых духов, лубком украшали алтарь предков, его дарили детям с пожеланиями удачи, успехов в учебе. Помимо религиозных и праздничных картин с изображениями божеств, Духа домашнего очага, духов-охранителей, благопожелательных символов, животных китайского зодиака широко известны лубки исторического цикла («Госпожа Чьеу верхом на слоне», «Чан Хынг Дао разит врагов»), а также картины на мифологические, легендарные, литературные сюжеты («Тхатъ Сань стреляет в орла»).

В книге представлены лубочные картины известных мастеров деревни Донгхо — Нгуен Данг Те, Нгуен Хыу Сама и художников его семьи. Нгуен Данг Те — один из последних ныне живущих хранителей традиции изготовления деревенской гравюры. За многие десятилетия активной работы он собрал обширную коллекцию старых печатных досок, которые можно увидеть в центре-музее Донгхо. Картины его семейной мастерской отражают классические традиции деревенского лубка — использование цветного фона, намеренно искаженные пропорции человеческих фигур, изображение жанровых сцен и благопожелательных символов, исторических и легендарных героев вьетнамской истории.

Нгуен Хыу Сам долгие годы был ведущим мастером одной из наиболее уважаемых династий художников Донгхо. После его смерти в 2016 г. руководство семейным делом перешло к его сыну, Нгуен Хыу Куа. Выбранные нами картины этой мастерской позволяют оценить разнообразие тем и стилистики лубка, бытующих в рамках даже одной семьи художников. Здесь представлены цветные и черно-белые оттиски, выполненные на белом фоне, а также традиционные яркие и праздничные лубочные картины на популярные сюжеты. Среди них — благопожелательные изображения мальчиков с почитаемыми и священными животными в руках, юмористические и сатирические картинки — «Сцена ревности», «Учитель-жаба», «Сбор кокосов».

Тематика и сюжеты лубочных картин тесно связаны с фольклорным материалом, который исследован в нашей книге, однако помимо желания достичь целей сугубо научных, мы выражаем надежду на то, что художественная выразительность и оптимизм, присущий вьетнамским народным картинам, не оставят читателя равнодушным и доставят ему искреннее удовольствие.

Юлия Минина

СКАЗКИ

丁先皇

КАК ДРАКОН ВОДУ ПИЛ

В стародавние времена в одной деревне жил юноша. Он собирал на продажу хворост — зарабатывал себе на пропитание. Парень этот был очень беден, ел только жидкую овощную кашу, так и перебивался со дня на день. Носил он круглый год одну и ту же рваную ветошь, вот и прозвали его Заплаткой¹.

Как-то раз шел Заплатка с вязанкой хвороста мимо пруда и увидел в воде двух лягушек. «Эге! Сейчас я их поймаю!» — подумал парень, положил на землю свою ношу и потихоньку полез в пруд. Лягушки, заметив человеческую тень, тут же нырнули на глубину. Заплатка набрал полную грудь воздуха, нырнул вслед за ними и, зажмурив глаза, принялся шарить руками по дну. Долгонько он провозился, но в конце концов ухитрился поймать одну лягушку. Вытащил Заплатка добычу на берег, крепко скрутил лягушку своей набедренной повязкой и бросил ее на землю, а сам полез за второй².

Вдруг откуда ни возьмись налетел коршун, схватил лягушку, завернутую в повязку Заплатки, и взмыл в небо. Так бедный парень остался и без лягушки, и без последней своей одежды. Опечалился юноша, сел и заплакал.

Шел мимо старец, увидел убитого горем Заплатку и спрашивает:

— Отчего ты так громко плачешь?

Заплатка ему отвечает:

— Я несчастный бедняк, отец и мать мои давно умерли, а я зарабатываю на жизнь тем, что собираю хворост. Приходится мне нелегко: день ем, день

¹ В оригинале юношу зовут Кхау (вьетн. Khâu), что означает «сшивать», «штопать».

² Во Вьетнаме лягушек традиционно употребляют в пищу. Несмотря на то что лягушачье мясо — скорее простонародная еда, готовят его с некоторыми изысками и подают с различными приправами, соусами и овощами.

голодаю. Сегодня увидал я вот в этом пруду двух лягушек и с великим трудом поймал одну. Связал я лягушку своей набедренной повязкой и оставил на берегу, но коршун унес и лягушку, и убогую мою ветошь. Теперь и вовсе голым придется ходить.

Старик в ответ:

— Слезами горю не поможешь. Отчего бы тебе не отправиться к Небу и не спросить, за что на твою долю выпали такие тяготы и несчастья?

Услышав речи старца, Заплата приободрился, утер слезы и отправился искать Небесный чертог.

Шел Заплата день за днем, вперед и вперед, и пришел к берегу моря. Море огромное, конца-края ему нет, волны грохочут — аж уши закладывает. Смотрит Заплата туда, сюда — нет переправы. Что же делать? Вдруг вынырнула из воды громадная рыбина и спрашивает Заплатку:

— Куда путь-дорогу держишь? Куда так спешишь?

Заплата отвечает:

— Я бедный сирота, ничего-то у меня нет: ни еды, ни одежды. Я иду спросить у Неба, за что на мою долю выпало столько невзгод. Но море так велико и могуче, а волны так высоки! Как же мне переправиться?!

Рыба и говорит Заплатке:

— Давай я тебя перевезу на своей спине. А ты, когда удостоишься встречи с Небом, спроси его вот о чем: уже три года я блюду обет и живу в аскезе, а все не могу достичь просветления. Отчего так?

Заплата согласился похлопотать за рыбину, и та быстро перевезла юношу на другой берег.

Снова Заплата отправился в путь по суше. Шел он, шел и вот повстречал на своем пути старуху. Старуха остановила Заплатку и спрашивает:

— Куда это ты спешишь?

— Нет у меня отца и матери, нечего мне есть и нечем прикрыть тело. Я иду спросить у Неба, отчего мне так тяжело живется на свете, — ответил Заплата.

Услышав слова юноши, пожаловалась старуха и на свое горе горькое:

— Есть у меня дочь восемнадцати лет. День-деньской сидит и сжимает левую руку в кулак, ни словечка не вымолвит, и никто не может взять в толк, что за беда с ней приключилась, что за недуг такой ее поразил. Когда дойдешь до Небесного чертога, уж спроси про нее, будь добр!

Заплата пообещал помочь и отправился дальше. Шел он, шел, без усталости шагал вперед и вперед, вдруг слышит — кто-то его окликает:

— Эй, парень, куда путь-дорогу держишь?

Огляделся Заплата, видит — вышел ему навстречу господин в богатых одеждах. Все рассказал ему юноша как на духу:

— Давным-давно умерли мои отец и мать, оставили меня сиротой. Жил я впроголодь, а несчастный случай и последнее забрал. И тело мне прикрыть нечем! Я иду спросить у Неба, за что мне такие бедствия.

Господин ему и говорит:

— Есть у меня сад, в начале сада растет персиковое дерево, а в конце — сливовое. Не могу взять в толк, отчего уже который год нет на них по весне ни единого цветочка. Когда доберешься до Неба, похлопochи за меня, спроси о моей беде.

Заплатка покивал в знак согласия и пошел дальше. Миновал он глубокие ущелья и высокие горы, переправлялся через быстрые ручьи, продирался сквозь лесную чащу и добрался, наконец, до Небесных врат.

— И зачем ты, простой смертный, явился сюда? — спросило Небо.

— Хочу спросить Небо кое о чем, — смело ответил Заплатка.

Согласилось Небо:

— Так и быть, человечешка. Даю тебе дозволение задать три вопроса. Говори же!

Начал Заплатка задавать свои вопросы:

— О Небо, в начале своего пути повстречал я огромную рыбину. Сказала она, что блюдет обет целых три года, но по-прежнему не может достичь мира небожителей.

— Во рту у той рыбины лежит волшебная жемчужина, — ответило Небо. — Вели ей разинуть пасть, вытащи жемчужину и скажи: «Роду ты рыбьего, и как же тебе возможно достичь просветления!»

Стал дальше спрашивать Заплатка:

— В другой раз повстречалась мне старуха и посетовала на болезнь своей дочери. Той девушке минул восемнадцатый год, целый день она сидит, сжав левую руку в кулак, и не может вымолвить ни слова.

Сказало на это Небо:

— Пойди к той девушке и скажи: «Я пришел к тебе посвататься!» — и в тот же миг она исцелится от недуга.

В третий раз спросил Заплатка:

— Было дело, окликнул меня господин в богатых одеждах. Хочется ему узнать, отчего персик и слива в его саду никогда не зацветают.

Ответило Небо:

— У корней персикового дерева зарыт кувшин с золотом, а у корней сливового — кувшин с серебром. Надобно вырыть эти сокровища, тогда деревья зацветут.

Заплатка собирался было спросить о собственных бедах и тяготах, но Небесные врата захлопнулись — ведь он уже задал три вопроса. Делать нечего, отправился Заплатка восвояси.

На обратном пути юноша вновь проходил мимо дома с садом, где росли персик и слива. Заплатка передал господину слова Неба. Тот бросился копать под корнями деревьев и в самом деле отыскал два кувшина: один доверху полный золота, а другой — ослепительно белого серебра. Господин был честный человек и, памятуя о том, какой нелегкий путь пришлось проделать Заплатке, отдал ему по половине сокровищ из каждого кувшина.

Затем дошел юноша и до дома старухи, чья дочь страдала от неведомой болезни. Как и велело Небо, Заплатка подошел прямо к девушке и сказал:

«Я пришел к тебе посвататься!» Стоило ему вымолвить эти слова, как девушка сама собою исцелилась.

Долг платежом красен: старуха, желая отблагодарить юношу, и впрямь отдала дочь в жены Заплатке. Тут и золото с серебром пригодились, справил Заплатка богатую свадьбу, никого из гостей не обошел почтением. А когда отгуляли свадьбу, отправились молодые на родину мужа³.

Долго-долго шли муж с женою по суше и пришли к берегу моря. Заплатка спустился к воде и крикнул:

— Эй, рыба! Перевези-ка нас с женой на другой берег, да поскорей, а я передам тебе ответ Неба!

Рыба показалась из воды, послушно подставила спину и перевезла супругов на другой берег. Когда Заплатка с женой ступили на землю, рыба спросила:

— Что же ответило Небо?

— Разинь-ка для начала пасть! — велел Заплатка.

Рыба разинула пасть широко-широко, и юноша увидел, что глубоко в рыбьем горле и впрямь сверкает волшебная жемчужина. Заплатка изловчился и вытащил жемчужину, после чего сказал:

— Роду ты рыбьего, и как же тебе возможно достичь просветления!

Услыхав такие слова, рыба обиделась, нырнула в море и уплыла.

А Заплатка наконец вернулся в родную деревню. Стали супруги обустриваться, построили крепкий дом, покрыли его крышей, а потом принялись плести короба да вязать мешки. Покончив с этим делом, они стали по очереди вкладывать в каждый короб и каждый мешок волшебную жемчужину, и едва только жемчужина касалась дна, любая тара тотчас же наполнялась вкуснейшим нежно-белым рисом. Рис был так хорош, что народ стекался со всей округи, желая купить его. И Заплатка с женой день ото дня богатели. Зажилось им сытно и привольно.

Понадобилось однажды Заплатке уйти из дома по делам. Зная, что вернется лишь через несколько дней, Заплатка пошел в амбар и спрятал волшебную жемчужину на дне корзины с клейким рисом⁴, после чего наказал жене:

— Нужно мне уйти на несколько дней, а пока меня не будет, ты, жена, торгуй только обычным рисом, а клейкий — не трогай.

Жена пообещала так и сделать, и Заплатка ушел из дому.

Через несколько дней пришли люди, попросили жену Заплатки продать им риса, и та, позабыв, что наказывал ей муж, вынесла из амбара корзину с клейким рисом. Похвалили покупатели рис, погрузили на спины тяжелые мешки да короба и ушли — сами того не зная, забрали и жемчужину.

³ Во Вьетнаме считается, что после свадьбы молодожены обязательно должны перебраться в дом мужа. Остаться жить с родителями жены — неприлично. После замужества женщина начинает трудиться на благо семьи супруга и обязана почитать его родную общину, отдавать почести его предкам.

⁴ Клейкий рис (*вьетн. gạo nếp*) особо ценится в традиционной пищевой культуре Вьетнама за свои вкусовые качества и питательность (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

Отбыли покупатели, а тут и Заплата домой возвращается. Пошел Заплата в амбар, видит — продала жена корзину с клейким рисом. Схватился он за голову и во весь дух помчался догонять покупателей, а догнав, принялся обыскивать все мешки и корзины. На дне короба с клейким рисом отыскал Заплата жемчужину и вздохнул с облегчением. Но не тут-то было! Поняли люди, что вот-вот лишатся сокровища, и набросились на Заплатку, пытаясь отобрать у него жемчужину силой. Заплата же, побоявшись остаться без волшебной жемчужины, положил ее в рот и проглотил.

С тех самых пор стала мучить Заплатку необоримая жажда. Выпив один кувшин воды, он тотчас же принимался за следующий. Страдая, спустился юноша к ручью и принялся пить его воды, и пил день и ночь напролет. Обмелел ручей, пересох. Тогда Заплата отправился к морю и нырнул в него с головой. Чем больше он пил, тем шире и длиннее становилось его тело. В конце концов превратился юноша в дракона о двух рогах, да так и остался жить в море.

Жена прождала Заплатку три дня и пошла его искать. На морском побережье она увидела огромного ослепительно золотого дракона. Дракон поднимался к небу, унося с собою столп морской воды. Стоило дракону махнуть хвостом направо, как над полями в низинах начинался дождь, стоило ударить хвостом налево — ливень орошал поля высоко в горах.

С того времени и по сей день можно увидеть, как желтый дракон снова и снова появляется над морем, опускает вниз свой хобот⁵ и уносит воду, чтобы сотворить дождь.

⁵ У вьетнамского дракона нет хобота, здесь имеет место образное сравнение. Сказка объясняет происхождение такого природного явления, как водяной смерч, название которого на вьетнамском языке так и звучит — буквально «драконий хобот» (вьетн. vòi rồng).

升祖

ТРИ ЛИСЫ-ОБОРОТНЯ

Рассказывают, будто жил в прежние времена один богатый вдовец. Сыновей у него не было, послало ему Небо одну-единственную дочь, и в ней-то старик души не чаял. Мало-помалу выросла девочка и превратилась в прекрасную девушку — нежную и задумчивую. Отец любил баловать дочь без меры и, желая угодить драгоценному чаду, разбил изумительной красоты сад. Сам накопил разных цветов и трав и посадил их в великом множестве возле дома, чтобы девушка могла гулять и любоваться пейзажем.

В лесу о ту пору жили три лисы-оборотня — жили долго, с незапамятных времен. Ведь как оно бывает: вначале старая кошка уходит на житье в дремучий лес и там превращается в лису, а старая лиса уже становится бесом, которому дается высшее дозволение менять обличье и подшучивать над людьми. Так оно все и случилось с тремя лисами, из-за древности своей переродившимися в нечистую силу.

Прослышали как-то лисы, что есть у богача красавица-дочка, и захотели ее извести. Обернулись три беса цветком, да таким, что ни до, ни после никто прекраснее и удивительнее не видывал. На тонком стебле нежный бутон с тремя лепестками, каждый лепесток своего цвета — желтого, фиолетового и красного.

Старый богач увидел удивительный цветок на рынке, купил его и посадил в домашнем саду. Пестрый бутон блистал красотой, в мире не встречаемой, однако ж дочери подарок не пришелся по сердцу. Сама не зная отчего, девушка опасалась подходить к странному цветку и только смотрела на него издалека, зябко поводя плечами. Вскоре она и вовсе перестала обращать на цветок внимание.

Цветок расцвел и начал увядать, а лисы забеспокоились, как бы засохшие лепестки не выдали их истинного обличья. Тогда, посрамленным,

им пришлось бы вернуться в лес. Старик увидел, что дочери не понравилась его диковинная находка, взял лопату и принялся выкапывать цветок. У хрупкого и изящного на вид растения оказался крепкий корень, источавший нежный аромат. Поразмыслив, старик отсек один отросток, выстрогал из него щеколду и приладил к засову на двери, ведущей во внутренние покои¹.

Так лисы наконец проникли в дом и той же ночью оказались в комнате дочери богача. Самая большая и старая лисица, которую остальные оборотни почитали главной, решила напугать девушку и явилась перед ней в своем истинном обличье. Девушка, увидев оборотня, хотела закричать, однако стоило ей открыть рот, как лиса мигом выпила ее душу и запрыгнула назад в дверную щеколду.

Во внешних покоях старик сквозь сон услышал странный шум. Почуввав недоброе, он проснулся и поспешил к дочери. Дверь в комнату девушки была по-прежнему заперта изнутри, и на стук никто не открыл. Пришлось отцу позвать домашних и вместе отпереть засов силой. Войдя, богач увидел, что дочь лежит без памяти. Как он ни тряс девушку, как ни звал, а все не мог добудиться. Несчастная едва дышала, сраженная неведомой болезнью.

Старик не хотел оставлять занедужившую дочь одну и разостлал свою циновку под дверью в ее покои. Понемногу все снова улеглись, а три лисы, увидев, что старик заснул, выскочили из дверного засова и принялись его душить. Старик дернулся было, хотел позвать на помощь, но лисий вожак тотчас проглотил и его душу, после чего бесы вновь исчезли в дверной щеколде.

Утром пришли домашние и увидели ужасную картину — теперь и хозяин дома лежал в забытьи, во власти смертного недуга.

Не зная, как помочь горю, позвали мастера-чародея², чтобы он сделал подношения и изгнал нечистую силу. Мудрец молился без отдыха, и на третий день старый богач очнулся, но бедной его дочери ничто не помогало. Так в молениях прошло полмесяца, и в конце концов даже у мастера опустились руки.

Клонился к закату очередной печальный день, а мимо дома богача проходил учитель каллиграфии. Попросился он к старику на покой. Молодой ученый направлялся в столицу, чтобы попытать силы на

¹ Традиционное жилище зажиточных вьетнамцев разделялось на внешние и внутренние покои. Внутренние покои считались женской половиной дома, и мужчинам там появляться не следовало, если только речь не шла о посещении жен и наложниц хозяином дома. Исключение также составляли крайние случаи — какое-либо бедствие, болезнь кого-то из домочадцев и т.д.

² Имеется в виду человек, который обладает знаниями в сфере целительства и, как считается, умеет общаться с потусторонними силами (подробнее см. **мастер-чародей** в «Указателе культурных реалий»).

государственных экзаменах³, и сумерки застали его на самых подступах к городу.

Домашние встретили учителя с почтением, но предупредили, не таясь:

— Дом этот во власти нечистой силы. Лучше бы вам, Учитель, поискать ночлега в другом месте.

Учитель на это без страха ответил:

— Я ученый и потому всю ночь провожу в тишине и безмолвии, читая мудрые книги. Ни один бес не осмелится побеспокоить меня дерзкой шуткой. Вот увидите — после того, как я здесь переночую, дом очистится от скверны.

Услышав такие слова, старик согласился принять учителя, пригласил за свой стол и велел приготовить ему постель, однако молодой ученый и впрямь не собирался ложиться. Покончив с ужином, он попросил дать ему лампу, нож и моток разноцветных ниток. Его пожелание тотчас исполнили. Удалился учитель в отведенные для него покои, укрепил книгу на подставке и сел заниматься, а нож и нитки оставил на столе.

Поздней ночью один из бесов вышел наружу и явился в образе изящной девы. Юная красавица вступила в круг света лампы и показалась учителю. Ученый невозмутимо продолжал читать и, даже когда отчетливо увидел на полу человеческую тень, не поднял головы.

Оборотень молча постоял перед учителем и вскоре исчез.

Следом за первой лисой из щеколды выпрыгнула вторая. На этот раз бес принял вид страшной и злобной бабы — распущенные волосы встрепаны, изо рта свисает красный язык с локоть длиной. Отвратительное чудовище быстро двинулось к учителю и коснулось его волос, уложенных в узел, потрогало за плечо. Молодой ученый по-прежнему тихо и прилежно занимался, глядя в книгу. Бес обежал кругом подставку для книг, но и тогда учитель не изменился в лице. В конце концов оборотень исчез.

Последним появился лисий вожак. Он превратился в молодую девушку. Мнимая девица вошла к учителю, и покои словно бы наполнились чудесным ароматом. Однако, увидев ученого, сидящего за книгами, бес в страхе закричал:

— Служитель Неба! Служитель Неба! Скорее, прячемся!

Напуганный бес побежал прочь, но учитель схватил со стола нож и погнался за ним, рубанул раз, другой и вроде попал в цель. Оборотень скользнул в дверной засов и исчез. Учитель посветил себе лампой и увидел на полу отрезанную лисьей ногой, из которой все еще сочилась кровь. Тогда он взял моток ниток и крепко-накрепко перевязал дверную задвижку, так что бесы оказались заперты в своем убежище. Вскоре оборотням стало невозможно, к тому же лисий вожак был сильно ранен. В конце концов бесу пришлось выплюнуть душу девушки.

³ В период с XIII–XIV вв. и вплоть до начала XX столетия во Вьетнаме существовала система государственных конкурсных экзаменов на чин, которая сформировалась под непосредственным и сильным китайским влиянием (подробнее см. **государственные экзамены** в «Указателе культурных реалий»).

Во внутренних покоях дочь богача тотчас очнулась от смертного сна и, не понимая, что же такое с ней приключилось, вышла навстречу учителю. Учитель рассказал ей про оборотней и вывел к отцу и домашним. Все радовались без меры, однако ж, когда видели волосатую лисью ногу, перепачканную кровью, только качали головами и вздрагивали от ужаса.

Утром следующего дня молодой учитель рано собрался в дорогу, спеша прибыть в столицу к началу экзаменов. Старик провожал ученого с большим почтением и благодарностью, хотел преподнести ему *ланг*⁴ золота, но тот не принял, попросил лишь, чтобы отдали ему дверной засов из внутренних покоев. На том и простились.

Уже ночью на постоялом дворе учитель вынул из кармана дверную задвижку и положил перед лампой.

— Ну что, — строго сказал он лисам, — вы, бесовское отродье, отучитесь у меня досаждать людям или нет? Если нет, расколю засов на мелкие щепки и брошу в огонь, тут вам и придет конец.

Лисы в страхе отвечали:

— Обещаем господину, что это было в последний раз!

— С этой поры будете добывать себе пропитание достойными делами, — продолжал учитель. — Еще раз услышу, что вы творите зло, — пощады не ждите.

Сказав так, учитель размотал разноцветные нитки и выбросил засов в заросли бамбука.

Известно, что в тот раз он успешно выдержал экзамен и добился звания первого лауреата⁵. Старый богач с радостью выдал за него свою дочь.

После свадьбы ученый отвез молодую жену к себе на родину. Народ встречал учителя с большим почетом и устроил в его честь пышное празднество⁶.

⁴ Ланг — вьетнамская мера веса, равная 37,301 г.

⁵ Учитель каллиграфии удостоился звания высшей первой степени лауреата конкурсного экзамена в императорском дворце — *чанг нгуен* (вьетн. *trạng nguyên*).

⁶ В имперском Вьетнаме вступление в должность чиновника или получение ученой степени на государственных экзаменах обставляли с большой помпой. Снаряжался пышный выезд с паланкином, причем порядок следования кортежа, одежда и прическа сановника и сопровождающих были подробно регламентированы церемониалом. Независимо от места дальнейшей жизни и службы лауреат государственных экзаменов вначале с триумфом возвращался к себе на родину, чтобы почтить родителей и предков. Церемония торжественного возвращения (вьетн. *vinh qui*), да и вообще любое появление сановника на людях, предполагала наличие свиты, глашатаев, эмблем и атрибутов власти, таких как большой красный зонтик, веер, особое платье и шапка, пожалованные государем, и т.д., что подчеркивало престиж образованного чиновного сословия.

ВОЛШЕБНЫЙ БАРАБАН

Случилось это в незапамятные времена. В далеком лесу росли бок о бок два дерева — баньян и тутовник. Однажды шли мимо трое братьев. Возвращались они с горного поля, крепко проголодавшись после тяжелой работы. Заприметили юноши красные, налитые соком плоды тутовника и забрались на дерево, чтобы нарвать спелых ягод.

Сидит на дереве старший брат, лакомится сладким тутовником, набивает рот, вдруг видит — на ветке баньяна раскачивается барабан. Юноша и говорит братьям:

— Глядите! Вон там на ветке баньяна висит барабан. По всему видно, что он во владении у духа. А ну слезайте вниз!

Сказав так, старший брат проворно спустился на землю.

Глянули младшие юноши на баньяновое дерево — и впрямь висит на нем барабан, одна сторона синяя, другая красная. Испугался средний брат и тоже поскорее спрыгнул на землю, а младший знай себе рвет тутовник. Рвет и приговаривает:

— Ну дух, ну и что с того? Не страшно нисколько!

С этими словами сорвал юноша большую ягоду тутовника и бросил прямо в барабан. «Пынг-пынг», — отозвался барабан.

В тот же миг из самого ствола баньянового дерева раздался голос:

— Кто смеет трогать мой барабан?

Не на шутку испугались старшие братья, задрожали, стали укорять младшего:

— Говорили тебе! Барабан этот не простой, а ты и ухом не ведешь! Уже и дух явился, осерчал на тебя!

И тут не испугался младший брат, только глянул на старый баньян и говорит:

— Я смею!

— Чего тебе надобно, человечиска? — спросил дух.

— Хочу одолжить твой барабан, — ответил храбрый юноша. — Дашь ли на то позволение?

— Для чего тебе мой барабан? — снова спросил дух.

— Чтоб идти свататься.

— Что ж, так и быть, — согласился дух. — Возьми мой барабан, но запомни крепко-накрепко: если ударишь по синей стороне — убьешь человека, а ударишь по красной — к жизни вернешь мертвеца. Как добудешь себе жену, принеси барабан назад.

Обрадовался юноша, полез на баньяновое дерево и снял волшебный барабан с ветки. Старшие братья только подивились, но спорить не стали.

Путь домой был неблизкий, стали собираться в дорогу. Старший брат взял плуг, средний — серп, а младший срезал стебель ротанга, повесил на него волшебный барабан и так понес.

Долго шли братья, когда выбрались из леса, уже и сумерки на землю опустились. Вдруг где-то в отдалении будто огонек мелькнул. Решили юноши подойти поближе, посмотреть, есть ли там кто живой, и вышли к большой каменной пещере. Видят: сидят три девицы, одна другой краше, и стряпают ужин. Подал голос младший брат:

— Дело к ночи, а путь до нашего дома неблизкий. Позвольте нам передохнуть здесь до утра.

Отвечает ему на это одна девица:

— В пещере этой живет старый тигр. Давным-давно он похитил нас и держит здесь силой. А стоит явиться чужаку, он тотчас съедает его. Добрые юноши! Поскорей идите отсюда прочь!

Не испугался младший брат, говорит девице:

— Подумаешь — тигр! Было бы чего бояться! Разрешите нам остаться здесь на ночь и перевести дух.

— Не боитесь смерти — дело ваше, — отвечает девица. — Оставайтесь, коли хотите.

Нарезали юноши листьев, постелили в углу пещеры и улеглись спать.

Глубокой ночью с охоты вернулся большой старый тигр, поводил носом, учуял незнакомый человеческий дух и спрашивает трех девиц:

— Кто это там забрался в мою пещеру? Подавайте его сюда мне на ужин!

Испугались девицы, оцепенели от ужаса, не знают, что и ответить. Тут проснулся младший брат, вскочил на ноги и как закричит:

— Эй ты, старый тигр! Велики ли твои зубы, раз так спешишь отведать моего мяса?

— А ты раскрой глаза пошире да гляди! — отвечает тигр.

Тигр разинул пасть и обнажил свои клыки. Клыки были огромные, величиной с палец взрослого мужчины. Младший брат на это только рассмеялся:

— Всего-то! Разве ж твои клыки сравнятся с моими!

С этими словами находчивый юноша схватил плуг и показал тигру лемех. Увидел тигр, какой лемех большой и острый, испугался.

А юноша говорит:

— Ну а когти у тебя достаточно острые? Покажи-ка их мне, давай померяемся!

Тигр выпустил свои длинные когти, острые, как портняжные шилья. Глянул на них младший брат и давай снова дразнить тигра:

— Какие маленькие! А какие тупые! Даже и говорить не о чем. А ну погляди на мои!

На этот раз юноша высунул из пещеры серп. Тигр до смерти перепугался, а младший брат все не унимается:

— Эй, тигр! А хвост-то у тебя сколько пядей в длину? Сравнится ли с моим хвостом?

Вытянул тигр свой длинный полосатый хвост, а храбрый юноша языком цокает:

— Какой куцый! Таким хвостом только москитов гонять, больше ни на что не годится! Смотри-ка сюда!

Сказав так, младший брат протянул наружу стебель ротанга. Ротанг, конечно, был длиннее любого хвоста. У тигра аж поджилки затряслись. Смеется юноша, потешается над хозяином леса, говорит:

— Победа, видать, за мной!

Тогда тигр собрал все свои силы и зарычал, да так громко, что пошатнулись своды каменных гор.

— Что, слышал мой рык? То-то же. Если не сможешь зарычать так же громко, я тебя сожру! — сказал тигр.

Ничего не ответил юноша, только взял волшебный барабан и ударил по синей стороне. Едва стих голос барабана, тигр упал замертво.

Утром трое юношей вернулись в деревню и привели с собою трех девиц. Вскоре каждый женился на одной из них, и зажили они в мире и согласии. А когда случалась в деревне смерть, они приносили в дом покойника волшебный барабан и возвращали мертвеца к жизни.

Так прошло немало времени. Дух баньянового дерева прознал, что младший брат женился, и потребовал вернуть волшебный барабан.

С тех пор братья уже не могли оживать людей, однако в память об этой истории каждый раз, когда вьетнамцы совершают обряд изгнания нечистой силы или делают подношения, они бьют в гонги и барабаны.

ДЕВА-КУЗНЕЧИК

На обочине одной лесной дороги жил маленький кузнецик. Частенько он выбирался из зарослей, чтобы поесть ароматной травы. Однажды по этой дороге шел бедный юноша-дровосек. Родители его давно умерли, поэтому все звали его просто — Сирота. Шел Сирота рубить бамбук, чтобы заработать себе на пропитание, а кузнецик ему и говорит:

— Сирота, Сирота, куда это ты идешь?

— Иду рубить бамбук! — отвечает юноша, а сам никак не может взять в толк, кто это его окликнул.

Вдруг снова голос:

— Дровосек, дровосек! Сперва навести мой дом, отдохни да поешь. Не побрезгуй приглашением, будь моим гостем.

Услыхал юноша эти сердечные слова, остановился в удивлении. Огляделся по сторонам — никого не видеть.

— Это я с тобою говорю. Я — маленький кузнецик на обочине дороги.

Наклонился Сирота к самой земле, еще больше подивился. Сидит в траве дева-Кузнецик, сама крохотная, а разговаривает человеческим голосом.

— Где же твой дом, милая девушка? — спросил юноша.

Кузнецик только лапкой махнула. Согласился Сирота, пошел следом за маленькой хозяйкой.

Шли они, шли, уже и небо потемнело, дело к ночи, а никакого дома и не видеть. Уговорились Сирота и дева-Кузнецик остановиться на ночлег. Юноша целый день пробыл под палящим солнцем, устал так, что не вмоготу. Не успел он лечь на травяную свою постель, как тут же и заснул крепким молодецким сном.

Ночью отец и мать девы-Кузнецика поднялись из озерной воды, чтобы построить для любимой дочери большой дом и устроить им с юношей

свадьбу. Ни в чем не поскупились родители: зарезали девять свиней да велели принести девять кувшинов вина. Гуляла свадьба до самого утра. Остались от свиней одни головы, а кувшины опорожнились до последней капли.

Чуть забрезжил рассвет — обернулась Кузнечик прекрасной девицей, стала будить мужа:

— Вставай, вставай, Сирота! Батюшка с матушкой нас обженили. Теперь муж ты мне.

Протер Сирота глаза, вскочил с испугу на ноги и уже бросился было наутек, да жена остановила, удержала ласковым словом, повела новое жилище показывать. Огляделся юноша — стоит дом, да такой большой и красивый, что лучше на всей Земле не сыскать, а внутри всякой утвари полно, за что ни возмись — все новое, чистое, так и блестит. Успокоился Сирота, повеселел, поглядел на свою молодую жену с нежностью.

С тех пор отпала нужда юноше рубить хворост да наниматься на работу в богатые дома. Сам он себе хозяин, а молодая жена подле него, во всем ему помощница. Каждый день ходят они на горное поле мотыжить землю и сажать кукурузу. Жена почитает мужа, муж слушает совета жены. С умом и терпением муж с женою повели дела, и оттого день ото дня их хозяйство только крепло и ширилось.

Однажды остановилась в доме девы-Кузнечика неизвестная молодая женщина. Посмотрела она, как счастливо и богато живет хозяйка с молодым мужем, и позавидовала ей. Стала по покоям ходить да по амбарам, по садам да по полям, еще больше обозлилась. Подозвала завистница к себе Сироту, нашептала ему что-то на ухо и в тот же миг пропала. Кто была эта женщина, какого рода, племени — никто не знал, а только стала она с тех пор каждый день наведываться и допоздна в хозяйском доме сиживать.

Была та женщина хитра, язык имела изворотливый. Стала она потихоньку Сироте на ухо нашептывать, на жену его наговаривать: «Идем лучше со мною, есть у меня много золота да серебра! Жена твоя ленива, день-деньской прохлаждается, пока ты трудишься да потом обливаешься».

Поглядел Сирота на женщину — что ни день, то свежа и весела, ступает изящно, говорит красиво. Мало-помалу стал он поддаваться на коварные уговоры, опостылела юноше его дева-Кузнечик.

Как-то раз попросила женщина Сироту зарезать на ужин козу, а сама набрала чашку свежей крови и припрятала. Дождалась завистница, когда дева-Кузнечик уснет, и обмазала ей губы козьей кровью. Привела Сироту в хозяйские покои и давай наговаривать: «Знаешь ли ты, ведаешь ли, что жена твоя — самому Водяному дракону родная дочь? И собою страшна, а уж нрав какой жестокий! Любит она выпить свежей крови, да так жадно пьет, что даже лицо отереть забывает, так и ложится на постель».

Сказав так, зазвенела завистница золотыми и серебряными браслетами да ожерельями, снова принялась богатством бахвалиться, уговаривать юношу уйти от жены. Поверил юноша, что жена его и впрямь свежей кровью пробавляется, разбудил ее, стал прогонять. Опечалилась жена, заплакала горькими слезами оттого, что муж верит злым наветам больше, чем ей. И просила

она Сироту, и уговаривала, а он все стоит на своем, велит жене убираться восвояси. Тогда дева-Кузнечик и говорит мужу:

— Позабыл ты, как был бедным дровосеком, как жил один-одинешенек в ветхой лачуге, как трудился в поте лица. Позабыл, как жили мы с тобой в мире и согласии. Раз так, зарежь нашего лучшего петуха, я съем его и уйду.

Выслушал неблагодарный муж жену, даже в лице не изменился, зарезал лучшего петуха и подал дева-Кузнечику. Поела дева, снова стала просить:

— Есть у нас много коз. Зарежь самую жирную и дай мне поесть. Тогда я уйду.

Пошел Сирота на скотный двор и, не раздумывая, зарезал лучшую козу, подал мясо жене. Съела дева-Кузнечик козлятину, говорит в третий раз:

— Много в нашем хозяйстве собак. Зарежь для меня самого откормленного кобеля¹, я поем его мяса и уйду.

Не опечалился юноша, не стал торговаться, тотчас исполнил просьбу жены, а сам все о злобной блуднице думает, о пришлой женщине, хочет поскорее жену прогнать.

Поела дева-Кузнечик собачьего мяса, на сей раз ничего больше мужу не сказала, не стала ни о чем просить. Увязала в узел свои наряды и ушла прочь из дома. Юноша проводил жену до самой воды, а она ему и говорит:

— Возвращайся поскорее домой. Дойдет вода тебе до пояса, а мне будет по шею. Будет вода тебе по шею, а меня с головой скроет.

Послушался Сирота, повернул к дому. Вот подходит он к склону знакомой горы — пусто кругом, ни дома, ни хозяйства, все пропало до последнего бревнышка. И скотины никакой нет: куры, свиньи, козы, собаки — никого не осталось, только стоит посреди бурьяна злая завистница, золотом-серебром позвякивает.

Наступил вечер, пора бы и за ужин сесть, а есть-то и нечего. Не осталось от прежних закровов да амбаров ни единого зернышка. Пришлось Сироте идти на поле, жать неспелый рис, чтобы женщина могла состряпать ужин. Состряпала она ужин, подает юноше, а тот и голода не чувствует, кусок поперек горла встал. Повесил Сирота голову, затосковал по жене.

Прибежал юноша назад к озеру, стал звать деву-Кузнечика, умолял вернуться, но никто на зов его не откликнулся. Молчит водная гладь, даже рябью не подернется, молчит темный лес, молчат холодные горы. Опечалился юноша, сел на берегу и заплакал. Услышала его безутешный плач лягушка, пожалела юношу, вылезла из своего травяного жилища.

— Отчего ты так горько плачешь? — спрашивает.

— Как же мне не плакать! Пришел я за женой своей, дочерью Водяного дракона, да не смог ее отыскать, — отвечает Сирота.

¹ В оригинале — *con chó thiến* (букв. «кастрированная собака»). Во Вьетнаме развита практика выращивания собак для употребления в пищу. Мясо кастрированных (стерилизованных) собак ценится как деликатес. При этом под влиянием буддийской традиции мясо собаки считается продуктом нечистым, поэтому его не употребляют в начале месяца, чтобы не лишиться удачи на несколько недель кряду.

Выслушала юношу лягушка, велела не печалиться:

— Помогу тебе встретиться с женой, только запомни: что бы ни случилось, не смейся.

Сказав так, опустилась лягушка к воде и стала пить. Чем больше раздувалось лягушачье брюхо, тем скорее мелело озеро, так что в конце концов показалось дно, а на дне обозначилась дорога. Пошел юноша по этой дороге, дошел до большого дома, перед домом высокие ворота стоят. Заглянул Сирота за ворота, а там сидит его жена и тклет лен. Только увидел юноша свою жену — да как обрадуется, как засмеется! Не стерпела лягушка, тоже захотала, живот у нее от натуги лопнул, и вся вода тотчас же вылилась назад в озеро. Исчез дом с воротами, исчезла дева-Кузнечик.

Сел Сирота на берегу и заплакал пуще прежнего. Снова выползла к нему лягушка, пожалела его. Залатала она себе живот и пошла сызнова пить воду, а Сирота спустился на озерное дно и дошел до большого дома. Миновал он высокие ворота, видит — жена, как и прежде, сидит за станком и тклет. Хотел юноша к ней подкрасться, да случайно наступил на нитку, которую она вплетала в полотно. Обернулась дева-Кузнечик, посмотрела на мужа с удивлением:

— И зачем ты сюда явился, муж мой? Вон там лежат мои отец и мать, неужто не боишься?

Посмотрел юноша, куда жена ему указала, содрогнулся. Свернулись кольцами на озерном дне Водяной дракон со своей женою, тела у них длинные, как у змей, рога изогнутые, глаза от гнева выпучены.

Стала дева-Кузнечик мужа выпроваживать:

— Иди поскорее назад, иначе быть беде. Не жить нам с тобою вместе, мать с отцом просватали меня на Небо. Возвращайся на землю, возьми девять бочек и наполни их доверху водою, а потом садись ждать. Как услышишь музыку и пение, так загляни в бочку, сразу меня и увидишь.

Сказав так, дева-Кузнечик снова села за станок, а Сироте волей-неволей пришлось возвращаться. Вышел он на берег с тяжелым сердцем, исполнил все так, как наказывала жена.

Минуло несколько дней. Как-то раз поутру слышит юноша — звучит веселая музыка. Бросился он к бочкам, заглянул в воду и видит: движется по Небу свадебная процессия, все гости разодеты в роскошные наряды, а самый красивый наряд на невесте — прекрасной деве-Кузнечике. Все-все ясно видно в бочках с водой, до последнего золотого украшения. Смотрел юноша без устали на свою добрую жену, как она на Небе в чужой дом вступает, все глаза проглядел. Не стерпел Сирота, заплакал горькими слезами.

Подернулась вода в бочке рябью, исчезло небесное видение вместе с прекрасной девой и всей богатой процессией.

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕРЕПАШКА

Случилось это в давние времена. Жили на свете бездетные муж с женой. Сколько ни рожала жена, все ее сыновья и дочери умирали в раннем возрасте, так что вместо детского смеха поселилась под крышей старого дома печаль.

Как-то раз занемогла жена — само собою вспухло у нее колено, раздулось и стало большое-пребольшое, и ничего от этой странной напасти не помогало. Мучилась жена, мучилась, вдруг лопнула у нее на колене кожа и выполз прямоком из распухшей ноги малыш-черепашка. Выполз и говорит:

— Я ваш сын!

Так и зажили втроем. Ел малыш-черепашка мало, точно кошка, а поев, забирался к себе в уголок и тихонько там сидел.

Той зимой государь задумал построить себе новый дворец и заставил простой люд тяжело трудиться — таскать землю да камни, день и ночь рубить деревья. За отказ от работы ждало суровое наказание. Бедная мать опечалилась, стала сетовать:

— Был бы у нас сын, заменил бы отца и мать в тяжком труде! Что теперь делать? Видно, придется нам со стариком идти работать на государя.

Услышал это Черепашка, подполз поближе к матери и говорит:

— Не волнуйся, матушка, я пойду работать вместо вас с отцом.

Старик со старухой только головами покачали — где же маленькому Черепашке управиться на стройке. А он твердо стоит на своем, попросил только привязать к его спине нож, будто и впрямь собрался идти в лес рубить древесину.

На стройке государева дворцалюдно, тесно. Черепашка заполз в самую гущу народа, вместе со всеми стал ждать поручений, а в толпе прямо над его головой переговариваются:

— Что же это, бездетные старик со старухой никого вместо себя не прислали и сами не пришли? Придется им худо!

Понял Черепашка, что речь о его бедных родителях, вытянул шею что есть мочи и говорит:

— Я за них!

Глянули люди себе под ноги и дружно захохотали:

— Куда тебе, такому малышу, строить государев дворец! А ну-ка построишься, не то раздавим в лепешку!

Черепашка на это упрямо отвечает:

— Человек велик ростом и потому таскает большие деревья, я — ростом мал, так что понесу хоть щепочку. Будет и от меня польза!

Отправился народ в лес, малыш-черепашка пополз следом. Стали рубить деревья да перетаскивать их на стройку. Люди ворочают здоровенные стволы толщиной с заплочную корзину *куай тау*¹, а Черепашка тащит веточку величиной с мизинец. Стал народ судачить да смеяться, мол, такой малостью даже ноги в холода не обогреть, а Черепашка знай себе усердно работает.

Принесли из леса древесину, стали укладывать. Народ свалил стволы один на другой — выросла огромная стена. Черепашка тоже натаскал тоненьких веточек да щепок — получилась маленькая кучка. Смотрят люди на это, потешаются, а малыш-черепашка еще и бахвалится:

— Эх, если бы только государь поручил мне одному строить дворец, я бы и за день управился!

Услыхал эти гордые речи народ, стал смеяться пуще прежнего. А дворец тем временем так и стоит недостроенный, уж все сроки прошли.

Мало-помалу пошла молва о Черепашке, который обещал построить дворец за один день, и в конце концов достигла столицы. Нашелся придворный сановник, который передал слова Черепашки самому государю. Стало государю любопытно, велел он позвать к себе малыша-черепашку и сказал так:

— Если справишься в срок, пожалую тебе монет из императорской казны несметное множество.

Не согласился Черепашка, не захотел золота и серебра.

— Не хочешь сокровищ, возьми лучшую скотину с моих полей! — сказал государь.

Снова отказался Черепашка, не захотел взять лучших государевых буйволов, а попросил в жены меньшую государеву дочь, девицу красоты невиданной.

Задумался император, не по нраву ему прилась просьба Черепашки, стал предлагать еще много разного добра, но неизменно встречал отказ. Делать нечего, пообещал государь в жены свою меньшую дочь-красавицу. Обрадовался Черепашка и тотчас взялся за дело.

¹ Заплечная корзина *куай тау* (вьетн. *quây tàu*) — плетеная корзина с круглым горлом и квадратным основанием у горных народов Северного Вьетнама (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

Взял Черепашка веточки да щепочки, которые натаскал из леса, настелил пол, возвел стены, навесил крышу. Глядь — не прошло и дня, готов государев дворец, и не маленький, а большой и красивый!

Вошел император в новые покои, видит — на славу сработано, стены прочные, крепкие, а убранство и украшения — выше всяких похвал. Понравился государю новый дворец, да только о своем обещании сосватать дочь за малыша-черепашку он тут же и позабыл.

Пришел Черепашка к матери, посетовал, стал просить:

— Матушка, матушка, пойди к государю, похлопочи за меня. Обещал государь отдать за меня меньшую дочь да не сдержал слова!

Поначалу мать и слышать ничего не желала, но Черепашка все стоял на своем, так что пришлось старушке уступить, выполнить сыновнюю просьбу. Пришла она ко дворцу — не принимает государь. Пришла в другой раз — не желает император видеть бедную старуху. Пришла в третий раз — смилостивился государь, подозвал к себе мать Черепашки и говорит:

— Отдам твоему сыну свою меньшую дочь, да только пусть приготовит свадебные дары под стать. Надобно для выкупа три бочки свинины да три чана лучшего вина, а от дома жениха до самого дворца пускай настелют самой богатой ткани всех возможных цветов. Выполнит Черепашка мой наказ — быть свадьбе.

Остался государь доволен собственной выдумкой — такой выкуп разве кому по силам? Опечалилась старуха, побрела домой с невеселым ответом. А Черепашка, выслушав мать, только пробормотал себе под нос: «Добро! Дал слово — держи!»

Любила мать Черепашку за доброту и трудолюбие, жалко ей стало сына оттого, что верит в пустое да зря надеется. А Черепашка и не думает унывать. Как-то вечером подполз он к матери и говорит:

— Матушка, матушка, если любишь меня, не откажи в просьбе! Пойди к соседям, попроси их нарезать банановых листьев и выстлать ими дорогу от нашего дома до самых дворцовых ворот, а сверх того — наполнить водой три чана да набить три бочки резаной тыквой. Листья надобны целые, зеленые, вода — свежая, чистая, а тыква — спелая, без душка.

Принялась мать отговаривать Черепашку, а тот стоит на своем, упрямится старуху день и ночь. Пришлось ей уступить сыну, похлопотать за него перед родней и соседями. Мать Черепашки была добрая и кроткая женщина, люди в округе ее любили, никто не отказал ей в помощи, а кроме того любопытно стало теткам да дядькам, что из этой странной затеи выйдет. Собрались соседи, навалились всем миром. Не прошло и трех дней, как все было готово.

Приполз Черепашка к государю, объявляет:

— Прибыли свадебные подарки!

Вышел государь за ворота посмотреть на свадебный выкуп. От самого дворца до дома жениха, словно чудесная дорога, стелется богатое полотно, пестрыми цветами озаряет поля и деревни. В чанах плещется крепкое вино, а в бочках обычная тыква превратилась в жирную свинину. Только пригубил

император вина, а уже опьянел! Не удержался, причмокнул губами от удовольствия. Посмотрел на мясо в бочках, сглотнул слюну.

Позвал государь к себе меньшую дочь, чтоб дать ей последние наставления, и говорит:

— Вот что, дочка. Припрячь-ка мешок с камнями. Придет Черепашка, посадит тебя на коня и повезет в свой дом. Лошадь — шаг, а ты из мешка камень — бряк. Так и кидай по камешку в Черепашку. Опустеет мешок — умрет твой жених, а ты возвратишься назад к любимому отцу.

Настал день свадьбы. Перед всем честным народом государь подвел к малышу-черепашке коня, на котором сидела прекрасная невеста. Повез Черепашка государеву дочь домой, а та оказалась девушкой доброй, ласковой, послушалась отца, не стала губить жениха. Потихоньку выкинула девица мешок с камнями, так и доехали до дома, сыграли свадьбу.

Гуляли на свадьбе три дня, а после — меньшая дочь самого императора стала женой маленького Черепашки и с тех пор усердно трудилась на поле да рубила хворост, точно простая деревенская девушка.

Минула зима, наступила красавица-весна. Холмы приоделись цветами персика, сливы расцвели высоко в горах. Розовые лепестки на крутых склонах — словно расшивка на девичьем платье. Пришла весна, взволновала сердца, напомнила: пора и молодым нарядиться под стать цветущим груше и персику.

Стала государева дочь просить мужа выйти с ней погулять. Отказался малыш-черепашка, забрался в свой уголок и тихонько там просидел весь день и всю ночь.

На следующее утро снова стала молодая жена упрашивать Черепашку выйти с ней из дому. Согласился Черепашка, велел жене идти вперед него и не оглядываться. Послушалась государева дочка, пошла в горы погулять² с другими девицами, а малыш-черепашка сбросил со спины панцирь, расправил плечи, трижды обернулся вокруг себя — и вдруг стал прекрасным юношей. Взял молодой удалец с собою *кхен*³ и тоже отправился в горы.

Увидели девицы прекрасного юношу, залюбовались им, обступили плотным кольцом. И высок, и собой хорош, искусно танцует, да еще на *кхене* играет так, что заслушаешься! Стали говорить:

— Самой государевой дочке за такого парня пойти не стыдно!

За веселой песней время летит быстро, стало солнце клониться к западу. Чуть только засияло небесное светило по-вечернему, бросил парень играть и во весь дух помчался домой. Надел юноша черепаший панцирь и снова забрался в свой уголок.

² В горных районах Вьетнама традиционные праздничные гуляния проходили под открытым небом, на вершинах холмов и среди террасных полей. Весенние календарные праздники, о которых здесь идет речь, связаны с началом нового аграрного цикла, культом плодородия и, что характерно, знакомством молодых людей, поощряемым общиной. Во время таких гуляний парни и девушки могли присмотреться друг к другу и завязать танцевальный или песенный диалог, тогда как в остальное время это было затруднительно.

³ *Кхен* (вьетн. *khèn*) — духовой губной орган, распространенный у многих народов Юго-Восточной Азии (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

Пришло время ужина. Черепашка, как и обычно, ест мало, а жена, ничего знать не зная, ведать не ведая, о празднике весны ему рассказывает, о незнакомом парне с *кхеном*.

На следующий день снова собрались девицы и парни гулять в горах, и снова малыш-черепашка велел жене идти вперед него. Послушалась жена, а Черепашка, как и в прошлый раз, сбросил тесный панцирь, обернулся человеком и отправился в горы, прихватив *кхен*.

Жили по соседству две девицы-баловницы. Стало им любопытно, что же это за красивый юноша с *кхеном* веселит народ на празднике, вот и проследили за ним до самого дома. На следующий день только Черепашка вышел за порог — взяли девицы его панцирь и спрятали, а сами отправились в горы на праздник, будто ничего и не было.

На празднике юноша-черепашка опять танцевал и играл на *кхене*. Легкие ноги на земле невидимые дорожки да круги чертят, нежная мелодия по горам да холмам разносится, кружит, с птичьим щебетом соревнуется. Все медленней танец, все нежнее, так что похож уже стал на порхание бабочки. Совсем потеряли головы молодые девицы, не хотят отпускать прекрасного юношу. А тот танцует и играет для одной-единственной, для любимой своей жены, государевой дочки, лишь бы только ее развлечь и порадовать. Смотрит государева дочка на незнакомое юношу равнодушно — как и прежде, ничего не ведает. Заприметили это девицы-баловницы и говорят:

— Веришь ли, что перед тобой твой муж, маленький Черепашка?

Не поверила государева дочка. Как же тут поверить, если день и ночь она подле мужа? Ест он мало, словно кошка, вечерами сидит себе тихонько в уголке. Быть того не может, чтобы такой высокий и крепкий парень оказался малышом-черепашкой.

Посмеялись девицы, говорят:

— Веришь не веришь, а правда всегда одна. Сделай-ка вот что. Как бросит парень играть на *кхене*, схвати его покрепче за куртку и ни за что не отпускай. Тут-то и узнаешь, в чем дело.

Задумалась государева дочка, решила послушать их совета. Только собрался юноша уходить с праздника, схватила она за его куртку что есть мочи. Бежит молодец к дому, торопится, жена побежала было следом, да куда ей угнаться за быстроногим удальцом! Порвалась на парне куртка, остался у государевой дочки в горсти кусок рукава.

Прибежал Черепашка домой, нигде не может найти свой панцирь. Стал спрашивать по соседям да родственникам, дошел и до девиц-баловниц. Посмеялись девицы, отдали парню черепаший панцирь, да только не впору он стал Черепашке из-за порвавшейся куртки. Пришлось ему остаться в человеческом обличье.

Зажили они с женою душа в душу, роскошный пир устроили, самого государя на празднество пригласили.

Стал государь есть-пить и вдруг возьми да скажи:

— Прежде не знали мы, что ты человек, оттого-то тебя и не любили. А теперь, дорогой мой сын, небось, не впору черепашья одежда?

Отвечает зять полушутя-полусерьезно:

— Впору, батюшка, впору. А если хочешь сам примерить, и тебе впору придется!

От любопытства ли, от того ли, что опьянел, государь решил примерить черепаший панцирь. Однако стоило ему лечь спиной на маленькую скорлупку, юноша крикнул: «Сомкнись! Сомкнись!» — и вдруг сам собою прежний черепаший домик плотно сжался вокруг государева тела так, что не выбраться ему.

Был юноша из роду-племени небожителей. Дозволило ему Небо спуститься на Землю погулять, повеселиться, а когда вышел срок, забрало назад. С тех пор государева дочка в одиночестве заботилась об отце, запертом в черепашьем панцире, а когда соскучился Черепашка по любимой, то позвал и ее к себе на Небо.

Что до императора, который не сдержал своего слова, то и по сей день он заперт в черепашьем панцире. Некому его кормить, некому о нем заботиться, вот и приходится ему самому ползать по лесу и искать древесные грибы, чтоб утолить злой голод.

舞
鈴
舞
三

КАК ДЕВИЦА ПИТОНА В МУЖЬЯ ВЗЯЛА

Давным-давно в далекой-предалекой деревне жила бедная старуха. Не водилось в ее худой лачуге ни вкусной еды, ни приятных глазу вещей, зато жила женщина по совести, и все соседи ее очень любили. Рано овдовела она и осталась с двумя дочерьми. Год за годом, весна за весной — превратились девочки в красивых девушек на выданье. И старшая, и младшая, как ни глянь, хороши собою, у обеих лица светлые, без изъяна, точно две полные луны в ясную ночь. Уже давно по всей округе ходила молва об этих красавицах, многие юноши добивались их любви, но сестры так и не выбрали себе женихов по сердцу.

Как-то раз взяла старуха-мать большую бамбуковую корзину и пошла к лесному ручью ловить рыбу¹. Наловила изрядно, вышла на берег обсушиться и уже собиралась было возвращаться домой, как вдруг напал на нее огромный питон. Перепугалась старуха, повалилась наземь, а питон крепко-крепко ей ноги обвил — не пошевелиться. Стала несчастная женщина умолять питона, Небом заклинать:

— Отпусти ты меня, змей лесной, дома ждут меня дочки-недоросли! Отец их давно умер, неужто теперь и без матери останутся!

Согласился змей, отвечает старухе:

— Добро! Отпущу тебя. А ты за это отдай мне в жены одну из своих дочерей.

Шел тут мимо ручья один человек. Старуха окликнула его и поскорее послала в деревню за дочерьми.

¹ Здесь имеется в виду весьма распространенный во Вьетнаме способ ловли рыбы с помощью большой бамбуковой корзины-сита (*вьетн. хус са*, букв. «черпать рыбу»). Таким манером ловят рыбу на затопленных рисовых полях, а также в неглубоких водоемах и реках. В наши дни с этой же целью все чаще используют большие сачки.

Выслушали девицы страшную весть, со всех ног помчались в лес. Как увидели, что мать обвил кольцами огромный питон, — заплакали горькими слезами. А старуха им и говорит:

— Слезами горю не поможешь! Кто из вас сильнее любит мать, пусть возьмет питона в мужья.

Молчат обе дочери, только глаза таращат испуганно.

Спросила старуха старшую дочку:

— Пойдешь ли замуж за питона?

Побледнела старшая дочка, затряслась, точно лист на ветру, отвечает матери:

— Милая матушка! Небо мне в свидетели! Люблю я тебя всем сердцем, люблю пуще зелени лесной, пуще ручьев чистых, пуще щебета птиц сладко-голосых, а все-таки не могу взять в мужья такое чудовище!

Спросила тогда старуха младшую дочку:

— Возьмешь ли в мужья питона?

Опустила кроткая девушка голову, заплакала еще горше прежнего:

— Милая матушка! Из любви к тебе да к старшей сестрице, так и быть, возьму в мужья змея.

Услыхал питон, что младшая дочка согласна взять его в мужья, тотчас же отпустил старуху целой и невредимой. Обрадовалась старшая дочь, поскорее повела мать прочь из лесу. Идет старуха, а сама оглядывается, жалко ей младшую дочь, аж душа из тела рвется вон, да ведь сказанного не воротишь. Уговор есть уговор.

Повел питон бедную девушку в свое логово, а жил он в самой чаще, в темной и глубокой норе. Делать нечего — куда муж, туда и жена. Забралась девица вслед за питоном в нору, сама трясется от страха. Дрожала она, дрожала, да так и заснула.

Еще не зарумянилось небо первыми лучами рассвета, еще не запели самые ранние птицы, как вдруг чувствует девушка — легла ей на лоб чья-то прохладная рука, а волос коснулось теплое дыхание. Открыла девица глаза, смотрит — сидит подле нее юноша, высокий, красивый, по всему видно — и нрава доброго, и умом не обделен.

Поглядел на девушку парень и говорит нежным голосом:

— Не страшись, девица, не бойся. Я — муж твой, змей лесной.

Сперва не поверила девушка, подумалось ей, что сон это, грёза причудливая. Уж и терла она глаза, и зажмуривалась, все одно — сидит перед ней молодой красавец-удалец, а зеленая змеиная кожа лежит в уголке, точно сброшенная на ночь одежда. Обрадовалась девица несказанно! Тем же утром отправились муж с женою в лес рубить деревья и бамбук, чтобы построить себе хижину на берегу лесного ручья.

С тех пор зажили они душа в душу. Чуть свет отправляется жена в лес собирать побеги бамбука и дрова рубить, а муж накидывает змеиную кожу и ползет к ручью — ловить рыбу и крабов. Вечером возвращается питон назад, к домашнему очагу, скидывает змеиную свою кожу, садится подле жены ужинать да вести неспешные беседы.

Ветром море колышет, а молвою — народ. Разнеслась по окрестным деревням весть, что взяла девица в мужья змея лесного и живет с ним, поживает, горя не знает. Прознала об этом чуде чудном и старшая сестрица, позавидовала. Однажды ночью ушла она потихоньку из дому и отправилась в лесную чащу — подсмотреть, так ли хорошо живет ее младшей сестре с мужем-питоном. Шла она, шла и очутилась неподалеку от того самого ручья, где ее мать ловила рыбу. Вдруг за деревьями показались оранжевые отсветы огня. Подкралась девица поближе, выглянула потихоньку из-за могучего древесного ствола и видит: стоит на берегу ручья хижина, а перед хижиной сложен очаг. Стряпает у огня ее младшая сестра, а подле нее сидит красавец-муж, говорит с ней ласковым голосом, и так-то все ладно между супругами, так-то хорошо! Девица аж позеленела от злости. Пожалела она, что не ответила на просьбу матери, не пошла замуж за питона.

Вернулась старшая сестра в деревню, а не живет ей спокойно, ночами не спится, днем не работается — мучает ее лютая зависть. Решила девица уйти из дома и тоже поискать себе лесного змея в мужья. Отправилась в самую чащу и побрела куда глаза глядят. Очень ей хотелось отыскать себе в мужья такого удалца, чтоб ни в чем не уступал зятю-питону, но встречались ей на пути одни только страшные тигры, леопарды и ядовитые сороконожки.

Наконец набрела девица на спящего питона. Старый змей дремал, свернувшись кольцами меж древесных корней. Подошла девушка к питону и говорит:

— Господин! Коли по нраву тебе моя красота девичья, возьмишь ли меня в жены?

Услышал питон девичий голос, зашевелился, открыл глаза. Глаза у питона были круглые, страшные, с узким зрачком — совсем не похожие на человеческие. Уже очень много дней он ничего не ел и, конечно, обрадовался, увидев перед собой молодую красавицу. Ответил змей девице сладким голосом:

— Красота твоя мне ох как по нраву! С превеликой радостью буду тебе мужем.

Сказав так, питон повел девицу в свое логово. Обрадовалась девица без меры, возгордилась: стану я еще счастливей сестры! Однако стоило ей забраться в змеиную нору, как старый питон сдавил ее кольцами своего длинного тела, вытянул шею и тотчас же проглотил.

Забеспокоилась бедная старуха-мать, сердцем чует: случилась со старшей дочкой беда. Пошла она спрашивать по соседям, искать по окрестным полям да весям, по холмам да перелескам. Так дошла она до ручья, на берегу которого жили ее младшая дочь и лесной змей. В это время питон был на охоте, а дочь старухи прибиралась в хижине. Услыхав от матери страшные вести, пригорюнилась младшая дочь, заплакала, а чем помочь — не знает.

Вернулся с охоты лесной змей. Выслушал он старуху, велел ей идти за ним в самую чащу. Послушалась старуха зятя, пошла следом. Стал змей расспрашивать всех лесных жителей по пути, не видал ли кто молодой девицы. Так и открылось, что съел старухину дочку старый питон.

Отыскал лесной змей старого питона, спрашивает о девице-красавице. Старый питон лежит сытый, с раздутым брюхом, еле-еле дышит.

— Проглотил я девицу-красавицу, так и знай, — отвечает.

Тогда сдавил лесной змей старому питону шею и задушил, а потом обернулся человеком, вспорол ему живот и оживил старшую старухину дочку.

С тех пор стала жить девица по совести, почитать мать и младшую сестру, а завидовать совсем отучилась.

9. Хань Нгуен и Май Синь

10. Ша Сэн, Чжу Бацзе, Сюаньцзан и Сунь Укун

II. Ссора

МАСТЕРСКАЯ НГУЕН ХЫУ САМА
И НГУЕН ХЫУ КУА. ЧАСТЬ 1

12. Кот привлекает весну

13. Сунь Укун спасает Сюаньцзана

14. Чжунли Цюань

15. Люй Дунбинь, Хэ Сяньгу, Лань Цайхэ и Цао Гоцзю

連 獅 踏 墓

ТАМ И КАМ

В далекой-предалекой деревне жили-были муж и жена. Родилась у них дочка, называли они ее Там. Прошло немного времени, и мать умерла. Отец погоревал-погоревал да и привел в дом другую жену. Вскоре родилась у Там младшая сестра Кам¹, и зажило семейство в мире и покое. Но недолго продлились эти счастливые дни — вскоре отец девочек заболел и умер, а в доме стала хозяйничать мачеха Там, женщина завистливая и жестокая.

Согласно издавна заведенному у вьетнамцев порядку, младшей сестре следовало слушаться старшую и помогать ей в тяжелой работе. Но злая мачеха заставляла Там работать с утра до ночи, била и ругала без всякого повода, а свою родную дочку холила и лелеяла.

Только пропоют первые петухи, Там бежит на поле пасти буйволов. Домой возвращается она с тяжелой поклажей — тащит на коромысле огромные снопы сена. Палит полуденное солнце, Кам прохлаждается под навесом, а Там бежит на пруд собирать ряску на корм свиньям и уткам. Вот уже смеркается, Кам сходила на пруд помыть ноги и завалилась спать до позднего утра, вся деревня готовится к ночному отдыху, и только Там стоит с пестом в руках и толчет в каменной ступе рисовую муку.

Время идет — что река течет, превратились девочки в девушек на выданье. Там выросла кроткой и работающей красавицей, а Кам — лентяйкой и неумехой.

Как-то раз подозвала мачеха обеих девушек, дала им по большой бамбуковой корзине и сказала:

¹ Имя Там (*твы-ном* 糝) означает «дробленое зерно», «рисовая сечка», т.е. очищенный и измельченный рис, который можно варить и употреблять в пищу, в то время как имя Кам (*твы-ном* 糠) переводится как «отруби», «шелуха, которую отдают на корм скотине».

— Пару дней назад прошли большие дожди, и на полях развелась уйма креветок². Самое время готовить соус *мам*³! Той из вас, кто первая наловит полную корзину креветок, я подарю шелковый нагрудник⁴.

Пришли девушки на поле, видят — воды чуть ли не по пояс, а среди тины и ила кишмя кишат креветки. Там, с детства привыкшая исполнять самые трудные и неприятные поручения мачехи, сразу же полезла в воду. Руки всего две, да на то они и даны, чтобы работать. Не прошло и часа, а девушка уже набрала полную корзину креветок и вышла на край поля, чтобы передохнуть и подождать сестру. Кам тем временем все копошилась — кое-как шлепала корзиной по воде и морщилась от солнечного света. Избалованная девица привыкла лежать день-деньской в тенике и набивать живот, где тут взяться сноровке и уменью! А скверным нравом Кам ничуть не уступала матери. Выбившись из сил, она притворно ласковым голосом обратилась к Там:

— Милая сестрица, только погляди, сколько креветок ты наловила! А как перепачкалась, бедняжка! Иди поскорее на пруд и хорошенько умойся, не то мать заругает тебя.

Там взглянула на свои черные от грязи руки и побежала купаться. На пруду она тщательно вымылась и аккуратно причесалась, а когда вернулась, то увидела, что ее корзина стоит пустая, а Кам уже и след простыл. Поняла Там, что младшая сестра ее обманула — ссыпала в свою корзину всех креветок и ушла домой похвалиться перед матерью. Поглядела девушка на небо — солнце к закату клонится, пора и ей возвращаться. Да как вернуться с пустыми руками! Села Там на краю поля и горько заплакала.

Неподалеку от поля была пагода, а возле нее — прекрасный лotosовый пруд. На одном из цветков лотоса сидел Будда. Услышав безутешный плач доброй девушки, Будда тотчас явился перед ней.

— Бедная девушка, отчего ты так горько плачешь? — спросил Будда.

Там, не таясь, поведала о своих печалях.

— А ты поищи на дне корзины, не осталось ли чего, — посоветовал Будда.

Глянула девушка на дно корзины — а там ни одной креветки не осталось, только бьет хвостом рыбка-бычок.

— Ступай домой и выпусти эту рыбку в колодец, — велел Будда. — Нет у тебя друзей, так будет хоть эта рыбка-бычок. Каждый день корми Бычка остатками своего ужина, а перед тем как бросить ему еду, говори такие слова:

² Во Вьетнаме до того, как наступает пора жатвы и с полей спускают воду, в рисовых чеках разводят креветок и рыбу, которых вычерпывают специальными корзинами, похожими на большое сито.

³ *Мам том* (вьетн. *mắm tôm*) — густой соус с резким запахом, приготовленный путем ферментации мелких креветок (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

⁴ Имеется в виду *йем* (вьетн. *уём*) — предмет традиционной женской одежды в виде прямоугольного куска ткани с завязками (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

*Рыбка-рыбка, мой дружок!
Приплыви ко мне, Бычок!
Ешь мой рис, он золотой,
И не трогай рис чужой!*

Послушалась Там, взяла корзину и понесла Бычка домой, а во дворе потихоньку выпустила его в колодец. В тот вечер мачеха крепко избивала девушку за то, что она явилась домой с пустыми руками, и вместо риса достались Там одни только тумачи и затрещины. Но на следующий день Там, как и велел Будда, сберегла часть ужина для рыбки и незаметно отнесла к колодцу. Стоило девушке произнести заветные слова, как Бычок поднялся со дна и проглотил брошенные ему зерна. С тех пор Там ни разу не забывала покормить рыбку. Сразу после ужина она бежала к колодцу и тайком звала своего единственного друга.

Как-то раз мачеха сказала Кам:

— Твоя негодная сестрица темнить вздумала — каждый вечер она прячет еду и бежит с нею на двор. А ну-ка проследи, что это она там делает.

В этот же день Кам спряталась в кустах и стала ждать, когда сестра придет к колодцу. Вскоре Там вышла с пригоршней риса и стала звать рыбку. Девушка говорила очень тихо, но Кам все равно удалось подслушать волшебные слова. Когда старшая сестра ушла со двора, Кам сразу же бросилась к матери ябедничать.

На следующее утро мачеха сказала Там:

— Рис уже поднялся, и деревенский староста не разрешает пасти скот рядом с полем. Гони наших буйволов на дальние луга, не то придется платить за попорченные посевы.

Послушалась Там, погнала буйволов подальше от деревенских полей. А в это время Кам с матерью пошли к колодцу и стали звать рыбку:

*Рыбка-рыбка, мой дружок!
Приплыви ко мне, Бычок!..*

Услышал Бычок заветные слова и тут же явился на зов. Смотрят мать с дочерью и диву даются: рыбка-то выросла большая-пребольшая, тень ее все дно колодца собою закрывает. Схватили они корзину и выловили Бычка, а потом выпотрошили, зажарили на углях и съели.

Вернулась Там с дальних лугов, наспех пообедала и побежала скорей к колодцу кормить свою любимую рыбку. Звала она Бычка, звала, да все без толку — не приплыл милый друг, не показался. Опечалилась Там, заплакала.

Снова услышал ее плач добрый Будда, тотчас же явился к девушке и стал увещевать:

— Не плачь и не печалься. Хотя и съели Бычка злые сестра и мачеха, а все-таки рыбка не пропала. Сослужит она тебе добрую службу, не оставит в беде. Пойди-ка на кухню и отыщи рыбьи кости, собери в четыре кувшина, а кувшины зарой под ножками кровати, на которой спишь.

Послушалась Там, стала искать рыбы кости — да где там! Тлеет на углях в очаге куча объедков, разве ж в ней что отыщешь! Вдруг слышит девушка — на дворе кудахчет курица: «Кук-так, кук-так, дай мне горсточку зерна! Кук-так, кук-так, отыщу все кости враз!»

Обрадовалась Там, вынесла курице горсть зерна. Поклевала курица, похлохтала и принялась разгребать кучу объедков. Не успела девушка и глазом моргнуть, как все рыбы косточки оказались у ее ног.

***

В тот год государь устраивал в столице большой праздник. Со всех концов страны потянулись в город люди. И стар и млад — все хотели поглядеть на выезд императора, на праздничный базар и всякие заморские чудеса, которые государь велел привезти в столицу. Мачеха и ее дочь-лентяйка тоже стали готовиться к поездке в город: купили новые наряды и украшения и целые дни напролет смотрелись в бочку воды, примеряя их. О Там никто и не подумал — она по-прежнему ходила в убогом рванье и стоптанной обуви, а ее руки часто бывали грязны из-за тяжелой работы.

Мачеха хотела, чтобы Там даже не мечтала о поездке в столицу, поэтому в день праздника она придумала для падчерицы новое задание — ссыпала в большую корзину очищенный и неочищенный рис и хорошенько перемешала, а потом подозвала к себе бедную девушку и сказала так:

— Если хочешь пойти на праздник, сначала выполни работу по дому! Отдели очищенные зерна от неочищенных и все подготовь для ужина, чтобы по возвращении мы могли поесть.

С этими словами мачеха обняла свою любимую дочку и повезла ее в город. А Там взглянула на огромную корзину с рисом, который ей нужно было перебрать по зернышку, и горько заплакала. Куда там успеть на праздник! С такой работой и за неделю не справиться.

Тотчас явился перед девушкой Будда и ласково к ней обратился:

— Не плачь, добрая девушка! Горю твоему помочь не трудно. Вынеси корзину с зерном на двор да возьми вторую, пустую, слетят к тебе воробьи и переберут все зерна.

— Но ведь воробьи склюют весь рис! — печально сказала Там.

— Не бойся, вот увидишь — не пропадет ни единого зернышка, если ты пригрозил птицам такими словами:

*Воробьи-воробушки!
Отберите зернышки!
А склюете хоть одно,
Даже малое, зерно —
Я вам, птицы, отомщу —
Камнем метко запущу!*

Послушалась Там, сделала все так, как научил ее Будда. В тот же миг откуда ни возьмись налетели воробьи и с громким щебетом принялись за работу. Не

успела Там опомниться, как проворные птицы отделили очищенные зерна от неочищенных. Обрадовалась девушка, взяла корзину с неотшелушенным зерном и ссыпала ее в крупорушку. Быстро-быстро очистился рис в умелых руках Там, посыпался в решето. Тогда девушка набрала пригоршню отрубей и бросила воробьям в благодарность за труды.

Теперь, когда с домашними делами было покончено, Там наконец стала собираться в город. Подошла она к бочке с водой, глянула на свое отражение — и снова заплакала. Весной и осенью ходила она в одной и той же латаной-перелатаной одежде, не было у девушки ни колец, ни красивых браслетов. Вроде хозяйская дочка, а выглядит как нищая! Разве в таком виде можно явиться на праздник?!

Тут снова послышался голос Будды:

— Не печалься! Вспомни о своем верном друге Бычке! Откопай-ка кувшины, которые ты когда-то схоронила под ножками своей кровати, и посмотри, что там внутри.

Обрадованная девушка бросилась в дом, отрыла из-под ножек кровати четыре кувшина, вынула пробки из банановых листьев — и ахнула от удивления! В каждом кувшине ее ждали чудесные подарки невиданной красоты. В первом оказался богатый наряд тончайшей работы — трехцветное платье *áo ты тхан*⁵, шелковый платок, нагрудник и пояс. Из другого кувшина показались носки прекрасных маленьких туфелек, расшитых сверкающим бисером, — точно по ноге Там. В третьем кувшине лежала маленькая лошадка с гривой до копыт. Стоило девушке поставить лошадь на землю, как та принялась расти и в один миг превратилась в большого и сильного скакуна. В последнем кувшине Там нашла золоченое седло и роскошную сбрую, украшенную звонкими бубенцами.

Прекрасная, словно фея, спустившаяся с Небес, Там вскочила на коня и отправилась на праздник. Волшебный скакун вмиг домчал девушку до столицы, а там людей — что семечек в арбузе. Народ кричал и толкался, продвигаясь по узким улицам, но чудесный конь ни разу не оступился и никого не задел. Только одна неприятность омрачила веселье девушки: когда лошадь перепрыгивала через канаву, с ноги Там соскочила туфелька и упала в грязь. Вокруг толпился народ, а конь скакал так быстро, что не было никакой возможности остановиться. Так девушка и приехала на праздник, босая на одну ногу.

Жаль пропажи, но Там была рада сохранить на память и одну туфельку. Прежде чем присоединиться к гуляниям, девушка остановилась у городской харчевни, привязала коня, а оставшуюся туфельку спрятала в кошель. Разувшись, она опустила пониже юбку и дальше отправилась босиком.

Случилось так, что той же дорогой, вслед за Там, со своей свитой ехал в город государь. Слон императора вдруг остановился перед канавой, куда

⁵ *Áo ты тхан* (вьетн. áo tú thân) — преимущественно женская верхняя одежда в виде халата, распространенная на севере Вьетнама вплоть до начала XX в. (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

девушка уронила туфельку, и не захотел идти дальше. Поглядев вниз, государь вдруг заметил в воде что-то блестящее. Императорская охрана тотчас же бросилась поднимать драгоценную вещицу и преподнесла государю изящную женскую туфельку, расшитую цветным бисером.

«Такая крохотная туфелька может принадлежать только исключительной красавице», — решил государь и немедленно отдал приказ:

Все женщины и девушки, собравшиеся в столице на праздник, должны примерить найденную туфельку. Та, кому она придется в пору, станет женой императора.

Весть в один миг облетела город. Все девушки, вошедшие в возраст, и те, кто годились им в тетки, даже матери семейств в летах, потянулись ко дворцу, перед воротами которого устроили помост, чтобы каждая могла примерить туфельку.

Пришла и мачеха с любимой дочерью Кам. Маленькая туфелька не налезла Кам даже на кончики пальцев — такая толстая и уродливая у нее была нога. Девушке ничего не оставалось, кроме как стоять в толпе зевак, завидуя тем, кто еще не попытал счастья.

Вдруг Кам показалось, будто Там тоже стоит в очереди на примерку.

— Разве это не наша Там стоит у помоста? — спросила Кам у мачехи.

Мачеха самодовольно надула губы:

— Откуда ей здесь взяться? Эта паршивка дома перебирает рис!

Тут очередь дошла до Там, которая действительно пришла ко дворцу. Она с легкостью надела туфельку, найденную императором, и достала из кошелька вторую — точь-в-точь такую же. Народ ахнул в восхищении, а злая мачеха с изумлением узнала в богато одетой красавице ненавистную падчерицу. И она, и Кам позеленели от зависти.

Сейчас же явились стражники и придворные служанки, усадили Там в паланкин и понесли во дворец. Государь был очень счастлив, что незнакомка, обронившая туфельку, нашлась, взял ее жены и полюбил всем сердцем. Весело и беззаботно жилось Там в императорском дворце, но со временем она стала скучать по родной деревне. Вскоре нашелся важный повод навестить землю предков — наступила годовщина смерти отца Там, и она попросила у государя дозволения отлучиться из дворца, чтобы, как полагается, исполнить все обряды⁶.

Для Там снарядили богатый выезд, ее золоченый паланкин сопровождали стражники и многочисленные служанки, так что, когда роскошная процессия вошла в деревню, народ гурьбой высыпал на улицу поглазеть на такое диво. Мачеха и Кам встретили Там с притворной учтивостью, но в их душах бурлила зависть. Весь день мачеха размышляла, как бы навредить падчерице и разрушить ее счастье.

⁶ Отправление ритуалов в день смерти родственника — важнейшая часть религиозных практик вьетнамцев. Обычай предписывает детям покойного (особенно это касается старшего сына) навестить родной дом несмотря на любые трудности. На алтарь предков ставят подношения (рис, алкоголь, фрукты и т.д.), поджигают благовония. Бетелевая жвачка — легкий наркотик, приготовляемый из семени («ореха») арековой пальмы, листьев бетелевой лозы и извести, — также является неотъемлемой частью поминальных подношений.

И вот вечером, когда стражники и служанки вернулись в столицу и в доме не осталось никого постороннего, она льстиво обратилась к Там с такими словами:

— В нашем доме только ты умеешь лазать по деревьям. Какая удача, что в этом году плоды ареки успели как раз к твоему приезду! Влезь-ка, милая, на пальму у пруда и нарви орехов, чтобы мы могли сделать подношения для твоего отца.

Кроткая и услужливая Там сразу же согласилась. Такая же проворная и резвая, как и в девичестве, она быстро вскарабкалась на высокую пальму, росшую у самой воды. Но когда она добралась до верхушки, дерево стало раскачиваться. Там испугалась и спросила мачеху:

— Мачеха, мачеха, отчего это дерево так трясется?

— Не бойся, это я стучу по дереву, отгоняю муравьев, чтобы они тебя не покусали, — ответила мачеха.

На самом деле злобная баба взяла топор и стала подрубать пальму. Очень скоро раздался треск, и дерево рухнуло. Там упала с большой высоты прямо в пруд и утонула.

Мачеха вытащила бездыханное тело падчерицы из пруда, сняла с нее богатые одежды и украшения и отдала Кам, а после отправилась во дворец, чтобы сообщить государю о смерти его жены. Представ перед императором, мачеха стала просить за Кам:

— Старшую сестру постигла несчастливая судьба, так прошу же, позаботьтесь о младшей!

Опечалился государь, однако, желая почтить дом любимой жены, согласился приветить Кам и позволил ей войти в Западный дворец⁷.

Тело Там погибло, но душа превратилась в чудесную золотую птицу Ванг Ань. Не было на свете птицы прекраснее ее. Перья Ванг Ань сверкали, как драгоценные камни, и на солнце переливались изумрудами, словно цветы арековой пальмы, клюв ее был точно из слоновой кости, а хлопанье крыльев напоминало дуновение благоуханного весеннего ветра.

Как-то раз Ванг Ань прилетела во дворец да так и осталась в нем жить. Все придворные — кроме Кам — сразу же полюбили ее. Однажды птица прилетела к озеру, где Кам стирала белье. Ванг Ань опустилась на ветку, свисавшую над самым мостиком, на котором устроилась ее сестра, и громко запела:

*Сушишь, сушишь платье
Мужа моего,
Так суши на палке —
Не то порвешь его.
На забор не вешай платье
Мужа моего!*

⁷ Западный дворец — резиденция императрицы. Не вполне ясно, на каких правах Кам вошла во дворец. В разных версиях сказки она становится либо первой женой, либо младшей женой, однако тот факт, что она ухаживает за одеждой императора, может указывать на то, что она скорее наложница или служанка.

Испугалась Кам, задрожала всем телом, а Ванг Ань, пропев свою песню, улетела.

Государь дни и ночи проводил в тоске и печали, вспоминая Там. Часто он сидел в своих покоях в одиночестве и никого к себе не допускал. И вот однажды к окну его спальни подлетела прекрасная золотая птица и звонко запела. Император ясно услышал голос любимой жены. Подойдя к окну, государь в великом волнении взглянул на Ванг Ань и сказал так:

*Птица, птица у окна,
Если ты моя жена —
Залети ко мне в рукав!*

Стоило государю промолвить эти слова, как птица сейчас же влетела в широкий рукав его халата. Обрадовался император, вновь почувствовал радость жизни. С тех пор Ванг Ань всюду следовала за ним — сидела, притаившись в рукаве его одеяния, или летала во внутренних покоях, и тогда ее звонкий голос разносился по всем комнатам.

Видя, как государь привязался к ненавистой птице, Кам отправилась в родную деревню, чтобы рассказать обо всем матери. Услышав рассказ дочери, та заскрежетала зубами: «Значит, Там еще жива! Видит Небо, это она явилась в обличье Ванг Ань. Убей эту мерзкую птицу, мясо отдай кошке, а перья закопай в землю».

Вскоре государь отправился на охоту, а Кам исполнила все в точности так, как наказывала мать. Бессердечная девица взяла метелку и стала гонять птицу по всему дворцу до тех пор, пока та не упала без сил на землю. Зло радуясь, Кам сразу же задушила Ванг Ань, ощипала, зажарила мясо на углях и отдала кошке, а перья собрала и закопала в саду.

Вернувшись с охоты и увидев, что золотой птицы нигде нет, государь стал расспрашивать о ней Кам:

— Где же моя милая Ванг Ань?

— О государь! Ее растерзала кошка! — ответила Кам с притворными слезами.

Опечалился император, затосковал — совсем как после смерти Там. Безмолвно он бродил по дворцу, подобно тени, и никого не желал видеть.

Там меж тем не сгинула. На том месте, где Кам закопала перья Ванг Ань, скоро выросли два дерева. Это были прекрасные высокие мелии⁸. Их пышные кроны отбрасывали щедрую тень, а аромат привлекал бабочек и певчих птиц.

Как-то раз в пору жатвы государь, утомленный жарой, вышел в сад и увидел чудесные деревья с изумрудной листвой. Мелии так понравились императору, что он сразу же приказал натянуть между ними гамак и стал часто отдыхать под их сенью. Дошло до того, что даже ночи он перестал проводить

⁸ Мелия ацэдарах (лат. *Mélia azédarach*) — дерево, широко распространенное в тропиках и субтропиках Южной, Юго-Восточной Азии и Австралии (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

во дворце. По повелению государя над гамаком вешали полог, чтобы можно было спать прямо в саду. Заметив это, Кам ужасно разозлилась и скорее побежала рассказывать обо всем матери.

— Сруби эти поганые деревья! — велела та.

По наущению матери Кам дождалась дня, когда разыгралась буря, и подрубил мелии, а государю сказала, что их свалил ветер.

Опечалился государь, услышав такие вести, спросил:

— Где же теперь эти деревья?

— Мастер делает из них ткацкий стан, — ответила Кам. — Древесина у мелии ведь такая ароматная, вот и одежда переймет приятный запах.

Захотелось императору посмотреть, как мастер делает ткацкий стан из его любимых деревьев. Только взглянул — и сейчас же отвернулся: древесина у мелии алая, точно свежая кровь, строгают ствол да ветки, а кажется, будто человека режут.

Изготовил мастер стан, села Кам ткать. А челнок-то в виде птичьей головы с острым клювом выстроган, так и ходит у нее перед лицом. Снует челнок туда-сюда, постукивает с жутким звуком — точно большая хищная рыба приманку грызет, точно бранится кто-то, ест поедом:

*Кот-ка, кот-кет,
Уж тебе прощенья нет —
Мужа моего взяла!
Выколю тебе глаза!*

Кам, чуть живая от испуга, бросила ткать и поскорее поехала в родную деревню — рассказать обо всем матери, чтобы та придумала, как быть.

— Разломай стан и сожги, а пепел развеи до пылинки! — сказала мать. — Сгинет Там, будто и не было.

Вернувшись во дворец, Кам так и сделала. Она разбила стан на части, погрузила на коромысло и сожгла в укромном месте, а пепел собрала и развеяла над ручьем. Радостная оттого, что наконец извела старшую сестру, Кам вернулась во дворец. Не знала она, не ведала, что поток воды прибил горстку пепла к берегу, и вскоре на этом месте выросла высокая и раскидистая хурма. Дерево сразу же зацвело и дало один крупный ярко-оранжевый плод. Спелая хурма источала такой чудесный аромат, будто плодоносил целый сад.

Неподалеку жила старушка, хозяйка маленькой чайной. Каждое утро она отправлялась на рынок, чтобы купить свежих фруктов и закусок для гостей, и путь ее лежал как раз мимо прекрасного дерева. Однажды старушка, почувствовав тонкий и нежный аромат хурмы, подняла голову и увидела на самой верхушке дерева яркий плод.

«Что за диво! — подумала она с изумлением. — И откуда взялся этот плод, ведь всего пару дней назад это дерево было покрыто цветами!»

Поглядев на хурму, старушка ласково с ней заговорила:

*Хурма, хурма,
Вот моя сума,
Рвать не стану —
Упади сама!
Есть не буду,
Лишь вдохну аромат!*

Только старушка произнесла эти слова, как хурма упала к ней в мешок. Обрадовалась старушка, принесла плод в чайную и положила у изголовья своей постели. Ночью хурма источала особенно нежный аромат, навевавший приятные сны.

Утром хозяйка чайной стала собираться на рынок. Уходя, она попрощалась с плодом хурмы, словно с живым человеком, и наказала ему стеречь дом. Стоило ей выйти за порог, как золотой плод раскрылся и из него появилась прекрасная молодая женщина. Это, конечно, была Там.

Там помыла в доме полы, начистила посуду, сварила рис, а потом сбегала к колодцу за свежей водой, чтобы по возвращении старушка сразу же могла угостить посетителей вкусным чаем. Закончив все дела, Там снова забралась в плод хурмы, лежавший у постели старушки.

Вернулась хозяйка с рынка, глядя — на подносах стоит чистая посуда, в чайники налит кипяток, а дом наполнен ароматом свежесваренного риса. Попробовала старушка рис — никогда вкуснее ничего не едала! Пришли гости, стали нахваливать и чай, и закуски, так что к концу дня хозяйка продала все без остатка. На следующий день все повторилось.

Решила старушка разузнать, кто помогает ей по дому, и придумала хитрость. Как и обычно, она попрощалась с плодом хурмы и вышла за порог. Сделав вид, будто уходит, она потихоньку приникла к щели в стене и стала смотреть, что будет. Велико же было удивление старушки, когда она ясно увидела, как из плода хурмы выходит прекрасная женщина и принимается за работу. Вне себя от радости хозяйка вбежала в дом и бросилась к Там.

— Будь моей дочерью, не исчезай больше! — попросила старушка.

Там с радостью согласилась. А хозяйка, все-таки опасаясь, что та вновь спрячется, разломала плод хурмы на мелкие кусочки.

С тех пор старушка и Там зажили в мире и радости. С утра до позднего вечера в чайной был слышен веселый смех, посетители текли рекой, ведь умелица Там подавала лучший бетель в округе и заваривала самый вкусный и ароматный чай.

Однажды в тех краях охотился государь. День был жаркий и душный, и император, утомленный скачкой, захотел остановиться в чистой и уютной на вид чайной. Старушка с великим почтением подала ему чай и бетель. Отведал государь угощение, подивился — чай терпкий, ароматный, заварен на такой чистой воде, что она кажется сладкой, а пьянящий бетель уложен в виде крыла феникса⁹, да так искусно, как умела одна только Там.

⁹ Бетель в виде крыла феникса — особый вид бетелевой жвачки. Ингредиенты угощения с большим искусством украшают лепестками красных цветов и выкладывают на поднос в определенном порядке (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

— Кто приготовил этот бетель? — спросил государь.

— Моя дочь, — ответила хозяйка.

— Позови ее скорее сюда!

Хозяйка исполнила повеление императора и вывела к нему девушку, в которой он тотчас узнал свою погибшую жену. Старушка рассказала обрадованному государю обо всех злоключениях Там, и он в тот же день пожелал вернуться с ней во дворец. Доброй и почтительной Там жаль было покидать свою названную мать, но император успокоил ее, пообещав окружить старушку заботой и почетом.

Кам, узнав о том, что вернулась ее сестра, сразу же покинула Западный дворец и долгое время не смела показываться Там на глаза. Наблюдая за ненавистой соперницей издали, Кам заметила, что Там стала еще красивее, чем прежде. Ее кожа была белой, гладкой и нежной, а ведь она выросла в деревне. И вот однажды Кам все же осмелилась обратиться к сестре и спросила ее:

— Милая Там, отчего ты так хороша собою, отчего твоя кожа так бела, а щеки так румяны?

— Ошпарила я все тело кипятком, слезла с меня кожа, а новая выросла гладкая и белая, — ответила Там.

Обрадовалась Кам, что выведала у сестры секрет ее небывалой красоты. Не в силах терпеть, она сейчас же приказала слугам выкопать глубокую яму и наполнить ее кипятком.

— Когда я ошпарюсь, снимайте с меня кожу! — велела Кам и с этими словами прыгнула в яму, но вода была такая горячая, что она сразу же сварилась насмерть.

Вскоре слуга из дворца явился к матери Кам и передал ей гостинец — большой горшок с соусом *мам*.

— Это подарок от вашей дочери, — сказал слуга. — Соус этот еще не готов. Подождите месяц, чтобы он как следует перебродил, а потом и попируете.

Мать Кам обрадовалась, стала похвастаться перед соседями, что ей из дворца шлют такие подарки. Лишь только минул месяц, достала она горшок, сварила рис, мясо и стала поливать кушанья соусом.

В это время на двор прилетела ворона и начала каркать:

Кар-кар, скок-поскок,

Мать ест дочь —

Пусть и мне даст кусок!

Мать Кам разозлилась и бросила в ворону камнем, а потом заглянула на дно горшка и увидела голову Кам. Тут-то и пришел ей конец — от ужаса злая старуха умерла там, где стояла.

КУОЙ В ЛУННОМ ДВОРЦЕ

В былые времена в одном далеком краю жил юноша-дровосек по имени Куой.

Вот отправился Куой в лес за дровами. Шел он, шел и вышел к ручью. Полез юноша в воду, чтобы пересечь несущийся с горы поток, поднял голову — глядь, в скале пещера, а перед ней резвятся четверо тигрят. Испугался Куой, подумал про себя: «Маленькие, а все ж таки звери. А ну как набросятся на меня! Надо бы убить их, пока не вышло беды». Рассудив так, Куой потихоньку подкрался к пещере, перехватил покрепче топор и убил всех четверых тигрят.

Вдруг услышал Куой леденящий душу рев — это вернулась из леса мать-тигрица. Юноша поскорее забрался на высокое дерево и спрятался среди ветвей. Глядит вниз и видит: кинулась тигрица к своим детенышам, облизала их раны, а потом побежала к ручью. На берегу, у самой воды, росло какое-то дерево. Нарвала мать-тигрица листьев этого дерева, прикрыла ими раны на теле тигрят, а еще несколько листочков пожевала и вложила им в пасти. Стоило ей покончить с этим — и все четверо тигрят тотчас же вскочили на ноги и вновь принялись забавляться друг с другом.

Так узнал Куой, что дерево у ручья — волшебное. Подождав, пока тигрица уведет детенышей подальше в лес, спустился юноша на землю, выкопал с помощью топора чудесное дерево и понес домой.

По пути в родную деревню увидел Куой старика: тот лежал в траве у самой дорожной обочины, весь скрюченный. Одно Небо ведает, как давно испустил он дух — руки и ноги у бедняги уже успели закоренеть.

Сорвал Куой несколько листочков с целебного дерева, пожевал и вложил старику в рот. Зашевелился старик, открыл глаза и говорит:

— Шел себе, шел, должно быть, перегрелся на солнце, прилег на траву, а больше ничего и не помню.

Куой, не таясь, рассказал, как оживил старика.

— Ну и ну! — воскликнул старик. — Слышал я, будто и впрямь есть на свете дерево, с помощью которого можно воскрешать людей, но знать не знал, что это баньян. Слушай меня, юноша! Ухаживай за этим деревом и береги его как зеницу ока, помогай людям в беде. Только помни: не поливай его грязной водой. Не стерпит дерево такого оскорбления, улетит на Небо.

Сказав так, пошел старик восвояси, опираясь на дорожный свой посох.

Послушал Куой доброго совета, посадил баньян в своем саду и стал за ним ухаживать. Каждый день юноша ходил к истоку ручья и приносил самую чистую и прозрачную воду, чтобы напоить дерево. Принялось дерево, пошло в рост.

Однажды шел Куой мимо реки и увидел, как течением несет труп собаки. Пожалел юноша собаку, полез в реку и выловил труп, а после оживил с помощью листьев баньяна. Вскочил пес на ноги, стал вертеться у ног своего спасителя. С тех пор появился у Куоя верный охранник.

Молва людская, что волна морская. Быстро разлетелся слух о волшебном дереве в саду у Куоя, с помощью которого можно оживлять людей. К бедному жилищу дровосека потянулись опечаленные родственники умерших, прося о помощи.

А в соседней деревне жил богач, и вот как-то раз постучалась и в двери его дома беда. Любимая дочь богача оступилась, упала в пруд и утонула. И сам богач с женою, и вся их родня, и даже слуги со всех ног бросились к Куою, стали умолять юношу оживить утопленницу. Взял Куой баньяновых листьев и тотчас отправился в путь.

Пришел юноша в дом богача, снял с покойницы циновку и ахнул — девушка-то оказалась чудо как хороша! Перетер Куой волшебные листья и вложил ей в рот. В тот же миг красавица открыла глаза, расправила плечи и поднялась.

Обрадовался богач так, что и словами не высказать, стал предлагать Куою награду. От всего отказался юноша: не захотел ни тучных пашен, ни лучших буйволов, ни золотых и серебряных монет, попросил только выдать за него спасенную девушку.

Согласился счастливый богач-отец. Так вошла в дом дровосека красивая и кроткая жена. Многие завистники прознали об этом к великой своей досаде, ведь была дочь богача самой желанной невестой во всей округе — и не сосчитать, сколько парней ходили к ней свататься. Теперь же, когда она стала женой Куоя, нашлись те, кто захотел из мести навредить ей.

Как-то раз отправился Куой в лес за дровами, а любимая его жена осталась дома стряпать обед. Увидели злые завистники, что хозяина нет, пробрались в дом и зарезали красавицу. Памятуя о волшебном дереве Куоя, которое исцеляет людей, злодеи вспороли женщине живот, вынули все внутренности и закопали, чтобы муж не смог оживить ее.

Без сердца и печени как жить человеку? Сколько ни вкладывал Куой в рот любимой жене волшебные листья, сколько ни лил лекарство на ее раны,

покойница не оживала. Сел Куой и заплакал горькими слезами. Увидела собака, что хозяин безутешно льет слезы, подошла к нему и говорит:

— Позволь мне, хозяин, отплатить тебе добром за добро. Возьми мои внутренности и оживи хозяйку.

Вспорол тогда Куой живот своему верному псу, взял его внутренности и вложил в живот жены. Подействовало волшебное лекарство, женщина вновь ожила. Тогда Куой раздобыл немного гончарной глины, слепил для собаки новое сердце, печень и кишки, а потом вложил ей в пасть баньяновые листья. Вскочил пес на ноги, радостно залаял.

Узнали злодеи, что дровосек вновь исцелил жену, испугались. С тех пор больше никто не осмеливался вредить Куою, и зажил он мирно с любимой женой и верным псом. Но спустя некоторое время показалось Куою, будто характер жены переменялся, стала она забывчива и рассеянна — и немудрено, ведь он вложил ей в живот внутренности собаки, а не человека. По нескольку раз на дню он повторял одно и то же, но женщина все равно делала по-своему. А самое скверное — вошло у нее в привычку справлять нужду где попало. Без усталости Куой твердил жене:

— Волшебное дерево любит чистоту, оттого-то мы и поливаем его водой из ручья. Если ты осквернишь его нечистотами, оно обидится и улетит на Небо! Прошу, запомни это!

Жена и впрямь принялась усердно поливать баньян чистой водой, но стоило Куою выйти за калитку, она тотчас же позабыла его наказ и решила помочиться прямо у корней дерева. Только она присела, как дерево зашаталось, вокруг него осыпалась земля, и баньян понемногу стал подниматься в воздух. Испугалась женщина, стала звать мужа, а верный пес подпрыгнул и ухватился зубами за корень волшебного дерева.

Когда Куой вернулся домой, баньян уже висел высоко над землей и, раскачиваясь, плыл над головами людей. Бросил Куой вязанку хвороста и помчался догонять волшебное дерево. Да что тут поделаешь? Ничего не придумал юноша, кроме как подпрыгнуть и, подобно своей верной собаке, схватиться за свисающие корни. Так Куой и его пес поднялись вместе с баньяном на Небо.

Волшебное дерево долетело до самого лунного дворца и там наконец опустилось. С тех самых пор ясными осенними ночами на Луне особенно хорошо видны очертания баньяна и Куоя. Юноша навечно остался сидеть в тени волшебного дерева, к корням которого прирос¹.

А если приглядеться, можно увидеть и глаза его верного пса — они печально сияют, словно пара звезд.

¹ По-видимому, имя юноши-дровосека произошло от принятого в Средние века чтения китайского иероглифа 樁 («можжевельник»). В системе *тынь-ном* чтение этого знака звучит как *Сѳі* — «корень». Таким образом, концовка легенды объясняет происхождение имени героя.

АИСТ, ПАВЛИН И ПОПУГАЙ

Давным-давно в одном лесу дружно жили три птицы: аист, павлин и попугай. Однажды отправились в лес три птицелова. Целый день блуждали они по лесу, и вдруг повстречались им три птенца. Каждый юноша взял одного из них себе на воспитание. Каждый холил и лелеял своего птенца, словно родное дитя. Каждый про себя думал: «Научу его петь и танцевать, а когда вырастет моя птица, станет отрадой для императора в роскошном дворце! А я в благодарность за это получу награду».

Птицелов, который взял павлина, научил свою птицу танцевать и кланяться. Павлин был очень красив, но ему не доставало ума, поэтому он исполнял все, что ему говорили.

Второй птицелов, который взял попугая, научил своего воспитанника говорить. Это было нетрудно: попугай любил болтать по-птичьи и умело подражал другим голосам.

Третий же птицелов, растивший аиста, обучал птицу по своему разумению. Однако аист был очень умен. Он подумал так: «Если я научусь танцевать или говорить, как павлин и попугай, всю жизнь меня будут держать в клетке. А я хочу быть свободным, гулять по полям и летать в небе».

Всякий раз, когда охотник принимался учить аиста петь или танцевать, птица лишь повторяла: «Кра-крак!»

Прошло время, попугай научился говорить, а павлин — танцевать. Их хозяева, довольные собой, решили отправиться в императорский дворец, чтобы получить награду за труды. Птицелов, вырастивший аиста, так ничему и не смог научить свою птицу. Он боялся идти в столицу, потому что знал: ему нечем удивить императора. Но еще больше он боялся прослыть трусом, поэтому взял аиста и поплелся следом за друзьями во дворец.

Пришли друзья в столицу, предстали пред ликом императора и давай нахваливать своих птиц. Спросил император первого птицелова:

— Что умеет делать твой павлин?

— Мой павлин умеет кланяться и танцевать, следуя мелодии, — ответил тот.

Павлин взмахнул крыльями, развернул хвост веером и почтительно поклонился императору, покачиваясь в такт музыке, звучащей во дворце.

Император похвалил птицелова, повернулся к его другу и спросил:

— А что умеет делать твой попугай?

— Ваше Величество! Мой попугай может говорить.

Улыбнувшись, император начал задавать попугаю вопросы. Птица бойко ему отвечала, переминаясь с лапки на лапку.

— Что же умеет делать твоя птица? — спросил император третьего птицелова.

— Ваше Величество! Сколько я ни бился, так и не смог ничему обучить своего аиста. Ничего он не умеет, повторяет только: «Кра-крак!»

Аист услышал слова хозяина и произнес:

— Кра-крак!

Император рассмеялся и приказал слугам:

— Отпустите аиста! Он глуп!

Аист взмыл в небеса и стал кружить над дворцом.

— Кра-крак! — прокричал аист. — Ваше Императорское Величество, я вовсе не глуп. Павлин и попугай обрекли себя на жизнь в клетке, выполняя приказы хозяев. А я мечтал быть свободным и летать в небе, потому-то и притворялся ни на что не годным.

Услыхав эти слова, император улыбнулся:

— Все верно! А ведь самой умной птицей оказался аист!

ХИТРОУМНЫЙ ЗАЯЦ

Случилось так, что в одном лесу совсем не стало еды. Надоело зайцу голодом маяться, и решил он отправиться на ближайшее поле, чтобы тайком накопать себе сладкого и сочного батата. В это время на поле трудился крестьянин. Заметил он, что заяц выкапывает батат, потихоньку подкрался к нему и схватил. Заяц тут же притворился мертвым. Повертел крестьянин тушку в руках и решил, что заяц и впрямь издох.

Обрадовавшись нечаянной добыче, взял хозяин поля зайца за уши и поспешил домой. Дошел он до навеса¹ у дороги, положил свою добычу на траву и только поднял было ковш с водой, чтобы напиться, как хитрый заяц тут же вскочил на ноги и бросился наутек.

Прошло несколько дней, заяц так и не нашел ничего съестного. Голодный и измученный, снова отправился он за бататом. Прибежал заяц на поле и принялся раскапывать сочные клубни, да вот незадача — опять поймал его крестьянин. Помня о том, что зайцу однажды уже удалось обмануть его, хозяин поля связал плута и отнес домой. Войдя в дом, он сказал:

— Жена, посади этого зайца в вершу. Через пару дней будут поминки. Тогда и приготовим из заячьего мяса угощение²!

Зная, как ловок заяц на выдумки, вершу для надежности придавили тяжелым камнем, чтобы тот не сбежал. Повертелся заяц, покрутился в западне, а выбраться не может. Тут увидел он рядом с вершей бадью. В этой бадье плавала большая рыба. Обрадовался заяц и тихонько позвал ее:

¹ Навес (вьетн. quán) — укрытие на поле для защиты от дождя и солнца.

² Поминовение усопших, поминки (вьетн. ngày giỗ) являются важной частью культа предков, практикуемого во Вьетнаме (подробнее см. поминки в «Указателе культурных реалий»).

— Эй, рыба! А знаешь ли ты, что скоро настанет твой смертный час? Завтра поминки, и из тебя приготовят угощение, чтобы накормить предков!

Испугалась рыба и спросила:

— Что же мне делать?

— Ежели хочешь выбраться отсюда, бей хвостом изо всех сил, чтобы бадья раскололась! Тогда сможешь вернуться к себе домой в пруд, — ответил ей заяц.

Услышав речи умного зайца, рыба решила последовать его совету и начала изо всех сил биться и плескаться, да так, что бадья и в самом деле раскололась на куски. Вода залила все вокруг, а рыба продолжала бить хвостом и, барахтаясь, почти добралась до пруда.

Дождлся заяц, когда рыба окажется рядом с водой, чтобы ее не смогли поймать, да как заорет:

— Да где же вы все! Скорей сюда! Ловите рыбу!

Прибежали домашние, а рыба уже на берегу пруда. Все переполошились, в неразберихе схватили вершу, вытряхнули из нее зайца, но рыба уже прыгнула в пруд и поймать ее так и не смогли. А зайцу только того и надо. Оказавшись на свободе, он мигом умчался в лес, снова оставив крестьянина ни с чем.

Отправился как-то заяц в соседний лес, а на пути его была река — настолько широкая, что самому зайцу никак не перебраться через нее. Призадумался заяц. И вдруг увидел огромного крокодила, который лежал на берегу и грелся на солнышке, широко разинув пасть. Окликнул его заяц:

— Эй, крокодил! Перевези-ка меня через реку, а я отдам тебе свою сестру в жены. Она у меня такая красавица!

Крокодилу понравилось предложение зайца, он закрыл пасть, одобрительно кивнул головой и направился к реке. Заяц запрыгнул крокодилу на спину и уселся на нем поудобнее. Крокодил же неторопливо опустил в воду и легко по ней заскользил, направляясь к другому берегу. У самого берега заяц одним прыжком оказался на земле, предусмотрительно отойдя подальше от воды, и насмешливо крикнул:

— Эх, крокодил! Сестра моя сосватана за другого, а потому замуж за тебя она не пойдет! — с этими словами он скрылся в лесной чаще.

Одураченный крокодил рассердился и решил хитрому зайцу как-нибудь отомстить.

Спустя некоторое время заяц снова оказался на берегу реки. Его мучили жажда и голод. Решил он напиться воды. Увидел крокодил зайца, обрадовался — вот и выдался случай наказать обидчика! Спрятался он в высоких зарослях, которые поднимались над самой водой, и потихоньку поплыл к зайцу, увлекая за собой пучки зеленой травы. Увидел заяц сочную траву, прыгнул в воду и начал жадно есть, забыв об опасности. В ту же минуту крокодил набросился на зайца и схватил его острыми зубами, рыча от злости. Но не растерялся хитрый плут, а только захохотал, приговаривая:

— Что это ты, и рычать разучился?! «Ох-ох!» — таким жалобным стоном разве кого напугаешь? То ли дело «Ха-ха!» Вот это и впрямь звучит грозно!

Крокодил тут же разинул пасть и рывкнул: «Ха-ха!» А заяц только того и добивался! Выскочил он из пасти крокодила и вмиг оказался на берегу. Понял крокодил, что снова одурачил его хитрый плут. А заяц был рад остаться целым и невредимым да еще и снова перехитрить крокодила. Веселый, отправился он вприпрыжку по своим делам и был таков.

唱
文和

揚

ЗАЯЦ, КУРИЦА И ТИГР

Случилось это давным-давно. В те далекие времена люди и животные говорили на одном языке и жили в мире и согласии. И даже тигр, проходя мимо рисового поля во время уборки урожая и видя, как тяжело работают крестьяне, останавливался, чтобы помочь им, а потом они все вместе принимались за еду.

Как-то раз заяц беззаботно прогуливался мимо сада, где курица задумчиво разгребала лапами землю в поисках червяков. Тигр в это время тоже был неподалеку — как раз шел вдоль садового забора, направляясь в лес. Так все трое и встретились. Заяц, курица и тигр разговорились и пришли друг другу по душе. Очень им было весело, и решили они жить вместе и никогда не расставаться. Чтобы укрываться от дождя и палящего зноя, друзья нашли старый сарай с протекающей крышей и решили его подлатать. Каждому в жизни нужно найти друга, ведь никто не хочет блуждать в одиночестве. Но может ли быть прочной дружба между зайцем, курицей и тигром?

Тигр и заяц занялись обустройством жилища, а курица принялась хлопотать на кухне. Поставила она на огонь котелок с рисом и вдруг поняла, что пришло время снести яйцо. Огляделась курица — а гнезда-то и нет в их новом доме! Чувствуя тепло от нагревающегося на огне котелка, она забралась на него и снесла яйцо. Упало яйцо, разбилось и смешалось с рисом. Воздух наполнился ароматом горячего риса и свежего куриного яйца. Удался обед на славу!

Вернулись голодные и усталые заяц и тигр. Войдя в дом, друзья сразу же почувствовали аппетитный запах приготовленной еды и за обедом наелись до отвала.

Заяц спросил курицу:

— Как же ты приготовила такой вкусный обед?

Курица отвечала:

— Проще простого. Поставила котелок с рисом на огонь, а потом снесла яйцо.

— Как снесла яйцо? — снова спросил заяц.

— Забралась на котелок, и дело с концом.

На следующий день пришла очередь зайца готовить обед. Тигр сказал:

— Приготовь, заяц, такой же вкусный обед, какой подала нам курица.

Заяц только улыбнулся:

— Нет ничего проще! Курица научила меня, как это сделать. Будет вам вкусный обед!

Вот уж закипел на огне рис. Заяц, помня совет курицы, взобрался на край котелка, поднатужился, и все получилось ровно так, как ему и говорили. И впрямь проще простого! Довольный собой, стал заяц поджидать друзей к обеду.

Усталый и голодный тигр, придя домой, сразу же накинулся на еду, но вкус и запах приготовленного блюда были просто отвратительны. Разозлился тигр, выплюнул стряпню зайца и зарычал. Заяц выскочил из дома, но тигр успел схватить его лапами и в гневе разодрал ему мордочку.

Убежал заяц, отлежался в лесу, мордочка его зажила, но вот рассеченная губа так и не срослась. Затаил заяц обиду на тигра и задумал ему отомстить, как только представится случай.

Однажды в погожий базарный день прежние друзья нечаянно встретились и помирились. Заяц, тигр и курица снова решили жить вместе. Курица снова хлопотала на кухне, а заяц и тигр латали крышу их старого сарая. Заяц своими ловкими лапами проворно собирал солому. Тигр переносил ее наверх, но дело шло медленно. Солома постоянно рассыпалась, пока тигр поднимал ее на крышу. Тогда заяц сказал тигру:

— Я кое-что придумал. Ты очень большой и сильный. Давай-ка я навалю тебе на спину соломы и привяжу крепче веревкой, чтобы она не рассыпалась. Тебе всего-то и останется, что сделать пару прыжков, и солома вмиг окажется на крыше.

Тигр согласился и лег на землю.

Курица принесла веревку, заяц обложил спину и бока тигра соломой и крепко-накрепко обвязал ее. Когда все было готово, заяц прыгнул в кусты, схватил камень, высек огонь и поджег солому на спине тигра, а потом громко закричал:

— Все готово! Можешь бежать!

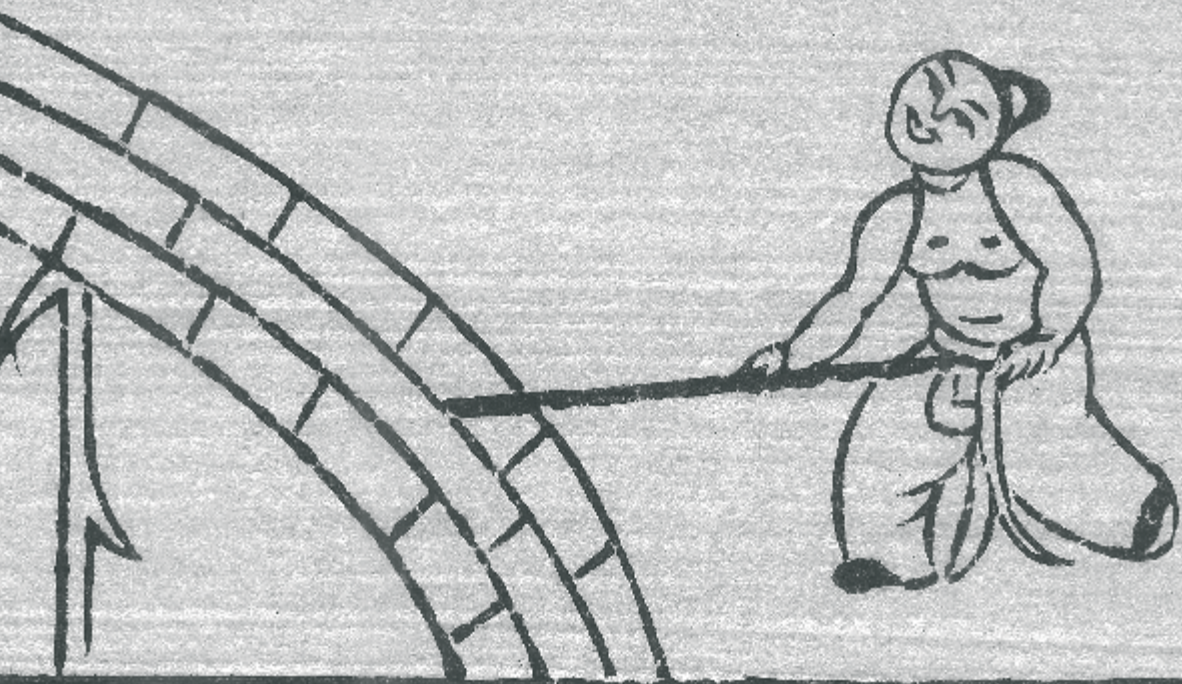
Тигр, почувствовав запах разгорающейся соломы, до смерти перепугался. Он метался из стороны в сторону, но огонь от этого лишь полыхал с новой силой. Дым слепил тигру глаза, в нос ударил запах гари, солома на его спине и боках полыхала. Как ни пытался тигр, а сбросить ее никак не получалось. Огонь выжигал полосы на его теле, обнажая шкуру там, где были веревки. Тигр хотел было просить помощи у зайца, но того уж и след давно простыл.

По счастливой случайности рядом оказался пруд. Тигр прыгнул в воду, и огонь наконец погас. Измученный тигр, едва волоча ноги, вернулся в лес. Он лег в тени высокого камня и с грустью задумался о дружбе, которой пришел конец.

Спустя некоторое время раны тигра зажили, но с тех пор на его шкуре остались черные полосы, а у зайца губа и по сей день рассечена надвое. Только курица, имевшая добрый нрав, осталась такой же, какой и была.

捉捕
最饒

УМНАЯ ЖЕНА

Водной горной деревне жили два юноши — Пао и Синь. Простодушный Пао был младше, а хитрый Синь — старше. Оба были женаты. Судьба не баловала Пао. Еще в детстве он осиротел и был вынужден тяжело трудиться. С раннего утра и до позднего вечера он работал на горном поле, тем и кормился. А вот с женой ему повезло: была она красивая, умная и трудолюбивая. Днем она ухаживала за свиньями и курами, а вечером ткала из льняного волокна материю до глубокой ночи. Синь же, напротив, жил в достатке, от родителей получил он богатое наследство. А жена ему досталась некрасивая, глупая и ленивая. Синь завидовал Пао. И вот решил он обманом отнять чужую красавицу-жену.

В базарный день Синь позвал Пао отправиться вместе с ним на рынок. Там он предложил зайти в винную лавку и выпить вина, Пао согласился. Как только осушалась одна чашечка с вином, Синь наливал следующую. Дождавшись, когда Пао опьянеет, Синь сказал ему:

— Сейчас я загадаю загадку, если не отгадаешь, придется тебе отдать мне свою жену. Согласен?

— Идет! Ты же мой друг, я все для тебя сделаю! Давай загадывай! Говори до конца, ничего не утаивай! — пробубнил Пао пьяным голосом, еле стоя на ногах.

— Есть на свете одна бочка, каждый раз, когда она наполняется водой, прилетает утка, и за три дня утка эта не может переплыть от одного края бочки до другого. Отвечай: где находится такая бочка?

Пао ничего не смог ответить.

Синь усмехнулся и сказал:

— Тогда завтра приводи свою жену в мой дом.

Пьяный Пао вернулся домой и лег спать. Протрезвев, он вспомнил, что приключилось на рынке, и пригорюнился. Жене он решил ничего не говорить, но та, заметив его печаль, расспрашивала, не унималась, и в конце концов юноше пришлось обо всем рассказать. Выслушав Пао, жена улыбнулась и сказала:

— Не принимай Синя всерьез, его загадка — просто пьяная шутка.

Но Пао пытался объяснить жене всю сложность дела:

— Синь хочет забрать тебя себе.

— Встань-ка и поешь риса! А потом посиди тихонько дома, я сама поговорю с Синем, когда он придет, — сказала жена. Пао послушался.

Утром, не дождавшись Пао, Синь отправился к его дому и закричал:

— Эй, Пао! Пао дома?

— Нет его, — слышался голос жены.

— Куда же он ушел в такой ранний час? — спросил Синь.

Жена Пао вышла на крыльцо и сказала:

— В деревне у подножия горы произошла удивительная история.

— И что же произошло в той деревне? — любопытствовал Синь.

И жена Пао начала свой рассказ:

— В одном саду рос очень старый бамбук. Вор срубил его, но вот уже три дня не может вытащить, потому что бамбук очень длинный. Тогда он пришел к Пао и попросил помочь вытащить бамбук из сада...

Синь не поверил, что может быть на свете такой длинный бамбук, и спросил:

— А зачем нужен такой длинный бамбук?

И молодая женщина ответила:

— Как зачем? Из него изготовят обручи на бочку, вмещающую столько воды, что утка в течение трех дней не сможет переплыть от одного края до другого!

Понял Синь, что жена Пао перехитрила его, развернулся и недовольный пошел домой.

В другой раз, когда настал базарный день, Синь снова заманил простодушного Пао в винную лавку. Дождался он, когда Пао опьянеет, и сказал ему:

— Сейчас я загадаю загадку, если не отгадаешь, тебе придется отдать мне свою жену. Согласен?

Пао кивнул.

— В одном доме есть большой барабан. Ударят по нему один только раз, а гудит он пятнадцать дней кряду! Отвечай: шкурой какого животного обтянут этот барабан?

Пао только вытаращил глаза.

Он вернулся домой опечаленный и лег на циновку, но уснуть не смог, только тяжело вздыхал, глядя на жену. Та спросила:

— Почему не спишь?

Пао ей все рассказал. Жена велела мужу остаться дома, а сама пообещала поговорить с Синем, когда он придет.

Рано утром пришел Синь, но Пао, по словам его жены, не оказалось дома.

— Куда ушел Пао? — удивился Синь.

Молодая женщина начала свой рассказ:

— На рассвете из соседней деревни, что на другой стороне реки, пришел крестьянин и попросил Пао помочь ему загнать домой его длинношею корову.

— Что еще за длинношея корова? — спросил Синь.

— О! Эта корова очень большая, просто огромная, и у нее длинная-преддлинная шея, — ответила жена Пао. — Когда она стоит на одном берегу реки, ее шея дотягивается до другого, и тогда она объедает кукурузные поля наших односельчан. А те ох как ругаются!

— С чего бы корове быть такой большой?

Жена Пао сказала:

— А почему бы и не быть? Ведь именно с такой коровы можно содрать подходящую шкуру, чтобы натянуть на большой барабан. По такому ударишь один только раз, а гудеть он будет целых пятнадцать дней!

И на этот раз Синь вернулся домой ни с чем, однако его желание отнять жену у Пао стало еще сильнее.

Он снова потащил Пао на рынок пить вино. Когда тот был пьян, Синь сказал:

— Сейчас я загадаю тебе загадку. Если не отгадаешь, я заберу твою жену!

— Давай загадывай! — пробормотал Пао, еле стоя на ногах.

— У одного крестьянина растут огромные бобы. Они такие большие, что отец с двумя сыновьями наедаются одним бобом. Отвечай: что это за бобы?

Пао в изумлении покачал головой, не понимая, откуда бы могли взяться такие гигантские бобы.

Пао вернулся домой мрачный и обо всем рассказал жене. Она велела мужу оставаться дома, а сама стала поджидать Синя.

На следующее утро Синь прискакал на коне к дому Пао. Женщина увидела его и сказала, что мужа нет дома.

— Куда он ушел? — закричал Синь.

Та ответила:

— За ним пришли жители горной деревни и попросили помочь перенести каменные жернова. Они такие огромные, что только сто человек могут их поднять.

Синю стало интересно, и жена Пао продолжила свой рассказ:

— Молодых мужчин в той деревне девяносто девять человек, а остальные старики да дети малые, поэтому им пришлось позвать моего Пао...

— Ты лжешь! Для чего же им такие огромные жернова? — не унимался Синь.

Женщина ответила:

— Такими большими жерновами перемалывают в муку огромные бобы, которыми отец с двумя сыновьями наедаются, съедая один лишь боб!

Разгневанный Синь взял лошадь под уздцы, но вдруг пришла ему в голову новая хитрость. Он остановился, занес ногу в стремя, и спросил:

— Хорошо же, раз ты так искусна в разгадывании загадок, отвечай, забираюсь я на лошадь или слезаю с нее?

На что жена Пао повернулась к крыльцу, занесла ногу над порогом и спросила:

— Скажи, раз ты такой мастер придумывать загадки, захожу я в дом или выхожу из него?

Опять остался Синь ни с чем. Вскочил он на коня и умчался прочь.

Не оставляли Синя черные мысли. Завидовал он Пао с каждым днем все больше и больше и наконец придумал, как украсть его красавицу-жену и погубить самого Пао.

Синь знал, что у Пао не было родных, он рано осиротел. Однако доверчивый юноша был почтительным сыном и всегда помнил отца и мать. Как-то раз Синь спросил:

— Хотел бы ты снова увидеть отца и мать?

Пао ответил, что очень скучает по ним. Он давно забыл родительские голоса, но по-прежнему помнил, чему отец и мать учили его, наставляя. Если бы Пао смог увидеть их еще хоть раз, то радости его не было бы предела.

Синь уверял, будто это не так сложно сделать:

— Ты должен быть сильным духом и искренним в своем желании. Для этого тебе нужно выколоть глаза, взять палку в руки и отправиться по дорогам, только так ты сможешь встретить своих родных.

И снова доверчивый Пао поверил обманщику Синю. Обрадовался он, что сможет встретить отца и мать, по которым так соскучился, и позволил Синю выколоть ему глаза. Затем ослепленный бедняга взял палку в руки и отправился на поиски родителей. Юноша бродил по дорогам и в душе мечтал о долгожданной встрече.

Спустя некоторое время трудно уже было узнать в измученном и ободранном бродяге прежнего Пао. Его руки и ноги были разбиты из-за бесконечных ударов о камни и корни деревьев, ведь он ничего не видел, а одежда его превратилась в лохмотья из-за долгих скитаний. Но родителей простодушный юноша так и не встретил. Иногда он звал Синя, но никто ему не отвечал. Даже в самый яркий и солнечный день Пао видел только крошечную тьму, будто шел он в глубокой ночи, а спутником ему был лишь монотонный стук палки, ударявшейся о камни горных троп.

И вот однажды забрел юноша в дремучий лес. Опустился туман, и Пао почувствовал, как волосы его стали влажными — наступал вечер. Юноша наткнулся на столб, потом на другой, обошел вокруг и понял, что стоит он у заброшенного дома, но войти так и не решился. Пао собрал упавшие ветви деревьев и соорудил себе шалаш неподалеку. Измученный юноша забрался в него и уснул.

Через некоторое время он проснулся от странного шороха. На мгновение Пао забыл о своей слепоте. Он напряженно моргал, силясь хоть что-то разглядеть, но по-прежнему ничего не видел. По лицу его покатились слезы. Юноша прижался к земле и стал вслушиваться в темноту. И вот до его ушей

стали доноситься голоса животных, которые приветствовали друг друга. Оказалось, что место, куда забрел несчастный, облюбовали дикие звери. Каждые три дня они собирались на поляне у заброшенного дома и рассказывали друг другу истории, которые приключились с ними на охоте.

Первым заговорил тигр:

— Я охотился возле дома богача, который живет у подножия горы. Поймал я корову, и, пока возился с ней, меня заметили. Домашние переполошились, выбежали на улицу и бросились за мной. Со всех сторон бежали люди, я метался, не зная, куда деваться, и вдруг провалился в открытый погреб. Погреб оказался очень глубоким и просторным. Там были большие комнаты, спальни, обеденный зал и кухня, полные амбары риса, кукурузы и соли; повара, слуги и служанки, готовые принести все что пожелаешь. Нужно только сказать, чего ты хочешь, и сразу все получишь.

Продолжил медведь:

— А я охотился в скалистых горах. И в отвесной скале нашел затерянную пещеру. Пещера эта настолько глубокая, что лучи солнца не могут проникнуть в нее, там никогда не бывает ветра, и капли дождя не могут ее промочить. В той пещере спрятан клад — шесть больших глиняных кувшинов. Три из них наполнены серебром, а три — золотом...

Кабан тоже рассказал свою историю:

— Когда я охотился на западном склоне горы, то нашел огромный камень, за которым скрыта другая пещера. В пещере той полным-полно воды. Если взять дрова и развести огонь под камнем, то он нагреется и лопнет. Вода устремится вниз, и люди смогут оросить поля, на которых будет расти рис. Не придется им больше просить дождя у Неба.

Дошла очередь до старой лисицы:

— Несколько дней назад я пробежала по восточному склону горы. Среди сотни каменных ступеней есть одна, самая гладкая. По ней нужно поступать — «кань-кань!» Когда ступень откроется, под ней окажется ковш из тыквы горлянки, наполненный чистой водой, но вода эта не простая. Если незрячий ею умоется, к нему тут же вернется зрение. Я умылась из тыквы горлянки и теперь могу видеть ночью так же хорошо, как и днем, мои глаза стали зоркие, как прежде...

Вдруг неподалеку послышалось токование глухаря¹. Животные разбежались. Стало тихо.

Наступал рассвет. Пао по-прежнему лежал, почти не дыша, с жадностью вслушиваясь в тишину. Лес оживал. Запели птицы, перепрыгивая с ветки на ветку. Их безмятежное щебетание разносилось по всему лесу. Вскоре Пао выбрался из шалаша и пустился в путь. Он не видел солнца, но чувствовал тепло его лучей на своем лице. Забравшись на восточный склон горы, он нашел каменные ступени и начал ощупывать ногой каждую из них. Наконец Пао наступил на совершенно гладкую ступень, ударил по ней палкой и услышал

¹ Глухарь (*вьетн. gà rừng*) — джунглевая курица семейства фазановых.

«кань-кань!», как и говорила лисица. Ступень поднялась, Пао опустился на колени и достал ковш из тыквы горлянки, наполненный чистой прохладной водой. Юноша осторожно зачерпнул воды и умыл лицо. Через мгновение он вздрогнул от ослепительно яркого света. Он открыл глаза и увидел величественные горы, покрытые зелеными лесами, изумрудные травы — все было как во сне. В нежно-голубом небе медленно плыли белые пушистые облака. Вокруг летали птицы, кружились стрекозы, порхали бабочки, пчелы собирали нектар с цветов. Пао увидел вдалеке, у подножия горы, несколько домов. Это была его деревня! Знакомая дорожка среди горных полей серой лентой петляла по камням.

Пао поспешил вернуться в родную деревню, но дом его оказался пуст. — Синь украл мою жену, — подумал Пао.

Он направился в деревню, где был волшебный погреб. Придя к богачу, юноша нанялся к нему в работники за плошку риса и крышу над головой. Через несколько дней юноша предложил хозяину отремонтировать коровник. Богач согласился.

Рядом с коровником находился погреб, очень глубокий и просторный. В нем действительно оказались большие комнаты, спальни, обеденный зал и кухня, полные амбары риса, кукурузы и соли, а еще — повара, слуги и служанки, готовые принести все что пожелаешь, только скажи. Все было в точности как говорил тигр.

С раннего утра и до позднего вечера Пао работал, а когда все ложились спать, он спускался в погреб полакомиться изысканными яствами и отдохнуть. Наконец юноша залечил свои раны и окреп после перенесенных скитаний. Он пришел к хозяину, поблагодарил его, поклонился и покинул дом. А сам отправился на поиски клада, о котором рассказывал медведь.

В отвесной скале Пао нашел затерянную пещеру. Она была настолько глубокая, что лучи солнца не могли проникнуть в нее, там никогда не дул ветер, и капли дождя туда не попадали. В той пещере он нашел клад: шесть глиняных кувшинов! Три с серебром и три — с золотом. Каждый день Пао приходил в пещеру, набирал понемногу серебра и золота в корзину, прикрывал ее травой и относил домой.

Добыв богатство, он построил большой дом, купил корову и лошадь, огнем расчистил участок для поля у подножия горы. Затем Пао взял дрова и пошел на западный склон к пещере, о которой говорил кабан. Там он развел костер под камнем, закрывавшим пещеру. Камень накалился докрасна, лопнул и с оглушительным грохотом развалился на куски. Вода из пещеры потоками устремилась вниз, и было ее так много, что она никак не заканчивалась. Рис быстро созрел и дал богатый урожай. Народ мео² никогда прежде не видел так много риса!

А хитрый Синь после того, как обманул и ослепил простодушного Пао, украл его красавицу-жену. Синь был злой, завистливый и ленивый. Он не

² Мео (*вьетн. meo*) — устаревшее название народа хмонг во Вьетнаме (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

любил работать и скоро промотал все деньги, полученные от родителей. В закромах не осталось ни зернышка, голод поселился в его доме. Одежда его превратилась в лохмотья. Синь решил, что пора просить милостыню у богатей, ведь богачи никогда не устают и всегда сыты. Изрядно изголодавшись, Синь пустился на поиски богача, который подаст ему милостыню. Он увидел новый красивый дом на краю деревни и постучал в дверь. Каково же было его удивление, когда на пороге он увидел здорового, богато одетого Пао!

Оба юноши узнали друг друга и удивились нечаянной встрече. Пао пригласил Синя в дом, накормил и напоил его, рассказал все, что пришлось ему пережить после того, как они расстались. Синь понял: если он хочет быстро разбогатеть, нужно поскорей найти две палки и попросить Пао выколоть ему глаза. Но Пао отказался. Тогда Синю ничего не оставалось делать, как самому выколоть себе глаза — уж очень он хотел заполучить и новый дом, и много денег.

Взяв в руки палки, Синь выколол себе глаза и направился в дремучий лес. Он нашел заброшенный дом, о котором рассказал ему Пао, и стал дожидаться зверей.

В полночь на поляне собрались звери. Синь обрадовался, надеясь, что сейчас он узнает истории зверей и тоже разбогатеет.

Заревел медведь:

— Наконец мы собрались и можем рассказать друг другу, что с нами произошло на охоте. Но прежде я хочу спросить вас, почему мои большие глиняные кувшины с золотом и серебром опустошены?

Захрипел кабан:

— Моя каменная глыба раскололась, и вода устремилась на поля!

Зарычал тигр:

— В моем волшебном погребке кто-то побывал!

— Кто-то нас подслушал, — затыкала старая лисица и начала нюхать воздух. — Нет ли среди нас чужаков?

Кабан начал рыть землю своими клыками, тигр и медведь принялись точить когти, раздирая кору деревьев. Лисица запрыгнула в хижину и заметила человека. Синь лежал чуть живой от страха. Лисица завопила:

— А! Вот он! Где же ты, тигр? Где же ты, медведь?

Звери зарычали:

— Тащи его сюда! Тяни его сюда! Мы так голодны!

Лисица вытащила Синя из дома, и дикие звери разорвали алчного человека в один миг.

А Пао вернул себе жену, и с тех пор они жили мирно и счастливо.

ЗОЛОТАЯ ПЕЩЕРА, СЕРЕБРЯНАЯ ПЕЩЕРА

Случилось это давным-давно. Быть может, и не все в этой истории правдиво, да ведь сколько лет прошло, кто ж упомнит, как было на самом деле! В одной деревне жили два брата. Младший брат был кроткий и трудолюбивый юноша, а старший — злой, хитрый и ленивый.

Родители этих братьев умерли и оставили им в наследство большой дом, трех буйволов, два поля для возделывания риса и овощей, два зеленых луга и корзину с утятами и цыплятами. Перед смертью отец сказал:

— Стал я стар, дети мои. Хочу я, чтобы вы любили и жалели друг друга. Живите достойно, смотрите, не станьте посмешищем для односельчан. Будьте благодарными. Не зря в народе говорят: когда пьешь воду — помни, кто выкопал колодец!

Отец умер, а старший брат стал хозяйничать по-своему. Младший брат был для него словно неродной. Вся работа в поле и по хозяйству легла на его плечи. Вместо полуденного отдыха юноша ухаживал за цыплятами и утятами, а вечером, после работы в поле, ходил к ручью и без усталости таскал на плече тяжелый бамбук, наполненный водой¹. Где уж тут об отдыхе думать! Бедняга работал с раннего утра до позднего вечера, но угодить брату никак не мог. Что бы он ни сделал, старший брат только бранился, а иногда и туманом награждал. Младший юноша терпеливо сносил ругань и побои. Много зла перенес он от старшего брата, но не смел ему перечить — утрат слезы и снова за работу.

С тех пор как братья осиротели, собрали два урожая риса. И вот решил старший брат жениться. Жена его оказалась такой же ленивой и вздорной,

¹ ... таскал на плече тяжелый бамбук, наполненный водой (вьетн. *piếu vác*) — имеется в виду способ транспортировки питьевой воды в стволах бамбука.

как и он сам. Не любила она готовить еду, ухаживать за курами и утками, а уж про работу в поле и говорить нечего. С утра до вечера она осыпала упреками и проклятиями младшего брата. Никто не замечал, как много работал кроткий юноша, но всем он был, словно бельмо на глазу. Решила невестка во что бы то ни стало выжить его из родительского дома.

Отправился однажды старший брат с женой в гости к ее родителям. А когда вернулся, брат его разжигал печь. Решили муж с женой, что юноша отдыхал, пока их не было, так и закипели от гнева. Старший брат со злости швырнул нож, да чудом промахнулся. Ничего юноша не сказал, и еще больше обозлился брат, стал его распекать:

— Ах, негодник! Где это ты гулял?

Младший брат смиренно промолчал в ответ.

В другой раз сели муж с женой обедать, а младший брат не успел вовремя поставить на стол приготовленную свинину. Набивая рот вкусной горячей едой, муж с женой продолжали недовольно ворчать:

— На сей раз мы тебя прощаем. Но в другой раз пощады не жди!

И снова младший терпеливо снес все попреки, лишь изредка смахивал он слезы, делая вид, будто едкий дым от очага попал ему в глаза.

Шло время, но не унималась сварливая невестка, а все искала, как бы выдворить беднягу из родного дома. Дождавшись, когда муж снова разошелся на брата, она швырнула миску риса на пол и вбежала на кухню, вопя и тыча пальцем в бедного юношу:

— Раз ты не хочешь работать и жить в нашем доме, убирайся отсюда вон! Только хнычешь о своей тяжелой доле, не уважаешь старшего брата и не ценишь его заботы! В нашем доме нет лишнего риса, чтобы кормить такого ленивого и неблагодарного парня.

Старший брат вскочил, тоже швырнул миску с рисом и заорал:

— Хватит слезы лить! Убирайся прочь! И держись подальше от нашего дома!

Затем они схватили бедного юношу за руки и вытолкнули за порог.

Так младший брат оказался без крыши над головой. О возвращении домой и думать было нечего. Стал бедный юноша бродить из одной деревни в другую. Переправился он через три ручья, преодолел семь холмов и в конце концов остановился в одной маленькой деревушке, притулившейся в зеленой долине, окруженной горами.

Постучался юноша в дом на окраине деревни и попросил нож. Хозяин дома в просьбе не отказал. Тогда юноша отправился в лес, нарезал бамбуковых стеблей и построил себе маленькую хижину, где и поселился. На склоне холма он разбил небольшой огород, чтобы выращивать овощи.

Жители деревни видели кроткого, трудолюбивого сироту и очень его жалели. Трудно приходилось юноше, а опереться было не на кого. Люди помогали бедняку как могли — кто дал мотыгу для работы в поле, а кто угостил бататом и вареным рисом. Мало-помалу обжился юноша, стал работать на своем поле и дожидаться собственного урожая.

За работой время бежит незаметно. И вот в свой черед созрели на поле юноши тыквы горлянки. Тыквы были красивые, желтые и такие большие, что напоминали деревенские барабаны. Юноша собрал их и стал готовить из сочной мякоти ароматную кашу.

Как-то раз огромная стая обезьян спустилась с гор и налетела на тыквенное поле бедного юноши. Принялись несносные звери бегать по полю, кувыркаться, разбивать тыквы и пожирать их сладкую мякоть. Обезьяны цеплялись за тыквенные плети, вырывая их из земли, и, резвясь, таскали их за собой по полю. Объевшись, обезьяны убежали обратно в лес, прихватив с собой несколько тыкв.

Юноше пришлось сторожить поле, чтобы сохранить остатки урожая, но не тут-то было. Стоило ему отойти, как обезьяны вновь разоряли огород. И так и этак исхитрялся юноша, но не удавалось ему отвадить воров.

На окраине тыквенного поля рос высокий бамбук, в его тени юноша отдыхал в полуденный зной. Как-то раз чуть дольше обычного задержался он под сенью зеленых зарослей, правя мотыгу, и вдруг увидел обезьян, которые забрались на вершину высокого дерева. В лапах они держали украденные тыквы и обсуждали между собой:

— Куда сегодня понесем тыквы? В золотую пещеру, серебряную пещеру или в грязную пещеру с пометом летучих мышей?

Услыхав, что звери говорят о золотой и серебряной пещерах, юноша изумился: «Неужто Небесный Владыка ниспослал на Землю обезьян из заоблачной обители!»

Самая ловкая и сильная обезьяна замахала лапами и сказала:

— Понесем тыквы в серебряную пещеру!

— В серебряную пещеру! — неожиданно для себя выкрикнул юноша.

Обезьяны услышали человеческий голос и испугались. Они подхватили несколько тыкв и в тот же миг исчезли в густых зарослях.

На рассвете юноша взял нож и отправился на тыквенное поле. Острым ножом он проделал отверстие в самой большой тыкве, забрался внутрь, а вырезанным куском тыквы, словно крышкой, закрыл выход наружу. Затаился юноша и принялся ждать, что будет.

Через некоторое время с шумом и гамом прибежала из леса стая обезьян. Обезьяны огляделись вокруг, но хозяина поля нигде не было видно. Тогда они выбрали самую большую тыкву и потащили ее с собой. Приволокли обезьяны тыкву на опушку леса и стали думать:

— В какую пещеру сегодня потащим тыкву?

— В золотую! Потащим в золотую пещеру!

Обезьяны подхватили тыкву и побежали к пещере. Когда они остановились и опустили ее на землю, юноша выскочил наружу и стал размахивать ножом, громко крича. От страха обезьяны разбежались кто куда, расталкивая друг друга, а юноша направился вглубь пещеры. Пещера была темная-претемная. Шел юноша, шел, пока не заметил впереди яркое свечение. Подошел он поближе и увидел целые горы золота. Тогда парень снял с себя рубаху,

чтоб унести малую часть этих богатств с собой. Завязал он узелок, взвалил его на плечи и отправился домой. Узелок был небольшой, но очень тяжелый.

Обезьяны разозлились, что человек выведал тайну их пещеры, дождались, когда юноша вышел наружу, и преградили ему путь. Несколько обезьян дерзнули напасть, но храбрый парень убил их ударами острого ножа. Увидев поверженных сородичей, другие обезьяны разбежались и больше не осмеливались нападать. Вся обезьянья стая притихла и только наблюдала за человеком с верхушек деревьев.

А юноша, вернувшись домой, раздал половину золота жителям деревни, которые пришли ему на помощь в трудный час, а вторую половину оставил себе.

Не прошло и дня, а молва о добром и щедром юноше уже разлетелась по всей округе. Дошла весть и до старшего брата. Они с женой и не вспоминали о юноше с того дня, как выгнали его из дому, — ведь все родительское богатство досталось им одним.

Приближался день поминаения усопших², и старший брат велел жене найти младшего брата и привести его домой, чтобы всем вместе воскурить благовонные палочки в память о родителях. Но не зря говорят: лиса линяет, а натуру не меняет. На самом деле он хотел разузнать, как младшему брату удалось разбогатеть.

Простодушный юноша без утайки рассказал обо всем, что с ним приключилось. Выслушал его старший брат, а потом позвал жену, чтобы та принесла угощения. Когда закончился поминальный ужин, старший брат предложил младшему поменаться домами. И сказал:

— Настрадался ты, брат. Возвращайся в родной дом, ну а мы с женой пойдем в твою хижину.

Младший брат был почтительный, наказ отца помнил и никогда его не нарушал. И на этот раз не стал он перечить старшему брату. Вернулся юноша в родной дом и принес с собой оставшееся золото. А старший брат с женой поспешно перебрались в его хижину рядом с тыквенным полем, желая поскорей заполучить сокровища. Они обыскали все углы, но так и не нашли золото, которое брат принес из пещеры.

Рано утром муж с женой отправились на поле, где росли тыквы горлянки. Там они нашли две большие тыквы и сделали в них отверстия. Забрались туда, а вырезанными кусками тыквы, как крышками, закрылись. Так и стали ждать, когда придут обезьяны и отнесут их в золотую или серебряную пещеру.

Вскоре на поле, где сидели муж и жена, прибежала стая обезьян. Увидев, что поблизости нет людей, обезьяны взяли две большие тыквы — как раз те, в которых спрятались старший брат с женой, — и потащили их прочь. Приволокли обезьяны свою тяжелую ношу в горы и стали думать, куда теперь нести добычу:

² Поминаение усопших — см. примеч. к сказке «Хитроумный заяц», поминки в «Указателе культурных реалий».

— Эй, ну что! Куда понесем тыквы? В какую пещеру? В какую пещеру? Вожак стаи сказал:

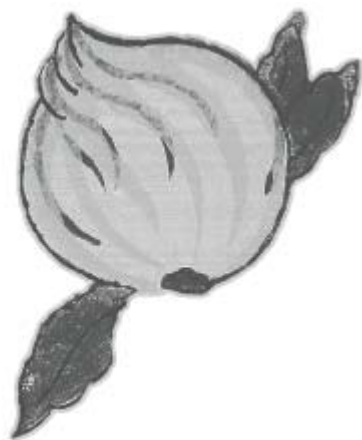
— Выбросим эти тыквы в грязную пещеру к летучим мышам! Тыквы-то несвежие!

Услыхал муж про грязную пещеру да как заорет:

— А ну несите нас в золотую пещеру! Или в серебряную!

Обезьяны услышали человеческий голос, испугались и разбежались в разные стороны. А тыквы покатались вниз по склону и разбились о камни. Так нарушившие завет отца не ушли от кары. Настигло их в конце концов жестокое наказание.

С тех пор жители деревни больше никогда не видели злобного старшего брата и его сварливую жену. Младший брат починил покосившийся родительский дом. Односельчане выбрали ему самую красивую и скромную невесту, и молодые сыграли веселую свадьбу. Гости, сытые и довольные, разошлись по домам. А младший брат с женой стали жить в мире и согласии. Тут и сказке конец!

河

ЗЛАЯ МАЧЕХА

Давным-давно жил один вдовец. И вот решил он снова жениться — тоже на вдове. У каждого из супругов были сыновья от предыдущего брака. Когда сыну мужа исполнилось десять лет, сыну жены исполнилось девять. Жена любила своего сына пуще всего на свете, холила его и лелеяла, все самое вкусное отдавала ему одному. А вот пасынка со свету сживала и изводила попреками. Сын жены день ото дня толстел, а сын мужа только тощал. Муж знал, что жена — женщина злая и в его отсутствие бесчинствует дома, но ничего не мог поделать. Сам он был охотник и много времени проводил в лесу. Каждый раз по возвращении домой он видел, как сын увядает.

Однажды ушел муж на охоту, а жена осталась дома. Решила женщина нажарить пирожков из клейкого риса. Пирожки получились на славу, весь дом был наполнен аппетитным ароматом *бань зай*¹. Мачеха с сыном устроились поудобнее и начали есть. Гора вкусных горячих пирожков таяла на глазах, а пасынок стоял в стороне и смотрел, глотая слюну. Никто и не глядел на него. Вечером еще издали младший сын увидел, что отец возвращается с охоты и на плече несет косулю². Когда отец подошел к калитке, мальчик побежал домой к матери и сказал:

— Мама, отец возвращается с охоты! Он поймал косулю!

Мать в спешке взяла последний пирожок и засунула пасынку в рот со словами:

— На, ешь!

¹ Бань зай (вьетн. bánh dày или bánh giầy) — плоские круглые пирожки из клейкого риса.

² Мунтжак (вьетн. con hoẵng) — небольшой олень, обитающий в Южной и Юго-Восточной Азии.

Как раз в этот момент в дом вошел отец и, увидев, что сын ест пирожок, сказал:

— Я так проголодался! Дай-ка и мне кусочек.

Сын послушно отдал пирожок отцу. Тот проглотил маленький кусочек жареного клейкого риса и решил отдохнуть. В то же время отец почувствовал, что голова у него чешется, будто что-то копошится в волосах.

— Посмотри, что там в голове зудит, — сказал он сыну.

Мальчик подошел к отцу и стал перебирать волосы прядь за прядью, а слезинка за слезинкой из его глаз падали на голову отца. Тот почувствовал, что на голову что-то капает, и подумал про себя: «Сегодня нет дождя, так почему же крыша протекает?»

Повернулся отец, взглянул на сына и тут увидел, что из глаз его текут ручьями слезы.

— Что случилось? Почему ты плачешь? — спросил отец.

Сын начал плакать навзрыд:

— Отец, ты ведь ничего не знаешь! Когда тебя не было, мачеха нажарила *бань зай*, и они с братом все съели, а мне не дали ни крошки. Когда ты вернулся, она сунула мне в рот последний пирожок, а я отдал его тебе. Мачеха не дает мне еды, а только все время бранит, вот почему я плачу!

Выслушал отец сына и ничего не сказал, а сам про себя подумал: «Заморит его жена голодом. Если сын останется дома, я буду видеть, как он умирает. Разве такое вынести? Придется взять мальчика в лес да там и оставить. Дороги домой он не знает, может, к кому-нибудь и прибьется, пусть идет».

На следующий день он позвал сына и сказал:

— Я вижу, мачеха не дает тебе риса и одежда твоя вся истрепалась. Нелегко тебе живется. Собирайся со мной на охоту. Завтра пойдем в лес, будем с тобой охотиться на тигра. Возьми немного риса и приготовь его, чтобы было чем подкрепиться в дороге.

Мальчик с радостью сделал все, как велел отец. Рано утром отец с сыном отправились в путь. Долго они шли по лесу и вот наконец увидели следы тигра размером с чашечку.

— Здесь будем охотиться? — спросил отец.

— Нет. Это следы тигренка, не будем здесь охотиться, пойдем дальше, — ответил мальчик.

Отец с сыном продолжили путь и вскоре увидели тигриные следы размером с пиалу.

— А на этом месте будем охотиться? — спросил отец.

— Нет. Этот тигр-подросток небольшой, не будем здесь охотиться, пойдем еще поищем, — ответил сын, рассматривая тигриный след.

Так они направились в самую лесную чащу. Там, в темной глуши, отец и сын увидели пещеру, а перед ней — огромные тигриные следы размером с миску.

— Ну, а в этом месте будем охотиться или пойдем еще поищем? — спросил отец.

— Этот тигр большой! Останемся здесь, — ответил сын.

Они развернули сверток с клейким рисом, который приготовил мальчик, наелись досыта, построили шалаш и стали ждать тигра. Поздно ночью отец сказал сыну шепотом:

— Давай ложись спать, а я буду сидеть в засаде. Как только услышу шорох, я разбужу тебя.

Проведя весь день в лесу в поисках тигриного следа, сытый и довольный мальчик лег на землю и сразу же уснул. Отец увидел, что сын крепко спит, тихонько поднялся и вернулся домой.

Глубокой ночью тигр вышел из пещеры, увидел безмятежно спящего ребенка и лег рядом с ним. Когда мальчик замерз и начал дрожать от холода, тигр положил на него свою тяжелую, пушистую лапу. Ребенок отыскал головой теплую подмышку тигра, согрелся и так проспал до самого утра, решив, что это отец лежит подле него. На рассвете тигр зарычал:

— Страшно тебе?

— Не страшно, отец, — ответил спящий мальчик.

Вскоре в лесу послышались голоса людей и стук топора. Мальчик в это время еще дремал, а голоса меж тем были все ближе и ближе:

— Если уж рубишь, то руби большое дерево, а молодое оставляй, — услышал он сквозь сон.

Когда мальчик наконец проснулся, отца нигде не было.

— Отец! Отец! Ты где? — стал он кричать что было сил.

Но в ответ слышал только эхо: «Ты где? Ты где?» Сел мальчик на траву и стал ждать. Вдруг он увидел перед собой почтенного старца. Мальчик встал, поклонился и почтительно поприветствовал его, а старец предложил ему умыться и позавтракать. Кроткий мальчик послушно последовал за ним к ручью, шумевшему вдалеке. Они шли по лесной тропинке все выше и выше в гору, и вдруг их взору открылся дивный вид: зеленая долина, красивые дома, веселые люди за работой, цветущие деревья. Буйволы и коровы степенно жевали сочную траву на лугах. Мальчик не знал дороги домой и попросил разрешения остаться. Жители чудесной деревни с радостью приняли его.

Минуло несколько лет с того времени, как отец оставил сына в лесу. Охотник был уверен, что несчастный ребенок давно ушел из этого мира и освободился от тягот человеческой жизни. Поначалу он еще вспоминал о нем, но постепенно стал забывать.

Как-то раз мужчина сидел на крыльце и вдруг услышал пение птицы. Удивительное дело — нежный щебет пичужки напоминал голос его умершей жены.

— Свей веревку для буйвола, свей веревку для лошади, отнеси сыну, чтобы он привязал лошадь, чтобы он привязал буйвола, — пела птица.

Послушал отец ее песню, а потом спросил:

— Разве мой сын жив?

Услышала это злая жена и крикнула:

— Как же жив! «Похорони! Похорони!» — говорит птица.

Не послушал муж сварливую жену и начал вить веревку, а когда моток был готов, отправился в лес. Вскоре он добрался до пещеры, где оставил сына, но мальчика, конечно же, не нашел. Огляделся охотник, увидел тропу и пошел по ней. Где-то впереди звенел ручей. Охотник все шел и шел, и вдруг лес расступился, открыв его взору шумную и оживленную деревню с красивыми домами и цветущими садами. Среди жителей деревни увидел старик одного статного и сильного юношу, в котором с удивлением узнал своего сына. На руках его были золотые и серебряные браслеты, а шею украшали драгоценности. Отец обрадовался без меры, найдя сына живым, здоровым и богатым.

— Как ты попал сюда? Что с тобой произошло? — спросил он.

Сын был счастлив вновь встретить отца. Ничего не утаив, рассказал он о том, что с ним произошло. Слушал его охотник и только диву давался. Стыдно ему было, что он бросил мальчика одного. Они расстались только через несколько дней.

Придя домой, муж рассказал жене удивительную историю о спасшемся мальчике и чудесной деревне, а та решила, что на следующий день тоже отведет своего сына в лес. В дорогу она приготовила клейкий рис.

И вот рано утром мать повела сына в глухую чащу. Дошли они до пещеры и остановились на ночлег. Мать достала рис, принесенный с собой, накормила сына и уложила его отдохнуть с дороги. Когда юноша уснул, она вернулась домой.

Через некоторое время огромный полосатый тигр вышел из пещеры. Увидел он беззаботно спящего человека — и тут же сожрал его.

А женщина, вернувшись домой, стала поджидать птицу, которая должна была ее известить, что пора нести сыну веревку для буйвола и для лошади. Прилетела птица, села на конек дома и защебетала:

— Твой сын мертв! Иди хорони! Твой сын мертв! Иди хорони!

Муж услышал птицу и спросил у жены:

— Почему она говорит: «Твой сын мертв! Иди хорони!»?

Жена в ярости закричала:

— Ничего подобного! Птица говорит: «Свей веревку для буйвола, свей веревку для лошади!» Ты просто ничего не слышишь!

Женщина целый день плела веревку и, когда моток был готов, тут же побежала в лес, не дожидаясь утра. Прибежав к пещере в сумерках, мать не нашла своего сына и стала искать вокруг того места, где оставила его. В высокой траве с разинутой пастью спал сытый тигр, а его огромные желтые клыки напоминали связку спелых бананов. В темноте женщине показалось, что это и впрямь бананы, и она решила их взять:

— Дай-ка я их попробую!

Женщина подошла ближе и сунула руку прямо в пасть тигру. Огромный зверь открыл глаза, вскочил и разорвал ее.

楊公

晏奇

ЖЕНА-ПТИЦА

Жили-были муж и жена. Родился у них сын, а через некоторое время муж умер. Недолго мать ухаживала за любимым чадом, пришло и ее время отправиться на Небеса. После смерти обратилась она в буйволицу, каждый день спускалась на Землю и приглядывала за своим мальчиком. Сын-сирота с ранних лет пас буйволов, а матушка-буйволица всегда была рядом. Пастушок и не знал об этом.

Прошли годы, мальчик стал юношей, и решила матушка-буйволица, что пора его женить. Позвала она на Землю трех небесных птиц: золотую, красную и пеструю. Золотая птица была матерью Нефритового императора, красная — его женой, а пестрая — дочерью. Птицы прилетали, сбрасывали крылья на берегу озера, а сами превращались в прекрасных дев и плавали в чистой воде от восхода до заката. Матушка-буйволица велела сыну спрятать крылья пестрой птицы, чтобы она не смогла улететь на Небо.

Еще до восхода солнца пастух пришел на берег озера, укрылся в высокой траве и стал поджидать птиц. Наконец прилетели птицы, сбросили шелковые крылья и опустились в воду. Пастух, околдованный и восхищенный красотой небесных купальщиц, забыл слова буйволицы и взял золотые крылья. На закате золотая птица не нашла своих крыльев, увидела юношу, улыбнулась и спросила:

— Где мои крылья?

Юноша молчал, очарованный красотой небесной птицы. Вдруг небожительница превратилась в курицу, но юноша и тогда не вымолвил ни слова. Затем курица обернулась буйволицей, а пастух все безмолвствовал. Тут загредел гром, засверкала молния, а буйволица превратилась в огромную гору. Испугался юноша и наконец отдал волшебные крылья.

На следующий день еще до рассвета пастух вновь пришел на берег озера и стал поджидать чудесных птиц. Прилетели птицы, сбросили шелковые крылья и исчезли в изумрудной воде. Пастух, как замороженный, не сводил глаз с небесных купальщиц. Пришло время спрятать крылья, но девы-птицы были так прекрасны, что он опять забыл слова матушки-буйволицы и взял на этот раз крылья красной птицы.

Выйдя на берег, красная птица не нашла своих крыльев, увидела юношу, улыбнулась и спросила:

— Где мои крылья?

Молчал юноша, не в силах отвести глаз от прекрасной девы. Тогда птица превратилась в курицу, но юноша по-прежнему безмолвствовал. Курица обернулась буйволицей — и тут смолчал юноша. Вдруг загредел гром, за сверкала молния, а буйволица превратилась в огромную гору. Юноша испугался и вернул птице крылья.

На третий день юноша решил вовсе не глядеть на прекрасных птиц, чтобы исполнить наказ матушки-буйволицы. Прилетели птицы, сбросили крылья и устремились к воде, юноша взял крылья пестрой птицы и спрятался. Наступил вечер, девы вышли на берег. Пестрая птица не смогла отыскать свои крылья, а золотая и красная птицы не дождались ее и улетели на Небо. Птица увидела юношу, улыбнулась и спросила:

— Где мои крылья?

Юноша молчал, очарованный красотой небесной птицы. Птица превратилась в перепелку, а юноша все безмолвствовал. Тогда перепелка превратилась в курицу, но юноша по-прежнему ничего не говорил. Затем курица превратилась в фазана — и снова сдержался юноша. Наконец наступила ночь. Волшебная пестрая птица обернулась прекрасной девушкой.

Юноша привел ее домой, и вскоре они поженились, а матушка-буйволица подарила сыну барабан и велела спрятать его на заднем дворе подальше от чужих глаз.

— Когда тебе понадобится помощь, стукни в него три раза, и я тебя не оставлю, — сказала она и со спокойной душой отправилась на Небо.

Прошло время, у молодых родились два сына. Родители очень любили своих детей и всегда были рядом. Мать с отцом по очереди работали в поле. Когда отец оставался с детьми, он доставал крылья пестрой птицы и вместе с детьми играл с ними. В эти дни дети резвились и громко хохотали. Если же дома оставалась мать, то ей некогда было играть с детьми: она с утра до вечера хлопотала по хозяйству, а сыновья хныкали от скуки. Однажды мать спросила сыновей:

— Почему вы с отцом веселы, а со мной плачете?

Сыновья рассказали ей:

— У отца есть красивые крылья, и мы с ними играем.

Сказав так, дети показали матери, где отец прятал чудесные крылья, и, увидев их, небесная птица сейчас же вспомнила отчий дом и затосковала по родной стороне. Она поскорей надела крылья, взяла детей и улетела.

Муж вернулся с поля, увидел опустевший дом и тотчас понял, что случилось. Три дня горевал муж, а потом вспомнил про барабан, который дала ему матушка-буйволица. Достал он барабан и ударил в него три раза.

Услышала зов буйволица, спустилась на Землю. Сын набрал свежей травы, накормил мать и обо всем ей рассказал.

— Садись на меня и держись крепче, — сказала матушка-буйволица и отнесла его на Небо.

Сын бродил по Небу до тех пор, пока наконец не увидел своих детей. От счастья и радости слезы покатались из его глаз. Дети увидели отца и закричали:

— Отец! Отец!

Мать-птица прилетела, опустилась рядом с детьми и увидела мужа. Она обрадовалась ему, и они вместе отправились в терем, который стоял в тени заросшего сада и потому был скрыт от посторонних глаз. Нефритовый император узнал о том, что в доме дочери появился чужак, и спросил ее:

— Кто этот незнакомец?

Птица рассказала, что это земной муж пришел за ней.

Нефритовый император разгневался:

— Как посмел земной человек без моего позволения появиться на Небе?!

Велел Нефритовый император своей дочери поскорее прислать к нему зятя. Дочь знала, что отец может погубить мужа, но перечить не посмела.

Придя домой, она рассказала мужу:

— Нефритовый император ждет тебя в своем дворце. Он предложит тебе выпить чаю — не пей, а дуй на него, будто он очень горячий. В это время я превращусь в коршуна и прилечу. Когда увидишь коршуна — кричи, мол, как бы он что-нибудь не схватил и не утащил! Пока отец будет следить за коршуном, ты потихоньку вылей чай.

Муж пришел во дворец и сделал все по наказу жены. Через некоторое время отец спросил у дочери:

— Здоров ли твой муж?

— Он здоров, — сказала она.

— Пришли его ко мне, — велел Нефритовый император.

Жена пришла домой и сказала мужу:

— Нефритовый император ждет тебя в своем дворце. Он предложит тебе выпить вина — не пей его! Я превращусь в коршуна и прилечу к вам. Увидишь коршуна — кричи, мол, как бы он что-нибудь не схватил и не утащил! Пока отец будет следить за коршуном, ты потихоньку вылей вино.

Муж сделал, как велела жена, и снова все обошлось.

Когда Нефритовый император узнал, что зять жив и здоров, то потерял сон. Не мог он позволить дочери быть женой земного человека!

Решил Нефритовый император устроить пир и пожелал, чтобы зять играл на *кхен*¹. Во время пира юноше подали *кхен*, мундштук которого был

¹ *Кхен* — см. коммент. к сказке «Маленький Черепашка», *кхен* в «Указателе культурных реалий».

отравлен. Но прежде чем парень взял инструмент, жена успела прошептать заклинание:

— С Неба идет горячий дождь, на Земле — весна и все оживает. С Неба льет холодный дождь, на Земле — зима и все засыпает.

Муж повторил заклинание перед тем, как начать играть на *кхене*, и смерть прошла стороной.

Нефритовый император решил, что яд утратил свои губительные свойства. Он сам отпил отравленного зелья и в ту же минуту испустил дух.

古

КАК СИРОТА ДЕЛО РАЗРЕШИЛ

Давным-давно один судья приметил умного и находчивого сироту и взял его в ученики. С тех пор на всех судебных разбирательствах рядом с судьей всегда сидел сметливый юноша. Прошло время, ученик вырос и стал искусным мастером в вопросах судебных тяжб. Когда судья был пьян или уставал, помощник решал за него мелкие споры. Юноша всегда внимательно слушал тех, кто к нему обращался, говорил учтиво и предупредительно. Благодаря своему наставнику и природной рассудительности он умел разрешать споры так, что и истец, и ответчик оставались довольны. Почтенный судья доверял ему, а люди, обращаясь за помощью, просили, чтобы их дело рассматривал молодой помощник.

Однажды хозяин харчевни, которая находилась на рынке, пришел с жалобой и привел с собой пожилого господина. Он обвинял старика в том, что тот ушел из харчевни и не расплатился. Молодой судья взялся за дело без проволочек и сразу спросил:

— Почтенный хозяин, что произошло?

— Меня обокрал этот старик, — ответил хозяин и указал на пожилого господина. — Он зашел в мою харчевню, сел, развернул свой сверток с рисом и начал есть, внимательно разглядывая разложенную на прилавке снедь. Он ел свой рис, вдыхал ароматы и наслаждался великолепным видом запеченной на вертеле свинины, вареного петушка, румяной жареной утки с хрустящей корочкой. Доев, старик поблагодарил меня и ушел, не заплатив ни единого донга¹. Мне пришлось привести его сюда и просить уважаемого судью разрешить наш спор.

Молодой судья обратился к ответчику:

— Почтенный господин, что вы можете сказать в свое оправдание?

¹ Донг (вьетн. đồng) — медная монета, медяк (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

— Я зашел в харчевню и сел, чтобы съесть свой рис. Я не брал ни мяса, ни риса, почему с меня требуют плату? — промолвил старик и опустил голову.

Молодой судья снова обратился к хозяину харчевни:

— Значит, вы начали тяжбу против почтенного господина, обвиняя его в том, что он, находясь в харчевне, вкушал ароматы приготовленных вами блюд?

— Все верно! — ответил хозяин.

Тогда молодой судья спросил у обвиняемого:

— Вы согласны с тем, что вдыхали ароматы запеченной свинины, вареного петушка и жареной утки?

— Согласен, — ответил старик.

— Тогда все ясно. Почтенный господин должен оплатить стоимость всех блюд, которые были на прилавке. Уважаемый хозяин, сколько стоят перечисленные вами блюда? — спросил молодой судья.

— Два донга, — ответил обвинитель.

— Я спрашиваю полную стоимость запеченной свинины, вареного петушка и жареной утки, — сказал молодой судья.

Хозяин харчевни почесал затылок и произнес:

— Двадцать донгов.

— Почтенный господин должен заплатить за посещение харчевни двадцать донгов, — постановил молодой судья.

Услышав решение судьи, старик подскочил, и на глазах у него появились слезы.

— Ох! Как же так? Почему двадцать донгов? Я же ничего не брал! За что меня заставляют платить? У меня только два донга, больше ничего нет, — сказал старик и протянул трясущимися руками деньги.

Молодой судья взял два донга, положил в одну пиалу, а второй накрыл ее и отдал пожилому господину со словами:

— Уважаемый, возьмите эти пиалы и потрясите их как следует десять раз. А вы, уважаемый хозяин, слушайте и внимательно считайте.

Истец и ответчик не поняли, к чему клонит молодой судья, но сделали, как он велел. Когда монеты в пиалах прозвенели десять раз, молодой судья произнес:

— Почтенный господин вдыхал в харчевне ароматы запеченной свинины, вареного петушка и жареной утки, полная стоимость которых составляет двадцать донгов. Сейчас уважаемый хозяин харчевни услышал звон двадцати донгов. А значит, почтенный господин полностью расплатился. Все справедливо: одна сторона вдохнула аромат мяса, а другая сторона услышала звон монет. Возвращайтесь домой и займитесь своими делами.

Молодой судья вернул два донга пожилому господину и объявил судебную тяжбу разрешенной, поскольку истец и ответчик не возражали.

ОБМАНЩИК КУОЙ

ВЫШЕЛ ЗА ВОРОТА

Давным-давно жил на свете парень по имени Куой. Еще в раннем детстве он осиротел, и его взял в семью дядя, младший брат отца. Вырос Куой великим хитрецом и обманщиком. Один богач, живший неподалеку, прослышал о хитроумном Куое и послал за ним человека:

— Говорят, ты искусный обманщик. Попробуй-ка меня обмануть. Сделай так, чтобы я вышел за ворота своего дома, и тогда получишь пять куанов¹. А соседи пусть будут свидетелями! — сказал богач.

Куой почесал в затылке и ответил:

— Вы, господин, сидите здесь. Зачем мне вас обманывать, чтобы вы вышли за ворота. Вот если бы вы стояли на улице, тогда бы я уж точно придумал, как вернуть вас домой.

Услышав это, богач выскочил за ворота, а Куой громко захлопал в ладоши и закричал:

— Вот я и обманул вас!

Смутился богач. Кто бы мог подумать, что ловкому парню так легко удастся его обмануть! Пришлось богачу отдать Куою обещанные деньги.

СВИНЬЯ СПУСТИЛАСЬ В ЗАГРОВНЫЙ МИР

У дяди Куоя была свинья. И вот однажды, когда дома никого не было, Куой позвал мясника и продал ему эту свинью за бесценок. Сам взял деньги и свиной хвостик, а мяснику посоветовал спрятаться. Выкопал Куой ямку рядом со свинарником, положил в нее хвостик и плотно утрамбовал землю вокруг

¹ Куан (вьетн. quàn) — старинная денежная единица Вьетнама, представляющая собой связку монет.

него. Когда вернулась домой тетя, Куой сделал несчастное лицо и чуть слышно прошептал:

— Ой-ой-ой, тетя, сегодня такой несчастливый день! Какой-то господин захотел украсть нашу свинью, я помешал ему, а свинья от испуга сдохла. И теперь она, кажется, спускается в подземный мир.

Парень повел тетю к свинару, указал на торчащий из земли хвостик и сказал:

— Свинья почти ушла, остался только хвостик. Попробуем ее вернуть. Тетя, ты крепко держись за хвостик, не дай свинье спуститься вниз, но не тяни его, а то хвост оторвется, и мы ее упустим. Я возьму лопату и буду ее выкапывать. Если повезет, успеем!

Тетя поверила словам Куоя. Женщина схватилась за свиной хвостик и стала подгонять Куоя, но он не спешил. Обманщик молча взял лопату и начал рыхлить землю вокруг воображаемой туши. Хвостик вылезал из земли все больше и больше, наконец тетя не выдержала, потянула, и хвостик оказался у нее в руках. Куою только того и нужно было. Он заорал:

— Я же говорил, нельзя тянуть за хвостик! Все! Свинья спустилась в подземный мир.

КАК ЛОВИЛИ ГОРЛИЦУ

Однажды Куой с дядей отправились на рынок. Куой нес с собой пустую корзину. Вдруг он побежал по дороге вперед, оставив дядю далеко позади. Он увидел буйволиную лепешку, которая лежала на дороге, и накрыл ее корзиной. Когда дядя подошел к нему, Куой стоял на коленях и держал корзину обеими руками:

— Какая удача! — закричал обманщик. — Твой племянник поймал большую горлицу²! Но если сейчас поднять корзину, она улетит. Дядя, быстрее возвращайся домой, бери сеть, чтобы накрыть корзину. Такую птицу и на пир не стыдно подать!

Дядя был человек алчный и тотчас со всех ног бросился домой. Схватил он сеть, вернулся и набросил ее на корзину. Стопился народ. А когда Куой поднял корзину, все захохотали, потому что увидели буйволиную лепешку. Дядя понял, что Куой над ним подшутил, разозлился и избил племянника до полусмерти.

КАК ДЯДЯ ПРОКАЖЕННОГО УТОПИЛ

В другой раз Куой с дядей пошли мотыжить поле. Солнце палило нещадно. Очень хотелось пить, вода закончилась, и дядя отправил племянника домой за водой. Придя домой, Куой увидел тетю и разрыдался:

— Какое несчастье! — простонал он. — Буйвол забодал нашего дядю, и его кишки вывалились наружу. Он так и лежит там на поле.

Бедная женщина как услышала эти слова, так заголосила и бегом кинулась на поле. А обманщик Куой обогнал ее и во весь дух помчался к дяде. Парень в слезах кинулся к нему на грудь и, задыхаясь, прохрипел:

² Горлица (вьетн. chim ngói) — лесной голубь.

— Дядя! Вот беда-то какая! Небо гневается на нас! Тетушка залезла на крышу да и свалилась оттуда, разбилась насмерть!

Дядя стал бить себя кулаками в грудь. Крича и плача, он побежал к дому. Где-то на полпути он и тетя налетели друг на друга. Поняли они, как жестоко подшутил над ними племянник. Муж с женой разозлились так, что бросили Куоя в бамбуковую клетку и решили утопить его. Дядя потащил клетку с племянником к реке.

На берегу реки Куой взмолился:

— Дядя с тетей хотят наказать племянничка, и я, конечно, заслужил это, но есть одна вещь, которая удерживает меня на этом свете, — книга для врунов. Принесите ее мне. Таково мое последнее желание. Она лежит у очага. Дядя, сделай милость, прояви немного родственного сострадания, я хочу взять эту книгу с собой.

Дядя прикинул в уме, что руки обманщика крепко связаны, а клетка закрыта, и побежал домой за книгой.

Куой сидел, съезжившись, в клетке и вдруг увидел прокаженного, который проходил мимо. Куой крикнул ему:

— Эй, болезный! У меня тоже кожа была воспалена и покрыта нарывами, как у тебя. Но меня посадили в клетку, окунули в воду, и теперь я здоров. Открой клетку и сам посмотри.

Прокаженный открыл клетку, Куой тут же вышел из нее. Потянулся, прищелкнул языком и похвастался «чудесным исцелением», а затем сказал:

— Как мне повезло! Какое счастье, что я могу тебе помочь! Забирайся в клетку. Если есть пара куанов, давай сюда. Я тебе помогу.

Получив свободу и деньги, Куой дождался, пока прокаженный залезет в клетку, запер ее и убежал.

А дядя, прибежав домой, не нашел книги и понял, что Куой снова его одурачил. Разгневанный, кинулся он к реке и, не говоря ни слова, швырнул в воду клетку с прокаженным.

КАК ЧИНОВНИК БОГАТСТВО В РЕКЕ ИСКАЛ

День стоял очень жаркий. Куой не спеша брел по берегу реки. Добравшись до моста, он немного посидел в тени и решил искупаться. Парень сбросил одежду на песок, а монеты, чтобы не украли, зажал в кулаке — так с ними и пошел в воду. В это время один чиновник проезжал на лошади через мост и увидел купающегося юношу. Его внимание привлекло то, что юноша высоко над головой держал сжатый кулак.

«Наверное, он что-то нашел в реке», — подумал чиновник.

А был он человеком жадным... Остановил чиновник лошадь и крикнул:

— Эй, парень, что ты там делаешь?

Куой сделал вид, будто что-то ищет на дне реки, и ответил:

— Я нес домой деньги, слитки золота и серебра. Остановился на мосту отдохнуть и нечаянно уронил все в воду. Теперь вот ныряю, но нашел только два куана. Мне пора возвращаться домой, но отец, верно, приберет меня, — сказал Куой и разрыдался.

Чиновник спустился с лошади и снял одежду:

— Парень, вылезай из воды и скорее беги домой, а я искупаюсь, — сказал он и зашел в воду.

Чиновник решил, что сможет пожить.

Куой выбрался на берег и стал надевать одежду чиновника. Тот крикнул из воды:

— Эй! Что это ты делаешь?

Куой ответил, стуча зубами:

— Я очень замерз, сейчас согреюсь и сниму вашу одежду.

— Как тебя зовут? Откуда ты родом? — спросил чиновник.

— Фамилия моя Бай, зовут меня Зынг, родился я в общине Бонглонт уезда Бала³, — ответил Куой.

Парень дождался, пока чиновник нырнет поглубже, вскочил на его коня и ускакал. Чиновник нырнул еще пару раз, ничего не нашел, посмотрел на берег — а парня и след простыл! Тут понял чиновник, что его обманули. Пришлось ему прикрыться лохмотьями, которые бросил Куой, и пойти искать мошенника. У всех прохожих, что попадались ему на пути, чиновник спрашивал:

— Вы не видели Бай Зынга?

Люди улыбались и разводили руками, а одна пожилая женщина решила, что глупый чиновник над ней издевается, называя несуществующее имя, и обругала его на чем свет стоит. Чиновник понял, как ловко его одурачил плут, и ни с чем отправился домой.

В ГОСТИ К РОДСТВЕННИКАМ

Однажды к дому дяди и тети прискакал на лошади богато одетый Куой. Родственники очень испугались, ведь они думали, что два года назад утопили его в реке. Желая их успокоить, Куой начал свой рассказ:

— Когда вы выбросили меня в реку, я пошел ко дну и там встретил всех наших родных: дедушек и бабушек, отца и мать, всех родственников по отцовской и материнской линии. Мои родители теперь очень богаты. А я соскучился и вернулся к вам, вот взял коня и немного монет. Дедушка и бабушка приглашают вас к себе в гости!

Услышав его слова, дядя и тетя обрадовались и спросили Куоя:

— А разве мы можем отправиться к ним?

— Конечно! — ответил Куой. — В этом нет ничего сложного. Вам нужно сплести клетки, такие же, как для меня сплел дядя. Но я вас дотащить не смогу, придется вам самим отнести клетки на берег реки. А там я опущу вас в воду!

Дядя спешно принялся плести клетки из бамбука. Когда все было готово, они отправились на берег реки. Дядя забрался в клетку, племянник закрыл ее покрепче и толкнул в воду. Вода сомкнулась над клеткой, и Куой радостно захлопал в ладоши и закричал:

³ Куой назвал несуществующие имя и название местности.

— Дядя уже там!

Услышав это, тетя заторопилась:

— Племянник, давай быстрее и меня скидывай!

Тетя залезла в клетку, Куой закрыл ее и бросил в реку. Вот так досталось ему наследство от дяди и тети. Куой все распродал, вмиг промотал деньги и отправился путешествовать.

СТРАНСТВИЕ НА СЛОНЕ

Куой добрался до гор, которые тянулись бесконечно. Там обитало множество слонов, и Куой решил отправиться странствовать по свету на одном из них. На слоновьей тропе он выкопал широкую и глубокую яму, прикрыл ее стеблями бамбука и травой. Покончив с этим делом, парень принялся ждать. На третий день Куой увидел слона. Тот шел по тропе, не заметил ловушки и провалился в яму. Голова его оказалась внизу, а хвост торчал к небу, и слон не мог пошевелиться.

Куой засыпал слона землей, а когда тот издох, выдумщик сделал разрез от хвоста до брюха, устроился неподалеку и стал ждать. Очень скоро налетели вороны и коршуны, чтобы полакомиться. Птицы залетали внутрь и клевали мясо. Сначала прилетело десять птиц, потом сто, а через некоторое время их было уже несколько тысяч, они прилетали и каждый день досыта наедались, и вот наконец шкура слона оказалась пуста. Куой дождался, когда в шкуру залетело достаточно птиц, и завязал отверстие веревкой. Затем он выкопал из земли слона и забрался к нему на спину. Взял парень в руки длинную палку, ударил слона по бокам, птицы замахали крыльями, и слон начал взлетать, унося Куоя в небо.

Слон, как воздушный шар, летел по воздуху над горами и реками. Куой не мог налюбоваться открывающимися видами. Он летел весь день и наконец увидел большой столичный город. Внизу теснились дома, а на улицах было очень многолюдно. Куой решил спуститься на землю. Парень похлопал слона по спине, птицы перестали махать крыльями, и слон опустился возле императорского дворца. Там как раз готовились к большому празднику.

Император и придворные увидели всадника на слоне, спустившегося с неба, испугались и начали кланяться ему. Они приняли Куоя за божество. Император сам провел Куоя во дворец и не посмел сесть рядом с ним как равный. Куой был рад оказанному приему, подношениям и угощениям. Император дрожащим голосом спросил:

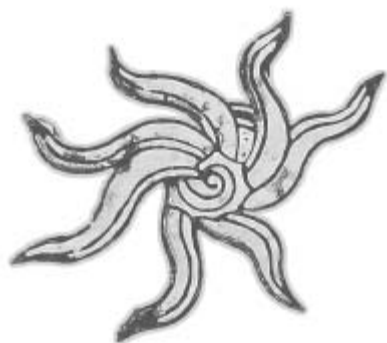
— Может быть, вы позволите монаршей особе прокатиться на слоне, чтобы насладиться прекрасными видами?

Куой ответил:

— Конечно, Ваше Величество! Но для этого нам нужно поменяться одеждами, ведь слон признаёт только меня. А когда вы будете пролетать над морем, не забудьте дернуть за веревку, чтобы животное спустилось и напилось воды.

Император с радостью сел на слона, ударил его палкой и улетел. Над морем он потянул за веревку, как говорил Куой, чтобы слон утолил жажду. Дыра разошлась, и стая воронов и коршунов вылетела прочь из шкуры слона в один миг. Шкура упала в море, а императора проглотила большая рыба.

Куой надел императорские золотые одежды и взошел на трон.

素女

拔扇

素女

鼓琴

ТУ УЙЕН

Во времена правления императора Ле Тхань-тонга¹ в столице Тханглонг ежегодно проводились экзамены в Храме литературы² — выбирали в чиновники самых талантливых юношей и мужчин. Ученики со всех провинций приезжали в столицу как на праздник. Из южных провинций страны³, из деревни Битькау, приехал бедный, но образованный студент. Хотя экзамены на пост чиновника он еще не выдержал, все уже называли его учитель Ту Уйен.

В январе того года в пагоде Нгокхо⁴ рядом с Храмом литературы организовали гулянья. Много народа вышло на улицу, и было шумно. Ту Уйен тоже отправился туда. Весь день он прогулял по городу, устал, решил немного отдохнуть и присел под баньяновое дерево. Вдруг подул ветерок, и на землю перед Ту Уйеном опустился большой темно-зеленый лист баньяна, весь исписанный прекрасными стихами. Ту Уйен огляделся, даже поднял голову вверх — уж больно любопытно ему стало, кто мог их написать. Но вокруг никого не оказалось. Только ветерок играл с тяжелыми листьями баньянового дерева.

¹ Император Ле Тхань-тонг (1442–1497) — внук прославленного императора Ле Тхай-то (1384(?)–1433), основателя династии Ле. Ле Тхань-тонг считается одним из величайших правителей страны. Император поощрял распространение конфуцианства, по его указу в различных областях Дайвьета воздвигали храмы литературы, где прославляли Конфуция. В данном повествовании речь идет об эпохе Хонг Дык (1470–1497) — втором девизе правления Ле Тхань-тонга.

² Храм литературы (вьетн. Văn Miếu) — храмовый комплекс, посвященный Конфуцию, на территории которого располагался первый университет Вьетнама (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

³ По-видимому, речь идет о территориях современных провинций Хатинь и Нгеан.

⁴ Пагода Нгокхо (вьетн. chùa Ngọc Hồ) — один из старейших храмов Тханглонга (Ханоя) в районе Храма литературы (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

Совсем растерявшись, Ту Уйен, думая о красоте стихов, побрел домой — и вдруг увидел очаровательную, нежную девушку, которая выходила из пагоды. Еще никогда не встречал он таких изящных и миловидных девушек. Шла она, словно не ступала по земле, а летела по воздуху. Все в ее силуэте было легким и даже немного волшебным. Не помня себя, Ту Уйен отправился вслед за девушкой. За павильоном Куангван⁵ на юношу налетел сильный ветер. Чтобы защитить лицо от пыли, Ту Уйен достал свой небольшой веер. На мгновение он потерял из виду силуэт девушки, а когда поднял глаза, ее уже и след простыл.

С того дня Ту Уйен лишился покоя. Он тосковал по прекрасной девушке день и ночь, не мог ни есть, ни пить, забросил даже учебу. Ничего ему не хотелось. Сказали ему, будто духи храма Батьма могут помочь. Ту Уйен попустился неделю и направился в храм. На следующую ночь он услышал голос:

— Завтра иди к мосту Донг, сядь и жди, тогда увидишь то, что так страстно желаешь увидеть!

Ранним утром Ту Уйен отправился туда. Весь день просидел у моста, но кроме людей, идущих на рынок и оттуда, так никого и не увидел. Расстроился Ту Уйен, совсем было потерял надежду, но вдруг заметил старика, дряхлого, с седыми волосами и бородой. Тот нес в руках какой-то сверток. Видимо, долго шел старик и издалека, сильно устал и сел отдохнуть рядом с расстроенным юношей. Ту Уйен вежливо спросил у него, что в его свитке. Старик ответил, что там картина неопишуемой красоты. Тогда Ту Уйен попросил развернуть ее и показать. Вытащил старик картину и развернул, а с нее смотрела та самая девушка, из-за которой Ту Уйен потерял покой. Схватил он картину и стал умолять старика отдать ему ее. Сжалился над ним старик и отдал.

Как только Ту Уйен добрался до дома, повесил он картину в своей комнате на самом видном месте — перед столом для учебы. С тех пор каждый день, прежде чем сесть за еду, он ставил одну пиалу с бульоном и горшочек горячего ароматного риса перед картиной, клал пару палочек и приглашал изображение красивой девушки разделить с ним трапезу. Постепенно жизнь Ту Уйена стала налаживаться. Он снова принялся усердно за учебу, каждый вечер ходил в Храм литературы на обсуждение литературных произведений. Сердце его успокоилось, поэтому и учиться Ту Уйен стал еще старательней.

Каждый день был похож на предыдущий, но однажды Ту Уйен вернулся домой, а там его ждал ужин. На подносе стояли горшочек с только что сваренным ароматным рисом, пиала с овощным бульоном и закуски. Ту Уйен никак не мог понять, кто же прибрал в доме и приготовил еду. Огляделся по сторонам, но никого не увидел. Каждое утро поднимался он рано и шел на учебу, а по возвращении всегда находил горячий ужин. Так вечерами он наслаждался трапезой и смотрел на портрет красавицы, каждый раз при этом улыбаясь. В один из вечеров ему показалось, что изображение девушки

⁵ Павильон Куангван (вьетн. đình Quảng Văn, кит. 广闻亭) располагался с внешней стороны ворот Дайхынг — южных ворот столицы, в саду Батьвьет в районе озера Хонкьем.

изменилось: волосы ее были немного растрепаны, будто она только что успела взбежать на картину после хлопот по хозяйству.

На следующее утро Ту Уйен снова отправился на занятия. Однако он решил вернуться раньше обычного и подглядеть, кто же в его доме прибирается и стряпает. Подойдя к воротам своего дома, он увидел, что там хлопочет та самая красавица. Казалось, будто она только что сошла с картины: воздушная, изящная, волосы заколоты высоко, полы шелковой одежды завязаны за спиной. В руках красавица держала простую метлу. Закончив уборку, легкой походкой, словно скользя по воздуху, девушка направилась на кухню — готовить. Ту Уйен не мог отвести от нее глаз.

Накрыв ужин, девушка расчесала волосы, поправила одежду и уже собралась было вернуться на картину, но Ту Уйен не выдержал, толкнул дверь и быстро вошел в комнату.

— Останься со мной, не уходи! — сказал он.

Девушка, немного смутившись, лишь скромно улыбнулась.

— Меня зовут Зянг Кьеу. Это были мои стихи на листе баньянового дерева, рядом с пагодой Нгокхо.

Ту Уйен сказал:

— Моя семья очень бедная, не знаю, как нам быть.

Зянг Кьеу ответила:

— Тебе не о чем беспокоиться! Эта шпилька для волос нам поможет. — Сказав это, она достала из прически тонкую изящную шпильку — и вдруг перед молодыми людьми возник огромный дом, в нем было все для счастливой и богатой жизни.

Ту Уйен растрогался до глубины души и сказал Зянг Кьеу:

— Теперь мы можем пожениться!

— Беспокоиться не о чем, сейчас все устроится! — ответила она.

Тотчас снаружи послышался шум, появившиеся из ниоткуда слуги забегали, расставляя столы, украшая двор. Подготовка к свадьбе шла полным ходом. Роскошную свадьбу устроили молодожены, много гостей приехало со всех концов страны, много дней праздновали, допоздна оставались гости.

Теперь у Ту Уйена были красивая жена и огромный богатый дом. Сам он стал ходить в шелковых одеждах, трудные времена миновали. Ту Уйен забросил учебу, все чаще стал задерживаться в харчевнях. В скором времени праздный образ жизни вошел у него в привычку, Ту Уйен пристрастился к вину. Много раз Зянг Кьеу выговаривала ему, но все было без толку. Иногда Ту Уйен мог и ударить жену. Однажды, когда Зянг Кьеу работала за ткацким станком, послышался шум; выглянула она во двор, а там Ту Уйен вернулся, но едва стоял на ногах. Не выдержала Зянг Кьеу, заплакала и ушла из дома.

Проснувшись поутру, Ту Уйен повсюду искал свою жену, но ее нигде не было. Ту Уйен сел на край кровати и понял: нет для него в жизни ни смысла, ни радости, он сам в этом виноват и, только убив себя, сможет заслужить прощение жены. Мужчина взял пояс, связал из него петлю и уже собрался повеситься, как перед ним появился силуэт жены-красавицы. Упал на колени

Ту Уйен, стал, рыдая, умолять о прощении. Сжалилась над ним Зянг Кьеу и простила. С тех пор Ту Уйен отказался от пагубных привычек.

Снова в доме стало тепло и уютно. Каждый день Ту Уйен посвящал учебе, каждое утро он ходил в Храм литературы обсуждать литературные произведения. Когда пришло время, он смог сдать экзамены, полностью отказаться от вина, и в скором времени у супругов родился сын.

Пролетели годы, вот и сын Ту Уйена уже вырос и женился на красивой и доброй девушке. Он тоже успешно сдал экзамены и получил высокое назначение.

Однажды во двор дома учителя прилетели два тонкошеих журавля. Зянг Кьеу подошла к Ту Уйену и сказала:

— Небеса зовут нас!

Повернулись супруги к сыну и невестке, дали им наставления, сели на журавлей и отправились на Небо.

ТАЛАНТЛИВЫЙ МЛАДШИЙ БРАТ

Давным-давно жили-были два брата-сироты. Умирая, родители велели сыновьям заботиться друг о друге, но старший сын позабыл их наказ. Ух и сурово обращался он с младшим братом! Словно слуга в своем же доме, выполнял младший брат по приказу старшего всю грязную работу. Жена старшего брата была мужу под стать: злая женщина, даже еды деверю не давала. Иногда ему приходилось жевать листья деревьев, чтобы не умереть от голода. Тяжко жилось мальчику, но и уйти от брата он не мог. Хотел было наняться в дом к кому-нибудь, да никто его брать не соглашался. Больно мал был и худ — какой из него работник!

Однажды поймал мальчик вошь величиной с коробку для хранения табака. Ходит по деревне, рассказывает, а ему не верит никто. Говорит он тогда людям: «Спорим! Если я вру и у меня нет вши размером с коробку для хранения табака, то накормлю и напою досыта всех вас». Народ, конечно, смеялся и соглашался, а мальчишка доставал коробочку с вошью и показывал ее. Как увидят люди такое чудо — удивляются, сами тащат ему еду и кормят досыта. Вот и решился младший брат уйти из дома и стал таким образом зарабатывать себе на пропитание.

Шел как-то мальчик мимо кузницы, а там работал кузнец. Не понравилось кузнецу, что рядом крутится ребенок и шумит, дивную вошь показывает. Рассердился он, схватил коробочку с вошью, хотел раздавить ее на наковальне. Открыл коробочку — а вошь исчезла. Расплакался тогда мальчик и говорит:

— Как я теперь стану себе на пропитание зарабатывать! Верни, кузнец, мою чудесную вошь!

Да где ее теперь найдешь... Кончился день, наступила ночь, уснул мальчишка и увидел во сне доброго старца. Говорит ему старец:

— Будет тебе кузнец предлагать за вошь и то и другое, а ты ничего у него не бери, требуй только лисицу, которая живет в скалах.

Так мальчик и сделал. Добыл ему кузнец лисицу, а лисица непростая, умная, говорить умеет, да еще и песни поет. Обнял тогда мальчик эту лисицу и пошел с нею по округе. Кто ему на пути ни попадется, всем рассказывает про свою волшебную лисицу, а народ в ответ только смеется. Однако как слышали люди пение лисы, так стали мальчика во все дома приглашать, кормить, поить и деньги ему давать.

Долго ли, коротко ли — бродил младший брат по белу свету, а когда надоело ему путешествовать, устал он, соскучился по родной деревне и решил вернуться на прежнее место. Выстроил он себе дом. Узнал в новом молодом богаче старший брат своего родственника, интересно ему стало: откуда у того много денег, красивой одежды и всякой утвари домашней — стал он выспрашивать у младшего брата. Прознал про лисицу, попросил одолжить ее на время. Согласился младший брат, а старший взял лисицу и пошел с нею по округе. Кто на пути ему ни попадется, с тем пари заключает, что лисица и петь, и разговаривать умеет. Однако ж когда настает черед лисице петь, та только глазками-бусинками моргает, ни словечка не вымолвит. Все споры старший брат проиграл, пришлось ему побираться. Рассердился он, схватил лису, вспорол ей живот и выбросил в канаву, а сам побрел назад.

Вернулся старший брат в деревню, обругал младшего брата. Опечалился юноша, пожалел свою волшебную лису, пошел в лес искать ее тело. А на том месте, где оно когда-то лежало, уже выросло большое дерево — пышное, разлапистое. Сел юноша под дерево, заплакал горькими слезами и принялся звать душу чудесной лисицы. Вдруг раздвинулись ветви дерева с одной стороны — и на землю посыпались деньги! Раздвинулись ветви с другой стороны — на земле рядом с младшим братом появилась всякая снедь. Наелся юноша и уснул под деревом. Наутро проснулся, собрал деньги, что на земле лежали, и пошел домой.

Почувствовал старший брат неладное — опять у младшего богатство появилось, засуетился и тоже отправился в лес. Сел под дерево и сделал вид, будто плачет. Прошло некоторое время, зашуршали ветви деревьев, словно ветер подул. Задрал тогда старший брат голову, принялся всматриваться: где же деньги? Тут с левой стороны, откуда на младшего брата деньги сыпались, как упадет навоз! Зашуршали ветви справа, раздвинулись — а оттуда прямо на старшего брата моча полилась! Вся одежда, волосы, кожа его оказались замараны и источали зловонный запах. Рассердился старший брат, схватил топор и срубил волшебное дерево, а сам побежал на реку мыться — да разве от такого отмоешься!

Вернулся старший брат и снова принялся бранить младшего, а тот молча собрался и ушел в лес — туда, где прежде росло чудесное дерево. Из ствола срубленного дерева сделал младший брат кормушку для своей свиньи. Стала свинья из нее есть, да как принялась расти — с каждым днем все больше, все толще, все круглее, точно свинка для празднования Тета¹.

¹ Тет, тж. Тет Нгуен Дан (*вьетн. Tết Nguyên Đán*) — Новый год по вьетнамскому лунно-солнечному календарю (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

Увидев, какой толстой и красивой стала свинья у младшего брата, взял старший брат кормушку и поставил у себя. Однако всего через несколько дней свинья старшего брата сильно похудела, упала да тут же на месте и околела. Рассердился старший брат, порубил кормушку на дрова и бросил в костер. Когда догорал огонь, прибежал младший брат, выхватил из пепла тлеющую головешку — остатки кормушки. Понес он дорогую его сердцу головешку домой и сделал из нее красивый гребень. Каждый день им причесывался, и стали его волосы чернее смолы, длинные и красивые. Увидел это старший брат и опять позавидовал. Отобрал гребень у младшего брата, ходит целыми днями да причесывается. Но и недели не прошло — выпали у старшего брата все волосы и стал он лысый. Снова рассердился он, бросил гребень в костер. Прибежал младший брат, успел из огня достать лишь зубец от гребня. Вернулся домой, долго просидел над этим зубцом и сделал маленький крепкий рыболовный крючок.

С тех пор с восхода и до заката ловил на этот крючок младший брат рыбу. Улов был богатый, все самому не съесть. То, что оставалось, юноша относил на рынок и продавал, и так заработал много денег. Увидел старший брат, что младший опять разжился деньгами, — и от злости и лютой зависти стал задыхаться. Отнял он у брата чудесный крючок и пошел на рыбалку. Забросит удочку — поплавок на воде пару раз дернется, вытаскивает — а на крючке одни только змеи. Испугался старший брат, оторвал крючок и выбросил в воду. Не знал младший брат, что случилось, только сердце заныло, и услышал, будто вода плеснула, а звук тот был похож на волшебную мелодию. Пошел младший брат к реке.

Долго брел по берегу юноша и сильно проголодался, хотел поймать краба, чтобы зажарить его и съесть. Схватил краба, а тот заплакал и взмолился: — Отпусти меня, юноша, у меня жена и детки!

Разжалобил он юношу, пожалел младший брат краба, отпустил его и пошел дальше. Вдруг слышит голос:

— Братец, помоги мне, а я тебя потом отблагодарю.

Услышал младший брат, что просит его кто-то о помощи, оглядывается, а голос опять за свое:

— Я — дядюшка Мух, запутался в паутине, помоги мне, сделай одолжение!

Наклонился младший брат к паутине, помог дядюшке Муху выбраться. Побрел голодный дальше по дороге. Вдруг слышит — пищит кто-то. Мышка! Лежит на земле, а из лапки кровь сочится — упала мышка с каменной стены. Нашел юноша волшебное растение, приложил к ранке — лапка сразу и зажила. Поблагодарила мышка младшего брата и убежала.

В тот же день встретились ему по пути две девушки. Одна краше другой, да только лица заплаканные и вид унылый. Оказывается, стряслась с их отцом беда: шея у него заболела, так больно ему, что уже умирать готовится.

— Отведите меня к нему, и я помогу, — сказал младший брат.

Обрадовались девушки и велели юноше закрыть глаза, чтобы он не увидел дорогу к их дому. Взяли его под руки и поскорее повели в свой дом, который оказался под водой. Расступилась вода перед ними, открылись одни ворота, вторые, третьи... Только когда все ворота за ними затворились, младший брат смог открыть глаза.

Огляделся младший брат — стоит он на широкой дороге, а впереди виднеется огромный роскошный дворец. Дворец этот принадлежал Царю драконов. Охраняли дворец двенадцать собак, и было им приказано рвать на куски всех непрошенных гостей. Но юношу Царь драконов приказал впустить. Сам он сидит на троне, голову к плечу наклонил — даже пошевелить ею не может, только говорит еле слышно:

— Есть у меня девять незамужних дочерей. Избавишь меня от болезни — отдам одну из них за тебя замуж. Любую бери.

Подошел младший брат к Царю драконов и попросил его широко открыть рот, а сам думает: «Наверняка Царь драконов проглотил мой крючок».

Просунул юноша пальцы в горло владыке и действительно вытащил рыболовный крючок. В тот же миг отступила лютая боль. Уже через два дня смог Царь драконов разговаривать и вкусно есть, как и прежде. Позвал морской владыка к себе юношу и говорит:

— Желаю я отблагодарить тебя. Пожалую тебе столько денег, сколько захочешь, только не требуй в жены одну из моих дочерей.

Ничего не ответил младший брат. Еще два дня пожил во дворце, погулял, а на третий день обратился к морскому владыке:

— Царь драконов, открой рот пошире, я посмотрю, зажила ли рана, помажу ее лекарством. А потом хотелось бы мне вернуться домой, соскучился я по родной деревне.

Ловким движением младший брат всунул рыболовный крючок обратно в горло Царю драконов. Вскрикнул тот от невыносимой боли. Шея у него сразу же опухла, раздулась так, что и дышать стало невозможно. К ночи Царь и вовсе умирать собрался. Девять дочерей морского владыки испугались, заплакали и стали молить юношу спасти отца. Согласился он помочь, но только если Царь драконов сдержит слово, которое дал прежде. Делать нечего, согласился Царь.

Снова помог ему юноша — и снова он юношу обманул: новое условие придумал. Обещал Царь выдать за юношу одну из дочерей, если разгадает тот государевы загадки. А юноша-то, оказывается, влюбился в младшую из дочерей, молодую и прекрасную. Полюбила и она его, поэтому предупредила:

— В доме у нас есть девять тыкв, где хранятся девять душ девяти дочерей Царя драконов. Надобно тебе выбрать тыкву, в которой хранится моя душа, только тогда я смогу стать твоей женой.

Запомнил юноша ее слова. Пришло время, подозвал его морской владыка к себе и говорит:

— Выбирай одну тыкву, тогда и решим, кто за тебя пойдет замуж.

Заволновался младший брат: как же выбрать, если все они похожи друг на друга как две капли воды! Вдруг откуда ни возьмись послышался шепот — это его старый знакомый, краб, пришел вернуть долг:

— Ты мне помог, теперь моя очередь тебя отблагодарить. Смотри внимательно, какую тыкву я покачу, ту и бери!

Так юноша разгадал первую загадку — выбрал тыкву с душой своей любимой. Тогда пригласил его морской владыка на ужин и говорит:

— Стоят на этом столе девять блюд, каждое из них приготовила моя дочь. Выбирай, какое блюдо ты хочешь съесть. Чье блюдо выберешь, на той и женишься.

Только Царь закончил свою речь, как услышал юноша жужжание дядюшки Муха:

— Ты мне помог, теперь моя очередь тебя отблагодарить. Смотри: в какое блюдо я упаду, то и выбирай.

Успокоился юноша, оглядел внимательно стол и выбрал блюдо, которое приготовила его любимая. Так разгадал он вторую загадку. Тогда Царь задал ему последнюю, третью:

— Дочери мои уже взрослые и живут каждая в своей комнате. Чью комнату откроешь, на той и должен будешь жениться.

Стоит младший брат перед девятью дверьми и не знает, за какой из них его любимая. Расстроился, вдруг слышит — мышка пищит у его ног:

— Ты мне помог, теперь моя очередь тебя отблагодарить. Прислушайся: в какой из комнат мыши пищат, ругаются, туда и входи. Это и есть спальня твоей любимой.

И третью загадку разгадал юноша. Пришлось Царю отдать свою младшую дочь замуж за юношу. Протянул он ему тыкву с душой младшей дочери и отпустил восвояси. Вернулся юноша в деревню, а дома его нет больше. Пошел он тогда к старшему брату. Увидел старший брат в руках у младшего тыкву и принялся ругаться:

— Что это за тыкву ты притащил? Выбрось ее прочь!

Притворился младший брат, будто хочет выкинуть тыкву, как вдруг послышался из нее нежный, звонкий голос:

— Отчего это ты решил меня выкинуть?

Тогда отправился юноша в лес и спрятал тыкву там. Положил он ее под дерево — а тыква как лопнет! Высыпалось из нее множество нежных, ярких цветов, а из них встала девушка невиданной красоты в одеждах из прекрасных тканей, украшенных золотой вышивкой. Юноша глаз не мог отвести от такой красоты. Подошел он к девушке, взял за руку и повел в лес гулять. Вот уже и солнце село за горами, а они не расстаются, держат друг друга за руки и милуются. Взяли листья пальмы, сделали из них шалаш и легли спать в своей лесной хижине.

Поздней ночью проснулась дочь Царя драконов, вышла из шалаша и, пока муж ее крепко спал, позвала своих родственников. Быстро собрались они у шалаша и принялись за работу — стали строить дом для молодоженов.

Кто-то рубит деревья, кто-то носит камни, кто-то трамбует землю. Людей много, стройка идет полным ходом. Солнце еще не встало, а дом уж готов. Закончили родичи царевны строительство дома и принялись готовить еду. Зарезали девять свиней, а их головы насадили на столбы и для жениха оставили. Дом — точно дворец, всего в нем много: циновки, покрывала, кухонная утварь. Все новое, красивое. Пировали родственники дочери Царя драконов до рассвета, а с первым лучом солнца поспешили домой. Все это время молодой муж крепко спал и ничего не слышал.

Солнце уже позолотило рисовые колосья на полях, когда проснулся юноша, огляделся вокруг и увидел прекрасно обставленную комнату. Испугался он, что проснулся в чужом доме, и хотел было бежать. Но жена его остановила, приласкала и все рассказала. Достала жена и новую красивую одежду для мужа. Взял ее юноша и стал примерять: точно по нему шили!

Но очень уж удивительным показался юноше рассказ жены, стал он расспрашивать дочь Царя драконов:

— Когда же дом успели построить? А одежду кто же сшил для меня?

— Пока ты спал, дом построили. Все, кто работали, уже по домам разошлись. Пока спал, и мерки с тебя снимали.

С того момента зажили муж с женой душа в душу, всего у них было вдоволь. Даже животных они кормили деньгами. Узнал об этом старший брат, любопытно ему стало, пошел в дом к младшему посмотреть, что да как. Пришел и видит: свинья во дворе жует деньги, словно овощи, а курочки по двору разбрасывают монеты. Побежал за курицей старший брат, отогнал ее от денег и давай их в карманы заталкивать. В это время младший стоял у окна и наблюдал за старшим. Добродушно улыбаясь, он сказал:

— Проходи в дом, брат мой. Побудь у нас пару дней, поедим вдоволь, выпьем!

Прошел год. Заскучала по родным и отчему дому дочь Царя драконов, отправилась навестить подводное царство. Ох и обрадовались ей дома! Собрал Царь драконов для зятя множество подарков — и свиней, и куриц, и разноцветных рыбок-полосатиков, множество крабов и креветок. Ничего не пожалел Царь драконов для дочери и зятя! Приготовил он сверх того множество драгоценных подарков и большой мешок денег. Наказал владыка передать зятю: как только захочет тот стать чиновником, пусть выстрелит из арбалета в Небо, с Неба упадет лестница — это и будет приглашением на службу.

Передала мужу эти слова дочь Царя драконов, и стал юноша каждый день ходить в лес тренироваться стрелять из лука. В скором времени научился он стрелять так ловко, что мог любую дичь и любого зверя на большом расстоянии убить. Решил юноша, что можно получить желаемое, только если Небо разозлить, а потому пошел стрелять на рассвете, когда все в Небесной канцелярии просыпаются. Зарядил арбалет, выстрелил и попал в цель.

Стрела угодила в водоем при Небесной канцелярии, и вода в нем стала красной. Отправили небесную стражу поймать нарушителя спокойствия. Спустился один небесный страж на Землю и взял с собой стрелу

как доказательство злодеяния. Встретил он юношу на дороге, а тот как раз упражнялся в стрельбе из арбалета. Подошел к нему страж, показал стрелу и спрашивает:

— Как ты осмелился стрелять в Небо?

— Я лишь тренировался, не думал, что моя стрела может попасть на Небо, — ответил юноша, ничуть не испугавшись.

Не зная, что ответить, страж вернулся на Небо.

На следующий день проснулось Небо, и оказалось, что небесный чиновник ранен в ногу. Тут уж отправили двух больших лебедей за арбалетчиком — пусть ответит за совершенное преступление! Оказавшись на Небе, юноша отвечал так же, как и небесному стражу прежде.

Увидев бесстрашие юноши, небесный чиновник смягчился и спросил:

— Хочешь ли ты работать в Небесной канцелярии?

Юноша покачал головой:

— Этого я не желаю. Жизнь на Небе не сравнится с жизнью на Земле, так там хорошо! Да и места здесь маловато, в ширину лишь два крыла птицы, а у меня на Земле дом шириной в двадцать крыльев! Вам бы лучше на Земле жить, там просторнее! А я лишь хотел полюбоваться пейзажами, посмотреть, как устроены на Небе дела.

Стал небесный чиновник рассуждать:

— Ты житель Земли, будешь тогда отвечать за дела людей. Назначаем тебя королем Земли.

Кивнул в знак согласия юноша, и лебеди отнесли его обратно домой.

С тех пор некогда бедный младший брат стал королем всей Земли. И днем и ночью охраняет он покой гор и лесов, заботится о жизни людей в деревнях и тех, кто трудится в горных полях, приносит всем людям удачу.

СКАЗКА О ДРОВОСЕКЕ

В незапамятные времена в одной деревне жил молодой парень. Родители его давно умерли, и жил он в бедности. Тяжело трудился юноша круглый год, но даже на пропитание ему не всегда хватало.

И вот захотел этот бедняк жениться на красавице, а была она младшей дочерью богача. Пришел он к ее отцу-богачу свататься. Услышав предложение сироты, ухмыльнулся богач и сказал:

— Принесешь сто *лангов*¹ золота, тогда выдам за тебя дочь. А пока ступай!

Парень в жизни еще не видел золота, но твердо решил добиться руки девушки. Думал он, думал, как ему добыть сто *лангов*, но так ничего и не придумал.

«Буду еще больше трудиться, так и заработаю!» — сказал себе сирота, пошел на рынок и купил большой острый топор, чтобы рубить деревья. Взял его на плечо и отправился в лес добывать дрова на продажу.

Однажды, бродя по лесу, увидел дровосек огромное дерево², оно покачивалось на ветру и поскрипывало.

«Славные дрова из этого дерева получатся, хорошо гореть будут. Срублю-ка я его!» — подумал парень. Только он замахнулся топором, как слышит из дерева голос:

— Эй, парень, ступай и сруби другое дерево, а я подарю тебе за это ценную вещь!

— Что за вещь такая ценная? Не золото ли? Давай его сюда, да поживее, не то срублю!

¹ Ланг — см. примеч. к сказке «Три лисы-оборотня» на с. 56.

² По-видимому, сказочный мотив получения помощи и волшебных предметов от дерева (или другого растения) связан с культом деревьев, распространенным в Древнем Вьетнаме (подробнее см. культ деревьев в «Указателе культурных реалий»).

— Ты сруби то дальнее дерево, а я подарю тебе серебряный поднос. Как проголодаешься, стукни по нему три раза, а затем скажи, какого кушанья тебе хотелось бы отведать — оно тотчас и появится.

Послушал парень совета неведомого голоса, срубил другое дерево, обрачивается — а у корней того дерева, с которым он разговаривал, серебряный поднос лежит. Схватил его юноша и сразу решил проверить. Стукнул три раза по подносу и сказал:

— Хочу пиалу риса с сушеной рыбой. Да чтоб рис был свежесваренный, горячий и ароматный, а рыбка — сухая и маслянистая.

Сказано — сделано, пиала ароматного риса с сушеной рыбой сверху появилась на подносе. Поел парень, взял поднос и ушел из леса.

По дороге зашел юноша в харчевню, где обычно покупал кукурузные лепешки. Однако в этот раз он ничего не купил. Достал он свой поднос и ударил в него три раза. В тот же миг на подносе появились вареная курица, большая пиала ароматного супа из бамбуковых побегов и кувшин с вином. Дровосек пригласил хозяина харчевни и всех, кто был рядом, поесть вместе с ним. Гости уж наелись, а еда все появлялась и появлялась на волшебном подносе.

Напился дровосек вина, взял топор и улегся спать. Он и подумать не мог, что хозяин харчевни подменит его волшебный серебряный поднос на обычный. Поутру проснулся парень, взял поднос и пошел в свою деревню. Захотелось ему созвать всех на большой пир и накормить досыта.

Добрался дровосек до деревни, вошел в общинный дом³ и ударил в барабан, чтобы созвать всю деревню на пир.

— Кто хочет вдоволь наесться буйволиного мяса, присаживайтесь у подноса, еды и выпивки хватит на всех!

Сказав так, дровосек ударил три раза в поднос, но на нем ничего не появилось. Еще раз ударил, и еще — все без толку. Рассердились односельчане на обманщика. Деревенский староста приказал связать дровосека и всыпать ему тридцать ударов палками. Выступила на спине у бедного юноши кровь.

Делать нечего — побитый, взял он свой топор и поплелся в лес. «В этот раз, — решил сирота, — точно срублю то дерево, обмануло оно меня». Добрел он до дерева, и тут слышит знакомый голос:

— Эй, парень, не грусти! Украли твой поднос. Не расстраивайся, подарю тебе вместо подноса волшебного коня. Конь этот даст тебе золото, с таким чудесным животным ты проживешь безбедно всю жизнь.

— Давай сюда своего коня, да смотри не обмани! — сказал довольный дровосек.

Вдруг откуда ни возьмись появился гнедой конь — красивый, бока лоснятся, грива густая, а хвост до земли, косит глазом на счастливого дровосека. Постоял, постоял конь, поднял хвост — и упал на землю слиток золота. Обрадовался дровосек, схватил золото, вскочил на коня и был таков.

³ Общинный дом (вьетн. *Dinh*) — культовая постройка, представляющая собой типичное архитектурное сооружение в сельской местности Вьетнама (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

Приехал он к харчевне, где его поднос подменили, и хвастается:

— Хозяин, посмотри, какой у меня конь! Хвост поднимет — и золото разлетается во все стороны.

Ударил дровосек пятками по бокам коня, тот постоял немного, потом поднял хвост — и посыпалось на землю золото.

Снова хозяин харчевни позавидовал дровосеку. Накрыв стол, подал лучшего вина, напоил парня, как и в прошлый раз. Пока юноша спал, хозяин харчевни подменил волшебного коня. Привел точь-в-точь такого же гнедого, только простого, а волшебного спрятал.

Проснулся дровосек, вскочил на коня и помчался в деревню. Уж больно ему хотелось поскорее добраться до родных мест да мимо каждого дома на своем коне проехать, дать каждому односельчанину золота, чтобы жил простой люд в достатке и ни в чем не нуждался.

Приехал парень в свою деревню, у общинного дома слез с коня, ударил в барабан и прокричал:

— Соседи! Есть у меня волшебный конь. Когда он поднимает хвост, на землю падают золотые слитки. Хочу каждому из вас подарить по бруску золота. Подходите все, подставляйте руки!

Подбежали соседи, подставляют руки коню под хвост. Вскочил дровосек на коня, ударил его по бокам, но из-под хвоста не золото упало, а обычный навоз. Разозлились односельчане, сбросили парня с коня и избили палками, а бедное животное схватили и приготовили из него ужин. Избитый и опечаленный, взял сирота свой топор и поковылял в лес, а про себя подумал: «На этот раз, дерево, пощады не жди! Точно срублю!»

— Сколько уж бед на меня свалилось из-за твоих волшебных подарков, а в последний раз я и вовсе едва жив остался. Не обессудь, теперь точно срублю тебя, — сказал юноша. Дерево же отвечало:

— погоди, не горячись. Не я — хозяин той харчевни тебя обманул, а тебе и невдомек. В этот раз я дам тебе бамбуковое коленце, с его помощью ты вернешь все волшебные вещи. Если бросить это бамбуковое коленце под ноги человеку, то он упадет на живот и, что бы ты ни сказал, все исполнит.

Схватил дровосек бамбуковое коленце, обрадовался и сразу решил его испытать. Наступил одной ногой на коленце — и вдруг рухнул на землю, тело его выпрямилось, словно банановая пальма. Руки тянулись вверх и никак его не слушались. Полежал он так изрядное время и только потом смог подняться.

Тогда обратился дровосек к дереву:

— И как же мне вернуть волшебный поднос и коня?

— А ты пойди к хозяину харчевни и постучи три раза в это коленце. Все в его доме, и он сам, перевернется с ног на голову. Вот тогда и спрашивай, где твои волшебные вещи.

Пошел дровосек в харчевню, там его встретил хозяин и пригласил зайти поесть, выпить вина. Зашел парень, но есть ничего не стал, только встал посреди харчевни и спрашивает:

— Хозяин, а хозяин, хочешь посмотреть на мир вверх ногами?

Засмеялся хозяин и говорит:

— Я только что наелся досыта, куда уж мне кувыркаться?

Тогда дровосек достал волшебное коленце и стукнул в него три раза. Все в харчевне пришло в движение, перевернулось вверх дном: и хозяин, и утварь, и даже собаки. Пиала риса — и та опрокинулась на лицо хозяину харчевни. Испугался он, закричал:

— Пощади меня, пощади!

Приподнял дровосек коленце — и все в доме встало на свои места. Испуганный хозяин тут же принес парню поднос и вывел волшебного коня.

Вскочил дровосек на коня, зажал поднос под мышкой и помчался домой. Прискакал юноша в деревню и стал созывать народ. Увидели его односельчане, рассердились — как он смеет опять всех беспокоить! — и уже собрались было снова его избить, но парень поднял поднос над головой и закричал:

— Сейчас мы все наедемся досыта!

Ударил он в поднос — и сразу же появились тарелки со свежайшим мясом буйвола, а рядом — пиалы с горячим рисом *сой*⁴ да кувшины ароматного вина.

Тут уж стало не до драки; уселись односельчане вокруг подноса, и начался пир. Долго ли, коротко ли пировали — опять вскочил дровосек на коня и воскликнул:

— Сейчас я каждому из вас дам по слитку золота! — и вывел коня на середину двора. Тот поднял хвост, и посыпались бруски золота. Раздал парень золото каждому соседу, все обрадовались без меры.

Тогда дровосек снова громко сказал:

— Есть у меня еще одна волшебная вещь!

— Это какая же? — удивился народ.

— Бамбуковое коленце, поднимающее зады!

Теперь, когда каждый наелся и получил по бруску золота, в словах дровосека не сомневались. И односельчане принялись кричать:

— Дай мне, нет мне, дай мне это коленце!

Дровосек стукнул три раза в коленце — и несколько сотен односельчан встали на голову, да так и повисли задами вверх. Отовсюду слышались крики и проклятия, кого-то и вовсе рвало. Но парень никого не опустил на землю. Обошел он соседей, каждому заглянул в глаза, нашел богача и подошел к нему. Тот сказал:

— Прошу тебя, парень, возьми мою дочь в жены, а нас отпусти.

Тогда дровосек ударил в коленце, и все снова опустились на землю.

А в скором времени уже праздновали свадьбу дровосека и дочери богача.

⁴ *Сой* (вьетн. *хôi*) — блюдо из вареного клейкого риса (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

КАК ДЯДЮШКА ЖАБ С НЕБОМ СУДИЛСЯ

Давным-давно, так давно, что уже никто и не помнит когда, целых четыре года стояла страшная засуха. Все вокруг высохло, земля потрескалась, а изумрудные рисовые поля превратились в желтые заплатки. Деревья сбросили свои одежды, а обессиленные животные бродили в поисках воды. Говорят, произошло это из-за того, что Дух дождя крепко заснул, не до земных дел ему было.

Над обитателями лесов и полей нависла страшная угроза голодной смерти... Что же делать? Дядюшка Жаб подумал и решил отправиться на прием к Нефритовому императору, попросить дождя. Вышел он из дома, видит — идет навстречу дядюшка Краб:

— Куда путь держишь, дядюшка Жаб?

Рассказал ему дядюшка Жаб о своем намерении. Тогда Краб решил идти вместе с ним. Идут они, идут, вот уже и лес показался. Деревья стоят голые, унылые, а у корней их лежат Медведь и Тигр, изнывающие от жажды и зноя. Увидели они путников, спросили, куда те направляются. Дядюшка Жаб им отвечает:

— Если дело так и дальше пойдет, все мы скоро погибнем от жажды и зноя. Мы не хотим умирать, поэтому решили пойти к Нефритовому императору и спросить у него, отчего так долго нет дождя. Если хотите, пойдемте вместе!

— Конечно, пойдем! Умирать — так хоть в хорошей компании!

Долго шли дядюшка Жаб, дядюшка Краб, Медведь и Тигр. По дороге встретились им братец Лис и братец Шмель. Побеседовали они с путниками и тоже решили идти на Небо. Так все вместе они отправились к Нефритовому императору.

Перед входом в Небесный дворец увидели путники огромный барабан. В этот барабан били посетители, чтобы сообщить о своем приходе. Дядюшка Жаб и говорит:

— Братец Краб, залезь-ка в этот глиняный чан! А ты, братец Шмель, спрячься за теми воротами. Братцы Лис, Медведь и Тигр, спрячьтесь в лесной чаще и ждите. — А сам направился к барабану, взял своими маленькими лапками палочку и громко ударил три раза: «Бом! Бом! Бом!»

Удивился Нефритовый император: кто осмелился прийти к нему? Отправил он Небесного духа посмотреть на нарушителей спокойствия. Вышел дух за ворота, осмотрелся вокруг, не увидел никого, только маленький дядюшка Жаб сидит рядом с барабаном — кожа зеленая, в мелких пупырышках — эка невидаль! Дух вернулся к Нефритовому императору и доложил о случившемся. Рассердился владыка не на шутку и велел отправить курицу проучить нахального дядюшку Жаба.

Курица только выскочила, а дядюшка Жаб уж подал сигнал братцу Лису, который прятался в лесной чаще. Тот выпрыгнул и перегрыз курице горло. Услышал об этом Нефритовый император, рассердился пуще прежнего. Приказал он теперь отправить собаку проучить братца Лиса. Только собака появилась в воротах дворца, а из чащи уж братец Медведь на нее нападает...

Дошла эта новость до Нефритового императора, разозлился он и приказал Небесному духу усмирить Медведя. Едва вышел дух за дворцовые ворота, занес руку с мечом, а тут и братишка Шмель подоспел. Жужжит, вот-вот ужалит. Испугался Небесный дух, прыгнул в глиняный чан, спасаясь от Шмеля. А там братец Краб как цапнет его что есть мочи! Нет спасения нигде! Небесный дух выскочил из чана, побежал к дворцовым воротам. Не судьба ему была вернуться: выскочил из лесной чащи братец Тигр и разорвал его.

Раздосадованный Нефритовый император, делать нечего, пригласил к себе дядюшку Жаба. Дядюшка Жаб и говорит:

— Великий Владыка Неба, за последние четыре года не упало ни капли воды на Землю. Мучаются звери, мучаются люди, а если и дальше все будет так продолжаться, то не останется ничего живого во всем мире.

Взволновался тогда Владыка Неба и ответил дядюшке Жабу уже снисходительно:

— Возвращайтесь, дядюшка Жаб. Я прикажу дождю снизойти на Землю, а если еще когда-нибудь случится долгая засуха, вы прокричите мне об этом, напомните, что нужен дождь.

Только он договорил, как начался на Земле сильный дождь, напоил он все поля, равнины, всех зверей и птиц. С тех пор и говорят: если жабы квакают, не иначе быть сильному дождю. А в народе есть такая песенка:

Дядюшка Жаб приходится другом
самому Небесному Владыке,
Кто его обидит, тот
Небом будет наказан.

16. Мальчик на буйволе запускает воздушного змея

17. Вежливость и ум

18. Человеколюбие и долг

МАСТЕРСКАЯ НГУЕН ХЫУ САМА
И НГУЕН ХЫУ КУА. ЧАСТЬ 2

19. Госпожа Чьеу верхом на слоне

20. Карп с мальками

21. Четыре священных животных

22. Ба Нгует, покровительница супружества,
на фениксе

23. Четыре красавицы

24. Свинья ест листья алоказии

25. Мальчик на буйволе играет на дудочке

26. Шествие с драконом

27. Сцена ревности

28. В мире воцарилось спокойствие (Павлин расправляет крылья)

МАСТЕРСКАЯ НГУЕН ХЫУ САМА
И НГУЕН ХЫУ КУА. ЧАСТЬ 2

29. Сбор кокосов

30. Учитель-жаба

БАМБУК О СТА КОЛЕНЦАХ

Жил в давние времена Богач — страшный вун, да еще и скупой. Никто не соглашался долго работать в его доме. Своих работников он то голодом морил, то плату им задерживал, а порой и вовсе ничего не платил. К тому же часто и жестоко избивал. Настолько был жестокий человек, что знающие его люди даже старались селиться от него подальше. Но жил неподалеку от Богача один Юноша — крепкий деревенский парень, добрый, трудолюбивый и совсем не расчетливый. Дел у Богача было много, а работников мало. Что же делать? Поразмыслил Богач и придумал хитрый способ заставить Юношу работать на него бесплатно.

Богач сказал Юноше:

— Ты уж потерпи, поработай на меня! Возделывай землю, собирай урожай, а в благодарность я отдам за тебя свою младшую дочь¹.

Услышал это Юноша и обрадовался: не догадывался он, что Богач — обманщик. Трудился Юноша изо всех сил. Светлячки еще не уснули, а он уже в поле с буйволом возделывает посевы. Изо дня в день работает не покладая рук: то рушит рис, то толчет его, то веревки плетет. Рассвет едва занимается, а Юноша уже на ногах, ведет буйвола на поле. Трудно ему, тяжело, а он все терпит. Богач смотрит на это да посмеивается. Свою дочь он, конечно, за бедняка и не думал выдавать, а сосватал ее состоятельному человеку из соседней деревни. От семьи жениха семье невесты уже привезли свадебные подарки.

В день свадьбы младшей дочери направился Богач к ничего не подозревающему Юноше. Простодушный бедняк с самого утра был в трудах — уже

¹ Во вьетнамской общине существовал обычай, согласно которому жених должен был некоторое время работать на семью невесты.

заколол свинью и теперь варил клейкий рис *сой*², которым Богач хотел накормить гостей на пиру.

Встал Богач у загона для буйвола и так обратился к Юноше:

— Сегодня у нас в доме поминки³, не нужно выводить буйвола в поле, есть дела поважнее. Пойди-ка ты в лес да найди там бамбук о ста коленцах, принеси его и сделай из него навес, чтоб могли мы пригласить всю деревню.

Юноша очень удивился, но отправился в лес. Радовался он, потому как воображал, что скоро день его свадьбы. Бедняк знал, где растет длинный бамбук, и дело казалось ему нетрудным.

Вскоре добрался Юноша до места в лесу, где плотной изумрудной стеной рос бамбук. Пробираясь сквозь заросли, он крепко держал нож в руке и, как только находил особенно высокий стебель, рубил его. Но каждый раз оказывалось, что бамбук в длину меньше, чем сто коленец, не хватало всего лишь нескольких! Тогда Юноша рубил следующий стебель, но и с ним повторялось то же самое. Уж солнце поднялось высоко на небе, а Юноша так и не нашел бамбук нужной длины... Опечалился Юноша, бросил нож на землю и заплакал.

Тут откуда ни возьмись появился Старец:

— Не плачь, сынок. Дело-то твое нехитрое, только не знаешь ты, как за него взяться. Ты вот что, сруби несколько бамбуковых стеблей, набери ровно сто коленец да принеси их сюда.

Юноша снова пошел в лес, срубил несколько стволов бамбука, как было велено, и пошел обратно. Старец стоял на прежнем месте и ждал. Юноша, тяжело вздыхая и сгибаясь под тяжестью бамбуковых стеблей, вернулся со своей ношей. Старец спросил:

— Отчего же ты, сынок, так тяжело вздыхаешь?

— Я только что вспомнил, что ты велел мне нарубить сто коленец бамбука, а ведь мне нужен один стебель длиною в сто коленец.

Тогда Старец сказал:

— Не беда. Ты положи сто коленец на землю. А теперь встань перед ними, сложи руки перед собой и скажи громко два раза: «Сомкнитесь! Сомкнитесь!» Тотчас ты увидишь, как все коленца соединятся между собой и превратятся в бамбуковый стебель длиною ровно в сто коленец.

Юноша сделал, как велел Старец. Громко произнес заклинание, и все коленца в тот же миг зашевелились, зашуршали по земле, постукивая друг о друга. Когда прозвучало последнее «Сомкнитесь!», все коленца уже соединились меж собой и превратились в длинный блестящий ствол бамбука!

Юноша обрадовался, наклонился, подхватил бамбук и взвалил его на плечи, но стебель оказался слишком длинным, и никак бедняку было не выйти с ним из леса. А солнце уже клонилось к закату. Юноша сел на землю и огорченно вздохнул: по всему выходит, не видать ему невесты. Старец добродушно рассмеялся:

² Сой — см. коммент. к сказке «Сказка о дровосеке» на с. 172.

³ В день поминок члены семьи не ведут никаких сельскохозяйственных и домашних работ (подробнее см. поминки в «Указателе культурных реалий»).

— Было бы о чем печалиться! Дело-то твое нехитрое, только не знаешь ты, как за него взяться. Сейчас тебе нужно сказать: «Разъединитесь!» Повтори это заклинание четыре раза, и все сладится.

Юноша снова сделал, как велел Старец. И действительно, длинный ствол бамбука распался на сто коленец. Обрадовался Юноша, собрал коленца в две охапки, связал их веревкой и собрался уходить. Но прежде чем уйти из леса, повернулся было к Старцу, чтобы поблагодарить его, а того уже и след простыл.

Вернулся Юноша в дом Богача, а во дворе уже составлены подносы, вся деревня празднует, угощается разными яствами. Юноша, увидев это, не стал входить во двор, лишь поставил связки бамбуковых коленец у калитки и позвал Богача.

— Я принес, как ты и велел, сто бамбуковых коленец.

Богач увидал две связки бамбуковых коленец и принялся бранить Юношу:

— Велено же тебе было принести бамбук о ста коленцах, а не две связки бамбуковых коленец. Унеси отсюда эти никчемные обрубки, да поживей!

Тогда Юноша, запинаясь, попытался объяснить:

— Нет-нет, подожди...

К тому моменту в руках Богача уже оказалась увесистая палка, которой он хотел прогнать Юношу. Но Юноша успел сложить руки перед собой и произнести два раза заклинание, которому его научил Старец:

— Сомкнитесь! Сомкнитесь!

Зашуршали по земле сто коленец, задвигались и в одночасье стали соединяться. На глазах изумленных односельчан появился длинный бамбуковый стебель, блестящий и зеленый — бамбук о ста коленцах. Богач как зачарованный смотрел на этот небывалый стебель, и ноги его сами подошли и наступили на него. Наступил Богач — и прилип, не оторвать ему ног от бамбукового ствола!

Закричал Богач изо всех сил, аж лицо покраснело. Кричит, кричит, а отлипнуть не может. На помощь ему подоспел жених — тот самый, из соседней деревни. Тогда Юноша снова сложил руки и тихонько сказал два раза:

— Сомкнитесь! Сомкнитесь!

Глядь — и жених прилип к бамбуковой палке! Закричал громче Богача! Все вокруг испугались, разбежались кто куда. Никому не хотелось прилипнуть к бамбуку.

Тогда Богач взмолился о пощаде, заговорил жалобным голосом:

— Отпусти меня, Юноша, ведь сегодня день твоей свадьбы, не завтра, не послезавтра. Сегодня! Отпусти меня.

Юноша снова сложил руки перед собой и произнес четыре раза:

— Разъединитесь!

Отлипли Богач и жених от заколдованного бамбука. Убежал неудавшийся жених со своей семьей прочь, не оборачиваясь.

А свадьба и впрямь стала свадьбой Юноши!

КАК ВАН НА ДОЧКЕ ИМПЕРАТОРА ЖЕНИЛСЯ

Давным-давно жил-был мальчик по имени Ван. Когда ему исполнилось восемь лет, отец его умер, и семья осталась без кормильца. Ван вместе с матерью брались за любую работу, которую могли найти. Трудились бедняки день и ночь, но им едва хватало на пропитание. Шел ли дождь, светило ли солнце — они тяжело работали. Часто вместо еды мальчик пил воду, стараясь оставить побольше пищи матери. Мать его очень жалела.

Время летит быстро — вскоре Ван вырос, а мать его постарела. Работал теперь Ван один, а мать ждала сына дома. Все так же брался он за любую работу и был добр к соседям. Голодный ли, уставший — всегда помогал Ван тем, кто обращался к нему с просьбой. За это все в округе очень его любили.

Молва людская, что волна морская. Вскоре и до императора дошли слухи о славном парне по имени Ван. Тотчас послал император за ним солдат: привести Вана, чтобы он починил крышу дворца. Прибыл Ван во дворец и, не теряя времени даром, полез на крышу. Когда он покончил с работой и спустился, то увидел у дворца девушку, работающую за ткацким станком. Захотелось ему взглянуть на лицо этой девушки. Притворился Ван, будто закашлялся, но девушка лишь слегка повернула голову в его сторону и продолжила свою кропотливую работу. Не удалось парню увидеть ее лица. Тогда Ван придумал другую уловку: порезал себе палец так, что капли крови брызнули на ткань, которую девушка уже соткала. Однако и это было напрасно! Девушка по-прежнему сидела за своей работой с невозмутимым видом, и только слышно было, как ходит туда-сюда деревянный челнок. Снова неудача! Это еще больше распалило юношу, и он осмелился обратиться к девушке с такими словами:

— Девушка, принеси мне тряпку, чтобы перевязать руку, а то кровь идет, поранился я.

Встала девушка, отыскала тряпицу и подала ее юноше, но так и не подняла головы. И в этот раз не удалось парню как следует рассмотреть ее.

— Девушка, кровь-то все идет, нужна еще одна тряпка!

Девушка передала юноше еще один кусок полотна и теперь уже подняла голову, так что парень наконец смог полюбоваться ее прекрасным лицом. В тот же вечер вернулся Ван домой и говорит матери:

— Матушка, крыл я сегодня крышу во дворце у императора и увидел его дочь. Так она хороша собою — слов нет! Ты пойди к императору и скажи, что я хочу на ней жениться.

Услыхала эти слова мать и сильно удивилась. Но делать нечего, пожалела она сына и пошла к императору. А сама думает: «Мой сын бедняк, да как же император выдаст за него свою дочь?»

Пришла она во дворец, обратилась к государю с просьбой, но не успела договорить, как император рассердился и стал кричать:

— Как ты, бедная женщина, осмелилась прийти ко мне во дворец с таким предложением? Как ты смеешь сватать за своего сына-голодранца мою дочь? Стража! Схватить ее и отвести в молотильню! Тяжелая работа приведет ее в чувство.

Взмолилась о пощаде старая женщина, и государь, смилостивившись, согласился отпустить ее.

Когда мать ушла во дворец хлопотать за него, Ван не находил себе места, все в груди у него полыхало. Только успокоилось сердце — начала жечь ранка на пальце. Но тут и мать наконец вернулась. Увидел ее парень и стал расспрашивать:

— Матушка, матушка, согласился ли император?

— Да какое там! Я еще говорить не кончила, а он уж приказал схватить меня и отвести в молотильню. Да еще и обругал! Если ты твердо решил жениться, то иди сам проси руки государевой дочки.

Прошло несколько дней, снова пришел Ван к матери и попросил ее пойти к императору. Опять пожалела мать сына.

В этот раз не стал государь ругать старую женщину, а сказал так:

— Если хочешь, чтобы стала моя дочь женою твоего сына, то передай ему: пусть найдет он для меня глиняный кувшин собачьих блох и кувшин куриных зародышей¹, найдет и принесет сюда, тогда и выдам за него свою дочь.

Мать вернулась домой и передала Вану слова императора. Бросился Ван на поиски, да где найдешь целый кувшин собачьих блох и кувшин куриных зародышей! Расстроился парень, сел у реки и расплакался: не видать ему императорской дочки! Вдруг рядом с ним откуда ни возьмись появился седовласый Старец и спросил:

¹ Во Вьетнаме, как и в других странах Юго-Восточной Азии, куриные, утиные и гусиные зародыши считаются деликатесом. Насиженные яйца домашней птицы отваривают и подают с различными специями, соусами и закусками. В пищу также употребляют готовых вот-вот вылупиться птенцов.

— Отчего ты, парень, так горько плачешь? Что с тобою приключилось? Стал ему сетовать Ван:

— Пошла моя мать к императору, стала сватать его дочь мне в жены. Государь же на это сказал, что даст свое согласие, если только принесу ему глиняный кувшин собачьих блох да кувшин куриных зародышей. Я всюду искал, да ничего не нашел.

Тогда Старец ему отвечал:

— Не беспокойся, ступай домой и посади кусты черного кунжута и таро² у себя в саду, так много, сколько сможешь. Когда семена кунжута созреют, а клубни таро нальются, собери их и брось в большие глиняные кувшины. В кувшин с кунжутом положи несколько блох, а в кувшин с клубнями таро — несколько куриных потрохов. Закрой кувшины, да поплотней, и через несколько дней отнеси императору.

Сказано — сделано. Через несколько месяцев созрели семена кунжута, а плоды таро налились и стали круглыми, большими. Все сделал Ван, как ему велел Старец. В скором времени получил свои подарки император. Подошел он к первому кувшину, открыл его, а там блохи так и кишат. Удивился государь, но остался доволен:

— Ого, сколько блох!

Затем подошел он ко второму кувшину, приоткрыл его и увидел, что он полон куриных зародышей. Достал один — попробовать:

— Диво как хорош! На вкус как клубни таро!

И тут угодил Ван государю.

— Значит, хочешь ты жениться на моей дочери? — обратился к юноше император. — Двух кувшинов недостаточно! Принеси-ка ты мне волшебного петуха да волшебную курицу!

Побрел Ван прочь, понутив голову. Делать нечего, надобно искать волшебного петуха и волшебную курицу, да где ж их взять? Шел он по дороге целых три дня, но так ничего и не нашел. Сел юноша на обочину и горько заплакал. Снова появился седовласый Старец и говорит:

— А теперь отчего ты так горько плачешь?

— Не видать мне счастья с императорской дочерью. Надобно мне теперь принести волшебного петушка да волшебную курочку, только тогда выдаст за меня государь свою дочь. Я уже три дня брожу, но никак не найду их, — сокрушался Ван.

— Вытри слезы! В том месте, где ты живешь, есть каменная пещера, в ней-то и прячутся волшебный петух с волшебною курицей. Каждый день точно в полдень выходят они из своего укрытия. Петух поет, а курица стоит подле него и слушает. В этот час никак нельзя их изловить. Когда петух второй раз запоет, курица подойдет к нему ближе, но ты и тогда не лови их. В третий же раз, когда петух снова запоет и курица подойдет к нему близко-близко, не мешкай — хватай их скорей. И будут тебе волшебный петух да волшебная курица для императора.

² Таро — многолетнее травянистое растение (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

На следующий день нашел Ван пещеру, про которую говорил Старец, спрятавшись в зарослях и стал дожидаться, когда появятся волшебные птицы. Ровно в полдень вышел из пещеры петушок, а за ним и курочка. Ван сидел не шелохнувшись, ждал, когда запоет петушок в третий раз. А как дождался, выскочил, схватил петушка и курочку за ноги и хотел уже бежать во дворец, но не тут-то было! Птицы захлопали крыльями, потащили Вана за собой в пещеру. Начался оползень, и вход стало засыпать камнями. Так и завалило руку Вана, застрял он, но птиц не отпустил — уж больно хотелось ему жениться на дочери императора.

Прошла целая ночь, не вернулся Ван домой — разволновалась мать, собрала соседей. Отправились они на поиски и нашли юношу у заваленного камнями входа в пещеру. Стали расспрашивать его, что случилось. Рассказал Ван все без утайки.

— Матушка, нашел я волшебного петушка да волшебную курочку для императора, схватил их, но руку мне придавило камнями. Помогите!

Мать жалела сына, но сильно рассердилась на него:

— Говорила я тебе, что ты из бедной семьи, не видать тебе дочери императора. Он тебе и в прошлый-то раз задал непосильную задачу: найти два больших кувшина с собачьими блохами и куриными зародышами. Теперь же потребовал волшебных птиц принести! Так и станет государь посылать тебя на верную погибель, пока не случится с тобою беда!

Закончив браниться, мать еще сильнее потянула за руку сына, но все без толку. Рассердилась она пуще прежнего да как ругнется! Услышал это вход в пещеру, рассмеялся, а камни от этого смеха сами собою и рассыпались. Так Ван высвободил свою руку и петушка с курочкой удержал.

Отправился Ван ко двору и так сказал государю:

— Император просил достать пару волшебных птиц — я выполнил поручение. Теперь император должен отпустить свою дочь жить со мной и моей матерью.

Отвечал ему государь:

— И впрямь, даров ты принес достаточно. Теперь, если хочешь, чтобы жена твоя жила вместе с тобою, надобно построить дом ей под стать. Живет неподалеку господин Тхатъ Лонг, его дом — самый большой и красивый во всей округе. Построй-ка и ты такой же, только тогда сможешь взять мою дочь в жены.

Снова вернулся Ван ни с чем. Поразмыслив, отправился он к Тхатъ Лонгу и принялся бродить вокруг его дома. Услышал Тхатъ Лонг, что кто-то ходит под окнами, выглянул наружу и крикнул:

— Кто там?

Ван ответил:

— Обещал мне император, что если построю такой же большой и красивый дом, как у тебя, отдаст он за меня свою дочь. Вот я и пришел поглядеть на твое хозяйство.

Сказал на это Тхатъ Лонг:

— Ежели император отдаст за тебя свою дочь, я уступлю тебе дом!

— Неужто?

— Зачем же я стану тебя обманывать? — ответил ему Тхатъ Лонг.

Тогда взял Ван гвоздь и вбил в опорный столб дома — в знак их договоренности, а после отправился во дворец к императору за своею невестой. Узнав об этом, все жители деревни пошли вместе с юношей. Радовался простой народ, бил в барабаны и шумно обсуждал, что Ван берет в жены самую дочь императора.

Забрал Ван свою невесту и вернулся в дом Тхатъ Лонга. Удивился без меры хозяин дома!

— Привел я невесту — дочь императора, пришло время тебе покинуть дом, как ты и обещал.

Рассердился Тхатъ Лонг, начал было бранить Вана:

— Это мой дом, как смеешь ты меня выгонять?

Тогда Ван ему сказал:

— На днях мы с тобой условились, что если возьму я в жены дочь императора, ты отдашь мне свой дом. Я вбил гвоздь в опорный столб, чтоб скрепить наш уговор. Давай так: если сможешь вытащить гвоздь из столба, то я уйду ни с чем, а ты останешься жить в своем доме. Если же не получится, то уйти придется тебе.

Изо всех сил пытался Тхатъ Лонг вытащить гвоздь из столба, да так у него ничего и не вышло. Делать нечего, пришлось ему уйти восвояси. Юноша ввел молодую жену в большой, красивый дом Тхатъ Лонга, обустроились они и сразу же отправились за матерью Вана. Когда дочь императора пришла в бедную хижину свекрови, та не поверила своим глазам и спросила:

— Кто ты и почему пришла за мной?

— Я жена Вана, мы пришли за вами, матушка, чтобы забрать в наш новый большой дом.

Лишь увидев своего сына рядом с дочерью императора, мать смогла поверить, что все это не грёза. Так переехали они в новый дом. Дочь императора оказалась умелой ткачихой, любила своего мужа и его мать.

Через год на страну напал враг, и Ван отправился на войну сражаться. Вражеская армия числом превосходила армию императора. Тогда Ван сговорился с солдатами смастерить из соломы чучела и расставить их вдоль дороги, чтобы обмануть противника. Сказано — сделано. Расставили вдоль дороги соломенных воинов, а позади них встали настоящие и давай шуметь. Подошел враг, видит огромную армию, а солдаты горячатся, так и рвутся в бой. Испугались недруги, обратились в бегство. Так и победили армию неприятеля — а все благодаря хитрости Вана. Узнал об этом император и обрадовался, что зять его такой талантливый, сумел изгнать врага из страны, стал ценить и любить его без меры. С тех пор простой народ зажил в мире и благоденствии.

А Ван вернулся к жене, и стали они жить долго и счастливо.

ДОЧЬ СЛОНА

Давным-давно в одной деревне жила молодая женщина. Она рано овдовела, но продолжала жить в доме мужа. Из года в год она тяжело трудилась.

Однажды отправилась эта женщина в лес собирать грибы. День был жаркий, и ей захотелось пить, тогда она взяла пальмовый лист и зачерпнула воду из лужицы — это был след слона. С того дня все в теле женщины странным образом переменялось: уши ее истончились, а волосы почти полностью выпали. Оказалось, что молодая вдова беременна. Увидев это, жители деревни стали насмехаться над ней и решили выслать несчастную подальше от деревни, чтобы она родила своего ребенка за пределами общины.

Живот у женщины рос с каждым днем все больше и больше. И хотя прошел всего месяц, она уже чувствовала, как ребенок шевелится. На второй месяц дитя уже сильно толкалось, а на третий женщина родила девочку. Едва она появилась на свет — мать даже не успела увидеть ее личико, — как из-за пальм вдруг высунулся огромный морщинистый хобот слона. Обхватил он девочку и утащил в лес.

Молодая женщина громко плакала, жалея ребенка и горюя о своей судьбе. Услышав ее плач, замолчали все птицы в лесу, поникли цветы, а воды в ручьях и реках остановили свой ход — до того тоскливым был этот горестный звук. Но делать нечего, утерла слезы бедная женщина и вернулась в деревню. Увидев, что она вернулась без ребенка, соседи принялись шептаться и судачить: мол, избавилась она от ребенка. С тех пор жизнь женщины стала еще невыносимей. Вскоре она умерла.

Быстро летело время, а девочка, украденная слонем, росла в любви и ласке. Отец-Слон баловал ее. Для девочки он сделал красивый домик в горах. Каждый день спускался он с гор, чтобы добыть для нее лучшую еду, отыскать

самые свежие фрукты. Старый Слон был царем джунглей и славился своей мудростью. Все его уважали и приносили ему много съестного.

Его воспитанница росла не по дням, а по часам. Первые шаги она сделала, держась за ногу Слона. Девочка превращалась в девушку красоты необыкновенной: круглое лицо ее напоминало луну, глаза были ясные, как вода в горной реке, а кожа белая, словно лепестки грейпфрута, улыбка же ее нежностью превосходила аромат цветка на заре. Все жители джунглей любили ее и называли дочерью царя Слона.

В деревушке, откуда была родом мать девочки, жил юноша — смекалистый охотник и умелый дровосек. Поговаривали, будто мог он за один раз срубить тридцать девять больших деревьев.

Однажды на охоте юноша случайно набрел на домик дочери Слона. Увидел юноша прекрасную девушку — и влюбился, днем и ночью стал о ней думать, но так и не осмеливался явиться к ней и признаться в своих чувствах. Когда в очередной раз влюбленный пришел к спрятанному в зеленых зарослях дому, он решился попросить воды, но, очарованный красотой девушки, не смог вымолвить ни слова. Девушка, покраснев, обо всем догадалась и сама подала ему воды.

Юноша знал о свирепом нраве Слона, но знал он и то, что с утра до вечера царь бродил по джунглям, собирая еду. Поэтому каждый раз влюбленный приходил ранним утром — взглянуть на девушку хоть одним глазком. И вот настал тот день, когда юноша отважился поговорить с прекрасной девушкой.

Девушка же видела, что юноша приходит каждый день, и догадывалась о его чувствах. Поэтому она сама отважно спросила его:

— Зачем ты каждое утро чуть свет приходишь сюда?

При звуке нежного голоса, похожего на пение птиц, лицо юноши еще больше налилось краской. Ответил юноша:

— Ты так прекрасна, я люблю тебя без меры. Я прихожу сюда каждый день, лишь бы увидеть тебя. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Дочь Слона застенчиво отказала юноше, однако в сердце ее уже зародилась любовь — ровно с того момента, как она подала ему воды. Каждый день ждала девушка встречи с юношей, когда царь Слон уходил, и каждый раз при мыслях о юноше сердце ее трепетало. Часто девушка ходила к источнику набрать воды и видела тень юноши, который прятался за камнями. Увидит тень, покраснеет — и стремглав убежит домой.

— Вижу я, что ты тверд в своем намерении, но, прежде чем мы поженимся, ты должен задобрить моего отца, — сказала однажды девушка юноше. — Мой отец больше всего любит слоновьи бананы. Ты набери бананов и принеси их, отцу это понравится. Но будь осторожен, отец мой вспыльчив! Собирая бананы, смотри, чтобы никаких муравьев на них не было, и ни в коем случае не приходи в дом с оружием. Если отец увидит муравья или ружье, то несдобровать тебе. Отец схватит тебя хоботом, бросит оземь, а потом унесет в далекие леса. Да и там он тебя не отпустит, а разорвет на кусочки.

— Завтра я приду просить твоей руки, — ответил юноша.

— Как войдешь, бананы положи перед отцом, а ружье спрячь в дупле дерева возле дома. Затем встань перед отцом на колени. И запомни: когда отец кивнет — садись, когда качнет головой — уходи.

Послушавшись совета девушки, юноша-охотник набрал самых крупных бананов и пошел свататься. Положил он на землю бананы, встал на колени, почтительно кланяясь отцу-Слону. Старый Слон кивнул головой и сказал юноше:

— В день, когда придешь взять в жены мою дочь, принеси девятнадцать связок бананов.

С того дня, готовясь к свадьбе дочери, Слон сам обошел множество деревень, собирая подарки, искал он одежду и драгоценные ларцы. Юноша тоже времени даром не терял. В назначенный день он принес целых двадцать связок бананов. Отец-Слон был очень доволен и кивнул головой в знак согласия на брак дочери.

Чтобы добраться до своего дома, юноше нужно было пройти сто лесов, сто дорог. Пожалев родную дочь и зятя, повелел им отец-Слон взять скарб и взобраться к нему на спину. Долго он шел, но наконец добрался до дома зятя.

С того дня, как девушка вошла в дом мужа, отец-Слон часто навещал ее.

Однажды, прежде чем вернуться к себе, царь джунглей обратился к молодым супругам:

— Стал я стар, не знаю, приду ли в следующий раз, увидимся ли мы еще когда-нибудь. Если через месяц я не приду к вам снова, то вы должны пойти ко мне в жилище, где я, верно, умру. Соберите мои кости и перенесите в свой дом, тогда у вас всегда будет достаток.

И действительно, вернувшись домой, Слон умер. Через месяц муж с женой пришли проводить отца и нашли его останки, собрали их и вернулись домой, а затем похоронили в саду.

Через некоторое время у них родилась девочка, как две капли воды похожая на мать. Однажды дочери Слона приснился отец. Он обратился к ней с такими словами:

— Я теперь не могу быть рядом и защитить тебя, а потому внимательно слушай мои наставления. Пойдешь ты с дочкой купаться на реку и увидишь много красных бутонов на воде. Не подплывай к ним и до них не дотрагивайся! То не цветы, а хохолки водяного дракона!

Утром следующего дня дочь Слона с дочкой отправилась на речку купаться. Девочка увидела покачивающиеся на волнах красные цветы кораллового дерева¹ и тотчас стала просить:

— Матушка, достань мне те цветочки!

Забыла женщина наставления отца-Слона. Хотела побаловать свою дочку, поплыла за цветами. Но как только она до них доплыла, ухватил ее водяной

¹ Коралловое дерево, или коготь тигра (*вьетн. cây vông*), — тропическая лиана из рода Эритрина с ярко-красными цветками (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

дракон и утащил под воду в свою нору, а сам принял ее образ и приплыл на берег к девочке с цветами в руках. Так вдвоем они и вернулись домой.

Все умел водяной дракон, одного только не мог — перенять привычки того, в кого превращался. Дракон оказался ленивым, ребенка не ласкал, к тому же за раз мог выпить девять чашек воды и ничего не ел. Юноша как увидел красные лепестки в руках у дочери — сразу понял, что не его любимая жена вернулась с реки. Конечно, сам водяной дракон скрывал правду с большой осторожностью, особенно тщательно прятал он свой большой огненно-красный рот. Все свои чары использовал дракон, чтобы сохранить внешность дочери Слона. Но сердце подсказывало юноше, что не любимая жена рядом с ним — чудовище в ее облике, а сама она уже умерла.

Каждый день, когда водяной дракон выходил во двор кормить птиц, притворившись дочерью Слона, курочки громко кудахтали да приговаривали:

*Кук-так, кук-так,
А хозяйка-то не та! А хозяйка-то не та!*

Садился водяной дракон за ткацкий станок, только за челнок возьмется, а тот сразу кричит на весь дом:

*Топ-кха, топ-кхап!
А хозяйка-то не та! А хозяйка-то не та!*

Шел водяной дракон рис рушить, только за пест возьмется, а тот как завопит:

*Фить-кхоонг-кхоанг!
Фить-кхоонг-кхоанг!
А хозяйка-то не та! А хозяйка-то не та!*

Шел водяной дракон на реку одежду мужа стирать, а голубка на берегу воркует:

*Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!
Сушишь, сушишь платье
Мужа моего,
Так суши на палке —
Не то порвешь его.
Не клади на берег платье
Мужа моего!*

Понимал водяной дракон, что все вещи и животные в доме ненавидят его, особенно голубка, которая все без устали курлыкала: «Не клади на берег платье мужа моего!»

Испугался тогда водяной дракон, что вернется душа дочери Слона в свое тело. Схватил он голубку и задушил ее, а чтобы скрыть следы, решил отнести птицу на кухню и зажарить.

Как-то раз пришел за огнем дядя мужа. Вошел он в кухню, присел у очага да помешивает себе угли. Смотрит: лежит большой уголек, что от птицы остался, и мерцает. Дядюшка подумал, что это настоящий уголек, зацепил его щипцами, положил в глиняный горшочек и пошел домой. Пришел, положил уголек в свой очаг, дует-дует на него, а тот все не разгорается, глядь — и во все потух. Рассердился дядюшка не на шутку, взял ковш воды и плеснул на этот уголек — а он возьми да и обернись дочерью Слона. Увидел дядюшка погибшую родственницу, обрадовался, обнял. Снова стала человеком дочь Слона. Очень она хотела вернуться домой, но опасалась, как бы водяной дракон не навредил ее мужу и дочери. Подумала она, подумала и решила остаться у дядюшки.

На следующий день пришла ее дочка к дядюшке и увидела, как мать латает одежду, подбежала к ней, крепко обняла и расплакалась. Дочь Слона покормила девочку и отправила обратно домой. Дома девочка сразу побежала к отцу и обо всем ему рассказала.

— Батюшка, видела я матушку в доме дядюшки!

Охотник на это только и ответил:

— Мать твоя уже давно умерла, ты не вспоминай о ней и не плачь.

Хотя отец и велел не думать о матери, девочка никак не могла забыть, что видела ее в доме дядюшки. Каждый день она горько тосковала по матери. Тогда охотник взял с собой дочку и отправился в дом к дядюшке, сказав водяному дракону, что идет пить чай. Войдя в дом, он сразу узнал свою жену. Бросился к ней охотник, обнял — так и просидели они много часов друг подле друга. Рассказал муж жене обо всем, что произошло в доме, пока хозяйничал в нем водяной дракон. Дослушав рассказ, дочь Слона стала еще сильнее любить и жалеть своих мужа и дочь, но сказала так:

— Вы сперва возвращайтесь домой одни, приготовьте еду и ведите себя как прежде. Вернуться с вами я сейчас не могу, боюсь, водяной дракон снова мне навредит.

Забрал охотник ребенка и вернулся домой, а водяной дракон так ничего и не заподозрил.

В ту ночь дочь Слона скверно спала. В полночь снова явился ей во сне отец и сказал:

— Послушай меня, дочка, если хочешь ты вернуться к своей семье, то пойди на мою могилу, выкопай мои кости, возьми из могилы золото, а как появится белый петух, ты и его прихвати с собой. Сделаешь, как я велел, и дела твои устроятся.

Женщина попросила дядюшку передать эти слова мужу. Услышав их, схватил охотник мотыгу и направился к могиле тестя. Только начал он копать землю, как на могиле появился белый петушок. Схватил его охотник и отнес домой, выпустил во двор. Водяной дракон в это время сидел в доме,

прял шелковые нити — и вдруг уронил катушку. Тогда белый петух схватил катушку и побежал с нею прочь. Бросился водяной дракон вдогонку. Примчались они на берег реки. Петушок отбежал немного в сторону и принялся клевать катушку. Стоило водяному дракону подойти поближе, как петух хватал катушку и снова отбегал — да все дальше, дальше... Никак не удавалось водяному дракону догнать белого петуха. Вдруг мощная струя воды, точно из хобота Слона, обрушилась на берег и унесла с собой и белого петушка, и водяного дракона, и катушку, оставив на земле лишь мелкую блестящую гальку.

Так отец-Слон спас свою дочь.
Вернулась она к мужу и дочери, и стали
они жить долго и счастливо.

ДВА ДЯДЮШКИ КУОЯ

Давным-давно жил на Небе дядюшка Куой — и на Земле тоже жил дядюшка Куой. Дядюшка Куой, чей дом стоял наверху, считал себя очень талантливым и относился к жителям Земли с большим презрением.

Однажды Куой с Неба услышал, что, оказывается, есть на Земле его тезка, поэтому твердо решил отправиться вниз и посмотреть, что же там за Куой живет. Срубил он бамбуковое коленце, посадил в него большую пчелу, закрыл пробкой и пошел испытывать другого Куоя. Как только оказался он на Земле, то увидел крестьянина, вспахивающего поле. Не стал Куой с ним здороваться, лишь надменно спросил:

— Эй, невежа, знаешь ли ты, что перед тобой стоит сам Куой с Небес?! Где здесь живет Куой с Земли, хочу встретиться с ним и проверить, насколько он талантлив!

В ответ крестьянин притворился глупым и лишь ткнул пальцем в бамбуковое коленце:

— А что это у тебя в руках?

Куой с Неба с хитрой ухмылкой ответил:

— Это бамбуковое коленце, а внутри сидит пчела. Наши небесные пчелы жалят очень больно!

В ответ крестьянин громко рассмеялся и сказал:

— Раз уж пчелы небожителей кусают так больно, где уж нам, людям с Земли, живыми остаться?

Задумался Куой с Небес, решил вынуть пробку и выпустить пчелу, посмотреть, что же из этого выйдет. Только открыл, выскочила пчела и сразу ужалила Куоя с Небес, все лицо у него раздулось. Бросился тогда Куой со всех ног обратно на Небо. Добежал до своего дома и думает: верно, тот

крестьянин и был Куой с Земли! Рассердился Куой с Небес и решил придумать, как проучить того, другого Куоя.

Как только зажил пчелиный укус, снова собрался Куой с Небес спуститься на Землю. Снова встретил он того крестьянина и снова надменно обратился к нему с тем же вопросом, что и раньше.

Крестьянин ему отвечал:

— Ты уж извини, я сейчас очень занят. Ты мне помоги сперва, а потом мы вместе пойдем ко мне домой и я отвечу на все твои вопросы.

Куой с Неба хотел было отказать, да не смог. Засучил он рукава и стал помогать. Когда начало смеркаться, крестьянин объявил, что можно возвращаться и отдохнуть. Так они и отправились вместе домой. Крестьянин впереди, а Куой с Неба — сзади. По дороге крестьянин взял свой *нон*¹, быстро накрыл им навозную кучу и как закричит:

— Помоги мне, да поскорее! Я, кажется, поймал огромного панголина²! Ты придержи *нон*, а я пока сбегая домой за сеткой. Вот уж вечером закатим пирушку!

Куой с Небес страшно устал, но и тут не сумел отказать. К тому же вкусно поесть он тоже любил. Встал он с *ноном* в руках, думая, что держит под ним огромного панголина.

Тем временем крестьянин загнал буйвола в стойло, досыта наелся и даже вздремнул немного.

А Куой с Неба так и стоял, придерживая *нон*. Крестьянин долго не возвращался, тогда Куой решил взглянуть, действительно ли панголин такой большой, как говорил его знакомец, поднял *нон* — а там только куча навоза! Рассердился Куой пуще прежнего, бросил *нон* на землю и вернулся к себе на Небо.

В третий раз спустился на Землю Куой с Неба и сразу пошел в дом к Куою с Земли, решил прямо ему сказать, что хочет с ним дружить. Куой с Земли, услышав это, очень обрадовался.

Однажды Куой с Земли притворился, что сильно расстроен. Тогда Куой с Неба спросил его, отчего тот выглядит таким опечаленным.

— Ничего от тебя не скроешь! Печалюсь я оттого, что не хватает нам, людям, земли и еды. Боюсь, не выдюжим.

Тогда Куой с Неба сказал:

— Пойдем со мной на Небо, земли наши плодородны и их много, можно жить, ни о чем не беспокоясь.

Куой с Земли быстро согласился.

На следующий день Куой с Неба пришел в дом к Куою с Земли, чтобы помочь собрать вещи. Только не застал он Куоя и стал расспрашивать его жену, где приятель.

¹ *Нон* (вьетн. nón) — конусообразная шляпа из пальмовых листьев; широко используется во Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии.

² Панголин, или ящер (вьетн. con tê tê, con trút), — млекопитающее, тело которого покрыто чешуей (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

— Муж ушел по делам. Скоро он вернется. У тебя доброе сердце, помоги мне, возьми этот сверток с собою на Небо. А мы с мужем придем после.

Взял Куой сверток — оказался сверток неподъемным! Но так хотелось Куою, чтобы его друг оказался с ним на Небе, что все-таки потащил эту поклажу наверх. Еле-еле поднялся он на Небо, совсем выбился из сил. Разобрало Куоя с Неба любопытство, решил он развернуть сверток и взглянуть, что же там такое тяжелое. Открыл сверток — а там Куой с Земли лежит и улыбается! Рассердился Куой с Неба, устыдился своей недогадливости.

— Ты вот что, — сказал ему Куой с Земли, — больше не приходи на Землю смотреть, насколько я талантлив. Теперь-то ты увидел, какой я ловкий, ведь я оказался в твоём доме, а ты и не догадался об этом.

Сказав это, Куой с Земли отправился назад возделывать поле. А Куой с Неба с тех пор больше не осмеливался спускаться на Землю. Однако лунными ночами можно увидеть, как Куой с Неба стоит и смотрит вниз, нахмурившись — словно бы немного обиженно.

КОММЕНТАРИИ И ПРИЛОЖЕНИЯ

«КАК ДРАКОН ВОДУ ПИЛ» (1)

Опубликовано в сборнике «*Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*» [68, 150–154].

В оригинале — «*Rồng hút nước*»; AaTh 460B («Путешествие в поисках удачи»).

В сказке разрабатывается распространенный в евразийской сказочной традиции сюжет о поисках счастья и ответах на вопросы (к Небу, мудрецу, святому и т.д.), благодаря которым герой обретает богатство, волшебный предмет и жену. Стандартные вопросы, ответы на которые должен получить герой, таковы: 1) почему дерево не цветет; во вьетнамском варианте — почему не цветут слива и персик; 2) когда дракон или рыба освободятся от чего-либо, что им докучает; 3) как сможет исцелиться от недуга юная девушка-красавица. Во вьетнамской версии сказки, как и в ряде китайских вариантов, вопрос водяного существа заключается в том, почему оно не может подняться на Небо (достичь мира небожителей). Ответ на него маловариативен: достижению этой цели мешают одна или две волшебных драгоценности. Примечательно, что в представленном варианте эпизод с рыбой завершается иначе. Извлечение волшебной жемчужины не помогает рыбе получить желаемое, причем это известно с самого начала. Из ответа Неба следует, что рыба, будучи животным, не может достичь просветления.

Данный сюжет известен в Японии, у ханьцев (провинции Чжэцзян, Гуандун), китайских хмонгов (*устар.* мяо), дунган [16, 225]. Устойчивость общей канвы повествования, мотивов и деталей говорит в пользу общего источника происхождения сказки (возможно, индийского), из которого она могла распространиться на территории Китая и затем попасть во Вьетнам [194, 184]. Интересна китайская сказка «Хуан Сяо», в числе прочих включающая и сюжет с получением ответов на три вопроса. Герой сказки, желая заполучить свадебные дары для успешного сватовства, отправляется к Старому Мудрецу и на пути встречает жителей селения, которые раз за разом строят стену, разрушающуюся по ночам, старика, чья дочь страдает немотой, и черепаху, желающую опуститься на дно. Выясняется, что под западным углом стены зарыты золотые кирпичи, у юной девы нужно вырвать три красных волоса, а из пасти черепахи следует достать жемчужину. Далее мотив волшебной жемчужины в сказке не разрабатывается [20, 15–20].

Как правило, сюжет завершается по схеме AaTh 461 (V) — «По пути домой герой дает ответы на вопросы и получает большое богатство», — однако вьетнамский вариант оканчивается иначе. По неосторожности жены жемчужина попадает в руки чужих людей, герой, пытаясь сохранить драгоценность, проглатывает ее и превращается в дракона, приносящего дождь. Концовка

сказки сближает повествование с этиологическим мифом, объясняющим происхождение такого природного явления, как водяной смерч (*вьетн.* *vòi rồng*, букв. «драконий хобот»). В китайском языке слово «смерч» также имеет связь с драконом и состоит из двух иероглифов (龍 и 卷 — «дракон» и «сверток»). По сути сказка «Как дракон воду пил» представляет собой компиляцию двух полноценных сказочных сюжетов, хорошо известных в Азии.

Сюжет о проглоченной волшебной жемчужине, которая обладает свойством преумножать все, к чему прикасается, широко распространен у ханьцев. Один из его популярных вариантов, известный в Китае под названием «О том, как Ча превратился в дракона», повествует о пастухе, который богатеет с помощью волшебной драгоценности, однако очень быстро поддается злобе и скаредности, не желая ни с кем делиться нажитым. Случайно (или желая сохранить жемчужину при себе) он проглатывает ее и превращается в страшного дракона в наказание за свою жадность [40, 218–220].

В китайской сказке «Ваньянтань» жемчужину герою дарит золотая рыба, после чего он проглатывает волшебный предмет и тут же превращается в дракона [18, 175–179]. Б.Л. Рифтин отмечает, что связь дракона и жемчужины в китайских сказках и преданиях может быть одним из реликтов драконовой природы мудрого правителя Шуня, чей образ связан с тотемным предком — драконом [152, 156–157]. Это предположение, на наш взгляд, справедливо и в отношении Юя. В китайских памятниках начала нашей эры мать рождает Юя от проглоченной ею в Каменной впадине Шияо [123, 678] чудесной жемчужины.

Волшебная жемчужина как символ благоденствия, долголетия и богатства — чрезвычайно распространенный мотив традиционных китайских и вьетнамских композиций, изображающих священных животных. Чаще всего жемчужина помещается рядом с драконом, двумя «играющими драконами», драконом и фениксом. Последняя из названных композиций имеет космологическую семантику. Дракон и феникс, которые, как правило, изображаются стремящимися навстречу друг другу, олицетворяют взаимодействие Ян и Инь соответственно. Жемчужина (или просто шар с благопожелательными узорами) располагается между фигурами и может быть истолкована как символ баланса энергий, который не должен быть нарушен [108, 393–394]. Образ пылающей жемчужины (*хо чжу*), которой играет дракон *лун*, возник в китайском орнаментальном искусстве очень рано, еще в V–III столетиях до н.э. как графическое изображение грома или шаровой молнии, на что указывают языки пламени. Подобные изображения иллюстрируют неразрывную связь дракона с водной стихией [94, 196].

Представления о чудесной жемчужине как о могущественном волшебном предмете распространены и во Вьетнаме. Так, в одном из вьетнамских преданий рассказывается о волшебном жемчуге, исполняющем любые желания хозяина, он мог даже оживить мертвых. Волшебный жемчуг был зарыт у подножия горы под большим камнем, по форме напоминающим жабу. Когда жемчуг выкапывали, восточная сторона неба озарялась ярко-голубым светом [34, 40–54].

«ТРИ ЛИСЫ-ОБОРОТНЯ» (2)

Опубликовано в сборнике «100 truyện cổ tích Việt Nam. Cây tre trăm đốt» [69, 100–105].

В оригинале — «Ba con quỷ cáo», а также «Anh học trò và ba con quỷ» («Школяр и три лисы-оборотня»).

Центральный сюжет данного рассказа можно определить как вариант AaTh 307 («Принцесса в саване»), главный мотив — ThMot E251.1.1 («Нечисть побеждена терпением и молитвой»). В сказках такого типа герой продолжает молиться (в нашем случае — читать конфуцианские книги), не обращая внимания на чертей (демонов, вампиров и т.д.), которые пытаются навредить ему. Основное различие заключается в том, что в данном варианте истории одержимая нечистью не поднимается из гроба; оборотни, укравшие ее душу, действуют автономно. Важную роль играет мотив ThMot E459.4 («Связанный и плененный дух»), так как одного только упорства и прилежных занятий недостаточно, чтобы победить оборотней. Для этой цели герой применяет особые предметы, а затем вступает с демонами в открытый бой и побеждает.

Ряд мотивов, деталей, а также характеристика персонажей сближают этот рассказ с позднесредневековыми китайскими новеллами о сверхъестественном, получившими популярность в период династии Цин (1644–1912) — во многом благодаря творчеству Пу Сунлина (1640–1715). Как и в историях, вошедших в сборник Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» [149], здесь элементы фантастики органично переплетаются с описаниями социальных реалий вьетнамской жизни (прохождение конкурсных экзаменов, вступление в должность). Взаимодействие героя с оборотнями описывается в несколько ироничной манере. Также обращает на себя внимание пикантная для средневекового читателя подробность — молодой конфуцианец остается наедине с дочкой богача во внутренних покоях и сам выводит девушку к домашним.

Молодой ученый (чаще студент) и лиса-оборотень чрезвычайно часто встречаются в китайских новеллах о нечисти, в которых задействованы сюжеты из классической литературы и элементы фольклора, причем нечисть в таких историях может как вредить герою, так и помогать ему в каких-либо делах.

В Китае лиса *хули-цзин* (кит. 狐狸精) выступает одним из главных героев в многочисленных сказках и легендах, древних рассказах, новеллах, городских повестях и даже в романе. Животное является носителем волшебной силы, предметом особого внимания людей. Три разные ипостаси одного существа, соответствующие различным этапам его восприятия в китайской традиции, — это белая лисица, фея-лиса и лиса-оборотень [77, 228, 234].

Образ лисы-оборотня, которая соблазняет молодых людей, досаждала людям проказами и питается их жизненной силой, как это часто описывается в китайских новеллах, по-видимому, не так распространен в собственно вьетнамской традиции. В народной культуре лиса обычно появляется в образе животного-трикстера, который вредит деревенским жителям вполне

обыденным образом — крадет уток, кур и т.д. Широко известен сюжет, разыгрываемый артистами театра кукол на воде, — «Ловля лисы, укравшей утку» (вьетн. «Đánh cáo bắt vịt»), где лиса выступает как ловкий вор домашней птицы и не более того [202, 152]. При этом дева-лиса в пьесе «Хо Нгуэт Ко принимает облик лисы» (вьетн. «Hồ Nguyệt Cô hóa cáo») вьетнамского театра *туонг* обнаруживает все характерные черты *хули-цзин* [197, 674–675], что не удивительно, поскольку *туонг* сформировался под сильным влиянием китайской оперы [203, 272].

Следует отметить, что мотив борьбы ученого человека с нечистой силой посредством чтения мудрых книг зафиксирован в китайской литературе уже в IV столетии в сборнике Гань Бао «Записки о поисках духов». Сюжет XVIII.439 повествует о начетчике, который, несмотря на предостережения, останавливается на почтовой станции, облюбованной нечистью. Всю ночь ученый муж прилежно читает книгу, пока духи переговариваются о нем. Начетчик не осмеливается сомкнуть глаз до утра и прекратить занятия, догадываясь, что в противном случае погибнет. Поутру начетчик просит людей со станции принести меч и убивает всех трех оборотней, которые терзали путников, — петуха, свинью и скорпиона [87, 263–265].

Известен и другой вариант представленного повествования, включающий сюжет о чудесном коне [64]. Умоляя о помиловании, лисы-оборотни дают молодому ученому по имени Лонг (вьетн. Long, «дракон») три волшебных предмета — солнце и луну, которые помещаются в кармане и способны ночь обратить в день, а также коня, который за один день пробегает тысячу миль (1 вьетнамская миля равна 444,44 м). Ученый успевает добраться в столицу к началу экзаменов и успешно выдерживает испытания. Соскучившись по жене, той же ночью Лонг садится на волшебного коня и навещает ее в родной провинции. Не желая будить отца и мать, ученый просит супругу не рассказывать о своем внезапном приезде. Под утро Лонг возвращается в столицу, а родители, услышавшие голоса молодых, начинают расспрашивать невестку; той приходится во всем сознаться. Свекровь не верит женщине и жестоко бранит ее за измену. Вскоре молодой ученый приезжает домой с вестью о том, что успешно выдержал столичные экзамены и вот-вот займет высокий пост. Родители Лонга видят волшебного коня и прощают невестку. Отец хочет испытать силу чудесного животного и совершает путешествие в Зядинь (совр. Хошимин). Затем с той же просьбой к Лонгу обращается и мать, но эта затея оборачивается бедой — женщина подходит к волшебному коню, будучи нечистой (во время менструации), и животное испускает дух. Молодой ученый приходит в отчаяние, поскольку без помощи коня не может к сроку прибыть в столицу на пир по случаю вступления в должность. Ему приходится скакать на обычных лошадях и освещать себе путь волшебным солнцем. Лонг прибывает в столицу, когда празднование уже окончено. Император прощает ему этот проступок, но в наказание назначает молодого человека уездным чиновником местности, которая имеет дурную славу из-за населяющих ее демонов. Лонг принимает назначение. Жители уезда по

традиции встречают нового чиновника щедрыми подарками, но Лонг не принимает их и велит слугам проследить за всеми дарителями до самых их домов. Слуги докладывают, что двое местных жителей, выйдя от чиновника, долго шли не останавливаясь, а затем вдруг исчезли у старого колодца. Лонг велит осушить колодец, но никому это не удастся. Однажды солдат, караулящий колодец, слышит разговор двух демонов, из которого узнаёт, что вычерпать всю воду может только дракон. Лонг понимает, что эта задача под силу только ему, сам берется за дело и преуспевает, однако на дне колодца ни он, ни солдаты никак не могут разглядеть демонов, поскольку те используют свои магические силы. Тогда Лонг достает волшебное солнце, чтобы осветить пещеру, но это не приносит никакой пользы. Лишь волшебная луна помогает разглядеть демонов, которые, как выясняется, издавна жили в этом колодце и вредили людям. Демоны просят у Лонга пощады и обещают больше не совершать дурных поступков; молодой чиновник велит солдатам выпроводить их за пределы уезда. С тех пор местные жители не ведают бед.

«ВОЛШЕБНЫЙ БАРАБАН» (3)

Опубликовано в сборнике *«Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc»* [68, 159–161].

В оригинале — «Cái trống thần».

Сказка повествует о находчивом юноше, побеждающем тигра обманом и силой волшебного предмета, и представляет собой переплетение ряда известных сюжетов — АаTh 1640 «Храбрый портняжка», АаTh 563 I «Волшебные дары», — а также включает эпизоды, сходные с таковыми из блока «Состязание человека и людоеда» (АаTh 1060–1114).

Младший брат не повинуется запрету старшего и взбирается на дерево, неуважительными действиями вызывает духа — хозяина барабана и в конце концов получает на время волшебный предмет как бы в награду за смелость. Примечательно, что здесь полностью отсутствует характерный для сказок такого типа мотив соперничества братьев, все они — положительные персонажи и не пытаются завладеть чудесным предметом. Сюжеты о состязании человека и животного-людоеда имеют немало местных вариаций в различных регионах Юго-Восточной Азии, которые не описаны в западных указателях сказочных сюжетов. В нашем случае герой пугает антагониста типичными для деревенского быта Вьетнама предметами — лемехом, серпом и стеблем ротанга. Схема, тем не менее, завершается не за счет смекалки героя, а посредством волшебного дара: юноша бьет в барабан, и тигр падает замертво. Сказка оканчивается этиологическим мотивом, объясняющим важность барабанов для вьетнамской обрядности.

Барабан во вьетнамской культуре издревле занимал особое место. Для лаквьетов — создателей Донгшонской цивилизации (VI в. до н.э. — II/I в. до н.э.) и предков вьетнамцев — бронзовый барабан являлся центральным культовым предметом, одной из главных функций которого, по-видимому,

была фиксация обряда через наносимые на диск и корпус изображения. Бронзовые барабаны — сравнительно крупные предметы; самый большой барабан из найденных на территории Вьетнама («Золотая звезда», *вьетн.* «Trống Sao Vàng») имеет высоту 85 см, диаметр верхней горизонтальной поверхности — 116,5 см, диаметр основания — 124 см [160, 66].

Основой духовной культуры лаквьетов был культ предков, обряды которого и обслуживались своеобразным донгшонским искусством. Российский востоковед Д.В. Деопик подчеркивает, что культовая жизнь донгшонцев требовала детальной передачи подробностей похоронного обряда, поскольку почитание духов предков предполагает особо внимательное и бережное обращение с останками покойного [92, 31]. Современные исследователи полагают, что бронзовые барабаны использовались как музыкальные инструменты во время празднеств и церемоний, а также молений о ниспослании дождя и урожая [160, 68].

Во II в. до н.э. в силу ряда внутренних и внешних причин Донгшонская цивилизация переживала упадок, однако еще во времена восстания сестер Чынг (40–43 гг.) бронзовые барабаны продолжали восприниматься как важнейший атрибут государственности и материальный символ духовных покровителей вьетской земли. Среди военных трофеев ханьского полководца Ма Юаня бронзовые барабаны представляли особую ценность [106, 388].

Несмотря на многовековую борьбу ханьцев с духовным и материальным наследием лаквьетов и собственно вьетнамцев во времена так называемой Северной зависимости (II в. до н.э. — X в.), бронзовые барабаны до сих пор почитаются вьетнамцами как один из главных символов традиционной культуры и национальной идентичности.

Бронзовые барабаны на протяжении многих веков не использовались в религиозных обрядах вьетнамцев, однако в ходе важнейших традиционных праздников, похоронных и свадебных обрядов широко задействованы деревянные барабаны среднего и маленького размера, гонги. Во Вьетнаме распространены двухмембранные барабаны в форме бочонка, на корпусе которых закрепляются ленты для ношения инструмента на шее, такие инструменты называют рисовыми барабанами — *чонг ком* (*вьетн.* trống cơm) [203, 269]. Они по своей конструкции идентичны традиционным китайским барабанам *яогу* (*кит.* 腰鼓). Наряду с барабанами *чонг ком* широко известны двухмембранные барабаны с коротким корпусом, сработанные из древесины хлебного дерева и шкуры буйвола, — *чонг бан* (*вьетн.* trống bân). На таких барабанах играют как при помощи деревянных палочек, так и руками. Согласно современным представлениям вьетнамцев, в нашей сказке речь идет как раз о таком (или сходном по конструкции) барабане, что хорошо видно на иллюстративном материале XX–XXI вв. [72].

Громкая игра на барабанах и гонгах — неотъемлемая часть похоронного обряда вьетнамцев. Так, игра на духовых и ударных инструментах сопровождает панихиду, когда гроб с телом покойного устанавливают дома, чтобы дальние родственники, друзья и соседи могли нанести визит соболезнования

с подношениями. Каждый раз, когда в дом усопшего входит новый человек, бьют в гонги и барабаны, играют на трубах, чтобы в округе знали, как много людей скорбит по покойному [208, 306]. На трубах и барабанах играют и во время похоронной процессии. Само словосочетание «труба и барабан» (вьетн. *kèn trống*) понимается как «похоронная музыка» [218, 309].

Барабанный бой — важная часть похоронной обрядности народа тхо, который наряду с вьетнамцами и народом мыонг относится к группе вьетских народов. Когда в общине тхо кто-то умирает, в дом покойного приглашают шамана с барабаном и флейтой. Шаман подает сигнал усопшему, что он мертв, после чего тело кладут в гроб и начинают бить в барабан и играть на флейте, созывая других членов общины — точно так же, как это заведено у вьетнамцев [109, 59].

Безусловно, обращает на себя внимание цветовая символика барабана, упоминаемого в сказке, а именно оппозиция красного и синего цвета. Нам не встречалось сведений о подобном цветовом противопоставлении в контексте культовых предметов вьетнамцев. Как и в китайской культуре, красный цвет вьетнамцы трактуют как благопожелательный, цвет жизни, здоровья, радости, свадебных обрядов. Что касается синего цвета, то он мало репрезентативен и не связывается со смертью и миром мертвых [108, 367].

В похоронной обрядности хоа (китайцев), проживающих на территории Вьетнама, используется белая налобная лента *hao ri*, на которой рисуют красный или синий круг. Белые ленты без круга положено носить дочерям и невесткам покойного, ленты с красным кругом надевают племянники, с синим — внуки. Как видно, здесь различие наблюдается по степени родства поминающих по отношению к усопшему, а не в противопоставлении живого и мертвого [225, 263].

По-видимому, сказка отражает важный аспект очень древних шаманских верований, касающийся представлений о мире живых и потустороннем мире в контексте цветовой символики. Такой цветовой дуализм свойствен некоторым народам Сибири, например нганасанам. Так, шаманская парка нганасанского шамана Тубяку Костеркина (Нгамтусуо) выкрашена в два цвета: левая сторона — в синий, правая — в красный. Данный костюм использовался шаманом для помощи роженице [221].

Примечательно, что барабан божества или духа в нашем повествовании подвешен на ветви баньяна. Баньяновое дерево упоминается во вьетнамских сказках и легендах в качестве священного дерева, места воскрешения и источника жизненной силы, исцеления (см., например, легенду «Куой в лунном дворце» из настоящей книги). Далеко не всегда эти мотивы напрямую связаны с буддийской традицией. Баньян фигурирует в сказках как своеобразный маркер места, населенного людьми, и места, где совершают поклонения. Баньяны часто высаживают на территории храмов. Баньяновое дерево, как правило, растет и в конце или начале деревни (см., например, сказку «Тяжба с баньяном») [41, 98–100]. Видимо, далеко не всегда в таких случаях человек выбирает место посадки дерева; напротив, поселение или кумирня возникают около почитаемого дерева, внушающего уважение одним своим

величественным видом (подробнее см. коммент. к легенде «Куой в лунном дворце» в настоящей книге).

«ДЕВА-КУЗНЕЧИК» (4)

Опубликовано в сборнике «*Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*» [68, 131–136].

В оригинале — «*Nàng để*».

Сказка представляет собой один из вариантов чрезвычайно распространенного повествования на сюжет о красавице-жене (как правило, имеющей сверхъестественное происхождение), AaTh 465. В нашем случае структура центрального сюжета сильно редуцирована, обращает на себя внимание отсутствие характерных для Восточной и Юго-Восточной Азии мотивов.

Чаще всего в сказках подобного типа юноша спасает (щадит) сына, дочь или же самого царя, за что и получает право на женитьбу или приглашение в подводное царство и волшебный предмет, с помощью которого добывает невесту¹. Как правило, речь идет именно о владыке подводного царства (царе-драконе) и его дочери, однако известны сказки, где герой женится на дочери китайского императора. Такой вариант сюжета существует, например, в кхмерском фольклоре — «Человек по прозвищу Лошадиные яблоки» [29, 39–43]. В данном варианте доброты юноши заключается в том, что он соглашается взять в жены девушку, явившуюся в облике низшего существа (ср. с русской сказкой «Царевна-лягушка»). Не вполне ясна связь кузнечика с водной стихией. В подавляющем большинстве сказок Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии дочь подводного царя предстает перед героем в облике рыбы или змеи, реже птицы, собаки [16, 183].

В сказке присутствует весьма распространенная в разрабатываемом сюжете деталь — постройка нового красивого дома, полного всякой утвари и богатств, самой дочерью дракона или же по ее приказанию. Обращают на себя внимание описания деталей быта и способов ведения хозяйства молодыми супругами, характерные для горных областей Вьетнама: они разводят коз, сажают кукурузу, мотыжат горное поле.

Новый виток повествованию дает мотив ThMot C31.12 «Неверный муж лишается чудесной жены». Появление гостыи-соблазнительницы носит здесь функцию испытания, которое герой не может выдержать.

Примечательно и то, что разлучница указывает герою на сверхъестественную природу его жены, упоминая о кровожадности водяного дракона. В представлении вьетнамцев водяные драконы действительно почитались как существа грозные, опасные и никогда не трактовались как однозначно положительные персонажи сказок и легенд, даже если оказывали людям милость. Отношение к подводным царям-драконам во многом сливалось с отношением

¹ См., например, чжуанскую сказку «Лао Сань и чиновник» [43, 416–423], у тибетцев — «Бедняк и дочь дракона» [48, 66–72], у тангутов — «Дочь водяного царя» [143, 149–152], у корейцев — «Сын тысяченожки» [88, 401–403].

к стихии, которой они управляли и законам которой подчинялись все процессы рисоводческой цивилизации: без разлива рек невозможно вырастить урожай, однако наводнения приносят смерть и разрушения; в прибрежных областях море кормит целые деревни, однако жестокие шторма губят рыбаков и уничтожают постройки. Кроме того, во Вьетнаме издревле существовали поверья о морских змеях-чудовищах, жадных до человеческого мяса. Стараясь уберечься от них, вьетнамцы, как считается, стали наносить на ноги татуировки в виде змееподобных существ, уповая на то, что подобное любит подобное [24, 77].

Хитростью и наветами женщина-разлучница добивается того, что герой прогоняет жену и тем самым лишается ее навеки. Жена, в свою очередь, упрекает неверного мужа в неблагодарности, напоминая, что именно через нее он получил богатое хозяйство. Возможно, здесь прослеживаются древние матрицентричные мотивы.

Примечательно, что в нашей сказке полностью отсутствует мотив подтверждения права на обладание волшебной женой (идентификация по В.Я. Проппу). Герою не предоставляется шанса исправить ошибку и вернуть супругу (или отстоять), пройдя цепь испытаний, подобных брачным, которые он не прошел до свадьбы (см., например, русскую сказку «Морской царь и Василиса Премудрая» [2, 219–226]). По сути, герой спускается в подводное царство лишь за тем, чтобы получить печальную весть, что его жена просватана на Небо. Отсутствует также мотив волшебного предмета, из которого выходит дочь подводного царя, как, например, в дунганской сказке «Два Ливана» [15, 108–111]. Обычно это предметы, полые внутри, — тыква горлянка, барабанчик, коробочка и т.п. [16, 176]. Такой предмет герой получает либо в награду за помощь подводному царю, либо после успешного прохождения испытаний.

Особого внимания заслуживает появление чудесного помощника, связанного с водной стихией, — лягушки. Культ лягушки — вызывательницы дождя известен у предков вьетнамцев с глубокой древности [92, 32]. Фигурки лягушек помещались на диски бронзовых барабанов культуры Донгшон (подробнее см. коммент. к сказке «Как дядюшка Жаб с Небом судился» из настоящей книги).

Примечательно, что в китайских сказках царь-дракон, как правило, живет на дне моря. Однако в первом зафиксированном сюжете о женитьбе на дочери водяного царя в новелле Ли Чаовэя упоминается царь-дракон озера Дунтин [165, 50]. В свою очередь, согласно самому знаменитому сборнику вьетнамских мифов и легенд «Дивные повествования земли Линьнам» Ву Куиня и Кьеу Фу (XV в.), дракон озера Дунтин приходится дедом (по матери) государю-дракону Лак Лонг Куану, первоначально вьетнамцев [24, 5].

В другой известной вьетнамской сказке, «Как рыбак женился на дочери водяного короля» [41, 61–65], данный сюжет разрабатывается по классической схеме. Дочь подводного царя в образе маленькой рыбки попадает в сети к юноше-рыбаку. Молодой рыбак щадит рыбку и держит ее в сосуде с водой

возле своего изголовья, кормит ее и разговаривает с ней (ср. мотив чудесного помощника — рыбки-бычка — во вьетнамской сказке «Там и Кам» из настоящей книги). По ночам юноше начинает казаться, что рыба превращается в девушку необычайной красоты. О чудесной рыбке узнают соседи и местный помещик, который пытается забрать ее силой. Дочери подводного царя удается ускользнуть в реку, она возвращается в подводный дворец, где рассерженный отец запирает ее во внутренних покоях под присмотром двух стражей — дракона и черепахи. Рыбак теряет покой, тоскуя по любимой, ищет ее, но безуспешно. Обманом девушке удается ускользнуть из дворца, она выходит на сушу и воссоединяется с рыбаком, которого успела полюбить. Спустя некоторое время за беглянкой является ее служанка, а затем и стражи отца, но рыбаку и его жене удается от них отбиться — не без помощи односельчан.

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕРЕПАШКА» (5)

Опубликовано в сборнике «*Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*» [68, 35–40].

В оригинале — «*Chàng rùa*». AaTh 425 (I, II), а также 430, 440.

Повествование представляет собой вариант чрезвычайно распространенного у разных народов Европы и Азии сюжета о сыне прежде бездетных родителей, который рождается в облике низкого (маленького, презируемого) существа. Чудесный ребенок умеет говорить на человеческом языке и выполнять тяжелую работу. Он выдерживает ряд испытаний и женится на дочери государя, местного помещика или богача. По ночам или при особых обстоятельствах (в нашем случае — на празднике весны) звериный персонаж сбрасывает шкуру (панцирь, кожу) и предстает перед женой в облике прекрасного юноши. Затем жена (реже ее родственница, соседка) уничтожает или портит его звериную «одежду», после чего он либо остается человеком, либо исчезает (БД Е11 «Сожженная шкура»).

Американский исследователь В. Эберхард приводит девять вариантов данного сюжета, записанных в Китае, в провинциях Чжэцзян, Цзянсу, а также Гуандун [194, 78]. Б.Л. Рифтин отмечает, что сказки со сходным содержанием известны не только в Юго-Восточном Китае, но и в Северо-Западном [16, 184]. В китайских вариантах, а также у народа ли² [9, 95–97] и у дунган [16, 184] чудесный ребенок является в образе лягушонка, у корейцев — в образе змея [56, 127–134]. В двух наиболее известных вьетнамских сказках на данный сюжет — этой и повествовании под названием «Волшебная черепаха» [40, 81–86] — сын у стариков рождается в облике черепахи. Во Вьетнаме черепаха почитается как одно из четырех священных животных (*вьетн. tứ linh / tứ thánh thú*) наряду с драконом, единорогом (цилинем) и фениксом. В легендах о строительстве крепости Колоа и битве Ан Зыонг-вюнга с китайским

² Ли (кит. 黎族) — китайское название тайязычных аборигенов острова Хайнань (КНР). Один из 56 официально признанных народов Китая. Язык ли относится к тай-кадайским языкам.

полководцем Чьеу Да (Чжао То) Золотая черепаха (вьетн. Kim Quy) выступает в роли волшебного помощника, обладающего огромной силой. Вначале она подсказывает государю Аулака, как победить духов и оборотней, каждую ночь разрушавших стены крепости, а затем дарит ему свой коготь, чтобы из него изготовили спусковой крючок для чудесного арбалета, одной стрелой разящего тысячи врагов [24, 15]. В легенде о Ле Лое Золотая черепаха, хранительница озера Хоанкьем, вручает будущему государю вьетов волшебный меч, с помощью которого ему удастся победить китайских захватчиков и освободить страну [24, 135–138]. Черепаха во Вьетнаме традиционно считается символом долголетия и мудрости, конфуцианского учения.

В нашем повествовании на первый план выходят размер, неповоротливость, неуклюжесть черепахи, а не философско-религиозные мотивы, связанные с ней; что еще важнее, черепаха, как и лягушка, и змея в других азиатских сказках со сходным содержанием, связана с водной стихией. У европейских народов в качестве низкого существа выступают животные иного рода — осел, козел и т.п. (см., например, сказку «Ослик» из собрания братьев Гримм). Примечательно, что в нашем варианте повествования, как и в тибетском [9, 84–94], а также монгорском [167, 216–230], чудесный сын рождается из нарыва (БД F2 «Рождение из ноги»).

Есть основания полагать, что сказки данного типа, как и известнейший сюжетный цикл сказок народов Юго-Восточной Азии о младенце без рук и ног, похожем на камень, кокосовый орех, тыкву, мешок и т.п., восходят к тотемическим мифам о происхождении родов и племен [141, 148–153; 41, 7]. Как и в тямском предании о Кокосовом орехе, а также во вьетнамской сказке «Человек, круглый, как кокосовый орех» [34, 112–125] у вьетов, повествовании «Юноша Котелок» [41, 260–262] и «Юноша Тыква» [41, 201–205] у горцев вьетнамского юга, сказке «Парень-мешок» [41, 343–346] у тхаев и т.д., в нашем случае чудесный сын является в облике неприглядном и вызывающем насмешки, а затем проходит ряд сложных испытаний, превращается в красавца и женится на государевой дочке. Что примечательно, в сказках обоих этих циклов дети в образе низких животных или фитоморфных, териоморфных существ тесно связаны с водной стихией. В сказке «Царский зять Кокосовый Орех» [41, 138–155] мать Кокоса зачала волшебное дитя после того, как искупалась в озере, которое вскоре исчезло; во вьетнамском повествовании «Человек, круглый, как кокосовый орех» многие годы прожившая в бездетном браке женщина выпила воды из черепа, найденного в лесу. Как отмечает российский востоковед Б.Б. Парникель, тот факт, что кокосовый орех (а также камень, тыква) в таких сказках легко варьируется с вараном, змеем, обезьяной, наводит на мысль об общем семантическом ядре этих образов в представлениях о душе умершего предка (первопредка?), возвращающегося в виде существа, которое связано с водой и идеей плодородия [141, 151].

Любопытен эпизод с привязыванием небольшого предмета к спине или шее сына-зверя. В дунганской сказке «Лягушонок» герой предлагает схватить в лавку за мясом и просит завязать деньги в платок, а платок повесить

ему на шею [16, 186]. У монголов лягушонок просит привязать к его шее горшок с питьем для старика, который работает на поле [167, 222]. В нашем варианте черепашка просит привязать к его спине нож, чтобы работать на стройке государя вместо родителей.

Далее следует эпизод с успешным выполнением задания — в нашем случае черепашке необходимо построить дворец за один день. В награду сын-зверь требует выдать за него младшую дочь государя (ThMot T.121 «Неравный брак»). Нередко в сказках подобного типа сватовство героя происходит без дополнительных испытаний и препятствий (древнеиндийский вариант, немецкий, хмонгский, ли), однако в ряде описанных случаев ему приходится отстаивать свое право на невесту. В дунганской сказке, а также в тибетской и монгурской лягушонок демонстрирует свою силу, причем главным образом посредством управления водной стихией — насыляет ливень, наводнение и т.п. [16, 186]. Во вьетнамской сказке черепашке необходимо выполнить еще одно задание государя — принести небывалые свадебные дары. Любопытно, что государь велит выстелить путь от дома жениха до самого дворца богатой разноцветной тканью. Эта деталь — переосмысленный и ослабленный мотив строительства моста, который соединяет мир чудесного, мир небожителей и мир людей. Как отмечает Б.Л. Рифтин, мотив этот довольно древний; например, в сборнике «Мелкие рассказы» И Иня (рассказы *сяошо* I–VI вв.) содержится история о том, как император Цинь Шихуан встретился в море с царем драконов на небывалом мосту [16, 186]. Во вьетнамской сказке дается прямое указание на то, что черепашка явился с Неба, и для бракосочетания с дочерью земного правителя нужно соединить два противопоставляемых друг другу мира.

В сказке наблюдается немало деталей, характерных для описания быта жителей горных районов Вьетнама: заплечная корзина *куай тау*, весенние игры в горах и т.д. На наш взгляд, это может указывать на пути заимствования данного сюжета из Китая, а именно через посредство малых народов Вьетнама, прежде всего — хмонгов, населяющих горные провинции севера страны.

Концовка сказки близка варианту повествования народа ли «Как вождь племени ли превратился в лягушку» [9, 95–97]. Как и во вьетнамском варианте, звериная «оболочка» героя сохранилась, и государь примеряет ее, желая стать красавцем (в нашем случае — в шутку, будучи во хмелю). Лягушачья кожа прирастает к телу государя, и он превращается в лягушку.

«КАК ДЕВИЦА ПИТОНА В МУЖЬЯ ВЗЯЛА» (6)

Опубликовано в сборнике «100 truyện cổ tích Việt Nam» [65, 409–411].

В оригинале — «Cô gái lấy chồng rắn». AaTh 440, AaAn 440 «Царевич-змея». Ключевой мотив — ThMot S215.1 «Дева обещает выйти замуж за жениха-зверя».

В повествовании разрабатывается сюжет о браке со змеем, за которого ради спасения матери и старшей сестры вынуждена выйти замуж младшая дочь.

В сказке противопоставляется поведение дочерей-красавиц: старшей, из самолюбия и жалости к себе отказавшейся от брака с питоном и тем самым проявившей непочтительность по отношению к родителю, и младшей, которая по просьбе матери выходит замуж за лесного змея и через эту жертву исполняет дочерний долг. Младшей сестре воздается: вскоре она узнаёт, что питон способен сбрасывать змеиную кожу и превращаться в прекрасного и благородного юношу. Молодые обретают счастье в семейной жизни. Примечательно, что здесь не получает развития мотив уничтожения звериной шкуры, панциря или кожи, через которое жених-зверь освобождается от чар (в европейском фольклоре) или обретает возможность пожить в человеческом обличье, на время покинув мир небожителей, духов и т.п. (в сказках Восточной и Юго-Восточной Азии; см., например, сказку «Маленький Черепашка» из настоящей книги). Не названы также условия, при которых питон может обращаться в прекрасного юношу (время суток, отсутствие посторонних и т.д.), — очевидно, трансформация происходит по желанию чудесного супруга.

Далее повествование развивается по сюжету, во многом сходному с типом АаТн 48о, АаАн 48о *В «Падчерицу везут в лес; Морозко (кобылячья голова и проч.) награждает ее за кротость и вежливость, родная дочь (в нашем случае — старшая дочь) погибает». Счастье младшей сестры вызывает глубокую зависть старшей. Девушка отправляется в лес и находит себе мужа-питона, который ее проглатывает. Счастливая концовка сказки, по всей видимости, появилась сравнительно поздно. Мать и младшая сестра горюют по погибшей, и чудесный змей, жалея их, спасает старшую сестру, после чего нерадивая девица исправляется: живет по совести, почитает мать, не завидует. Наказание, содержащееся в сказке, понять нетрудно: неоднократно подчеркивается важность послушания по отношению к родителям, жизни без зависти и гордыни, что принципиально для вьетнамского общества с укоренившимися в нем конфуцианскими традициями.

Повествование имеет некоторые общие черты с вьетнамской сказкой «Волшебная Черепаха» [40, 81–86], где получает развитие тот же мотив брака с юношей в обличье низшего существа. У служанки, живущей у жестокого помещика, после того, как она проглотила золотую пуговицу, рождается сын, Черепаха, относящийся к матери с почтением и вниманием. Спустя время он сватается к дочерям помещика; младшая из них, Нам, и прежде хорошо относившаяся к несчастному неуклюжему Черепаху, соглашается. Старшие дочери издеваются над брачующимися во время свадебных торжеств. Вскоре Черепаха превращается в прекрасного юношу, и молодожены живут счастливой жизнью, что вызывает зависть сестер: они тоже берут в мужья черепах, но те оказываются обычными. Отец, боясь остаться без внуков, объявляет Нам единственной наследницей. Сестры начинают завидовать сильнее прежнего и убивают Черепаху, но Нам, преодолев огромные расстояния, находит средство, чтобы оживить его, вновь обретает счастье семейной жизни, а вероломных сестер испепеляет Солнце, спустившееся специально для этого ближе к Земле (так объясняется причина летнего солнцестояния).

Для китайских и вьетнамских сказок характерен образ змея — хранителя леса (питон, царь-змея, большой старый змей и т.п.), который, с одной стороны, связывается с очень древними представлениями о природной мощи, силах, враждебных человеку, — как, например, в китайской сказке-легенде «Царь-удав» [19, 279–293] и во вьетнамской сказке «Тхатъ Сань» [34, 28–39], а с другой — нередко сливается с образом чудесного супруга, как в нашем случае. Китайская сказка «Жених-змея» [19, 75–82] обнаруживает большое сходство сразу с двумя вьетнамскими повествованиями. У старика и старухи — семеро дочерей; у шестерых волосы длинные и красивые, а у седьмой — плешь. Старуха посылает старика в лес — во владения змея — и просит добыть для двух старших дочерей по золотому цветку, а для нее самой — простой белый. Старик берет топор Золотое лезвие и отправляется на поиски чудесных цветов. Когда приходит черед рубить белый цветок, старик роняет топор в нору змея. Старик последовательно предлагает взамен топора кошку, собаку, курицу, свинью с поросятами и, наконец, «хорошую девушку в жены». Змей требует скорее привести к нему невесту, и только младшая дочь из почтения к отцу соглашается на брак с чудовищем.

Во вьетнамской сказке «Как девица питона в мужья взяла» мотив нарушения границ лесного царства — вотчины змея — выражен не так ярко, но все же хорошо считается. Старуха-мать отправляется ловить рыбу в лесном ручье и вынуждена заплатить за щедрый улов выкуп — отдать либо свою жизнь, либо одну из дочерей. В китайской сказке, в отличие от нашего повествования, реализуется мотив подмены истинной жены ложной героиней. Из зависти одна из сестер отправляется навестить младшую в доме мужа, губит ее и переодевается в одежду убитой. Далее сюжет развивается по пути, весьма характерному для сказок типа AaTh 510 A «Золушка» в его дальневосточном изводе (см. сказку «Там и Кам» из настоящей книги).

Отметим, что в русскоязычных переводах чаще фигурирует удав, а не питон, что можно расценить как сознательную неточность в угоду благозвучию. Удавы — эндемики Центральной и Южной Америки, в то время как питоны широко распространены в тропических лесах Азии.

«ТАМ И КАМ» (7)

Опубликовано в сборнике «100 truyện cổ tích Việt Nam.

Cây tre trăm đốt» [69, 15–30].

В оригинале — «Tấm Cám». AaTh 510A «Золушка».

Данный сюжет чрезвычайно распространен у многих народов Европы и Азии. Варианты этого повествования, известные ханьцам, национальным меньшинствам Китая и ряду других азиатских народов, исследованы Тин Найтуном [200]. В его специальной монографии, посвященной сказкам типа «Золушка», подробно рассмотрены 8 китайских, 3 тибетских, 2 чжуанских, 3 хмонгских, 2 уйгурских, 1 корейский, 5 вьетнамских, 3 тямских варианта,

1 кхмерский и 1 вариант народа и³. Ранее российский ученый Е.М. Мелетинский сравнил китайские, японские, восточноевропейские и многие другие повествования на этот сюжет [120, 177–178, 207–208].

Самый ранний из известных сюжетов данного типа обнаружен в мини-энциклопедии китайского литератора эпохи династии Тан — Дуань Чэнши (IX в.) [78, 1131]. Важно отметить, что эту легенду пересказал Дуань Чэнши выходец с юга, слуга его семьи. В этом варианте повествования героиня носит имя Е-сянь (*кит.* 葉限). Девушка была дочерью племенного вождя и рано потеряла обоих родителей, после чего осталась на попечении мачехи, которая издевалась над ней и заставляла выполнять самую трудную работу. Е-сянь же была послушной и трудолюбивой. Единственным утешением девушки была рыба, которую она выпустила в пруд и подкармливала. Мачеха узнала о том, что Е-сянь бежит к пруду и проводит время с новым другом, убила рыбу и отдала на кухню. Узнав о гибели рыбы, бедная девушка стала горевать, после чего к ней с Неба снизошел дух и посоветовал закопать рыбы кости в комнате. По словам духа, даже после смерти рыба будет исполнять все просьбы Е-сянь. Так и вышло; через чудесного помощника девушка получала все, в чем нуждалась. Далее следует эпизод с празднеством, на которое отправилась мачеха, Е-сянь же было велено стеречь дом. Подождав немного, Е-сянь попросила у рыбы золотые туфельки и платье из перьев зимородка, но была узнана и бежала с праздника, потеряв одну туфельку. Чудесная туфелька попала к правителю соседнего государства, и тот велел вначале всем знатым дамам, а затем и простолюдинкам примерить ее. Туфелька была так мала и изящна, что никому не пришлось в пору. В конце концов очередь примерять туфельку дошла до Е-сянь, так и открылась ее история. Девушка поведала обо всем правителю, не утаив правду о том, что ей помогали рыбы кости. Владыка соседнего царства сделал Е-сянь своей главной женой, а рыбы кости забрал с собой. Через год волшебная сила костей иссякла, и владыка похоронил их на берегу моря. Однажды захоронение смысла волна [Там же].

Как видно, древний южнокитайский вариант азиатской «Золушки» чрезвычайно близок вьетнамской сказке. Как и в ряде индокитайских вариантов⁴, в сказке «Там и Кам» душа матери воплощена в теле водяного существа, а не коровы или буйволицы (которые, однако, также могут быть связаны с водной стихией), что характерно для китайских повествований. В нашем варианте связь чудесного помощника и матери героини специально не оговаривается,

³ И, тж. лоло (*кит.* 彝族; *вьетн.* Lô Lô), — один из 56 официально признанных народов Китая и 54 официально признанных народов Вьетнама. В Китае проживает главным образом в провинциях Юньнань, Сычуань и в Гуанси-Чжуанском автономном районе, во Вьетнаме — в провинциях Хазянг, Каобанг и Лаокай. Этнические группы, которые официально включены в состав народа и в Китае и народа лоло во Вьетнаме, говорят на родственных языках лоло-бирманской ветви тибето-бирманских языков.

⁴ См. тямскую сказку «Золотая туфелька» [41, 155–170], тайскую сказку «История Утары и двух жен богача» [32, 21–26], а также указание Н.И. Никулина на версии восьми народов Вьетнама [41, 369].

однако нередко на это прямо указывается — например, у хмонгов [59, 264–269]. Мотив поиска, собирания и захоронения костей чрезвычайно важен для сказок этого типа и связан с культом предков, в рамках которого забота об останках умершего возводится в ранг наиважнейших ритуальных действий. Видимо, обязательное упоминание кормления животного, в теле которого воплотилась мать, также происходит из архаичных представлений о пожертвовании еды почившим предкам.

Так же, как и в повествовании Дуань Чэнши, в нашем случае женщины отправляются на некое празднество в столицу, чтобы поучаствовать в гуляниях. В двух южнокитайских вариантах мачеха с дочерью отправляются смотреть театральное представление, в одном кантонском — на религиозное празднество [200, 11]. В дунганской сказке «Чжинхуа — Золотой цветок» мачеха и ее родная дочь едут смотреть спектакль. Возможно, для вариантов сказки, распространенных в Китае, в принципе характерно упоминание именно театрального представления.

За редким исключением потеря одной туфельки героиней — обязательный мотив сказок типа «Золушка». Вьетнамский вариант обращает на себя внимание тем, что это происходит в начале празднества, а не в конце. Спустя краткое время государь находит туфельку Там — по неясной причине слон императора отказывается идти дальше. Что весьма характерно для китайской и вьетнамской культуры восприятия телесной красоты, правитель восхищается миниатюрностью найденной туфельки. Обладательницу туфельки находят почти сразу, и героиня отправляется во дворец в качестве невесты государя.

Для европейских вариантов сказки разрешение мотива поиска истинной героини посредством примерки туфельки, свадьба Золушки и наказание мачехи и ее дочери есть завершение повествования, однако в Юго-Восточной Азии и у китайцев сюжет развивается далее по типу AaTh 403 IV + AaTh 408 IV, V, VI, VII. Мачеха обманом завлекает падчерицу к пруду и топит ее, а затем предлагает государю свою родную дочь в качестве замены. Нужно отметить, что утопление — самый распространенный способ умертвить истинную героиню, встречающийся и в соседних регионах. Душа истинной героини превращается в птицу (БД Е9Н «Волшебная жена — голубка»), что также весьма распространенный мотив сказок данного типа (ср. со сказкой «Жених-змея» [19, 80–81], а также с повествованием «Дочь слона» из настоящей книги). Обычно герой встречается с птицей у воды. Этот мотив в измененном виде прослеживается и здесь — птица Ванг Ань показывается дочери мачехи у озера, когда та стирает белье. Череда перевоплощений героини, оканчивающаяся перерождением в образе девы из плода хурмы (БД Е9 «Неведомая хозяйка»), встреча с государем, наказание ложной героини и мачехи вполне обычны для сказок этого сюжетного типа.

В сказке «Там и Кам» обращает на себя внимание нарушение традиционной оппозиции «злой старший родственник» — «обездоленный младший». Напротив, подчеркивается, что Там — старше и Кам обязана подчиняться

ей, но младшая сестра нарушает семейную иерархию. В другом вьетнамском варианте [34, 14] сестры — ровесницы, т.е. оппозиция вновь не соблюдается.

Тин Найтун, изучивший китайские и индокитайские сказки данного цикла, считает, что существует два типа сюжета внутри одной традиции. Первый предположительно возник в сельской местности средневекового Вьетнама между современными городами Ханоем и Хайфоном, а затем распространился на юге Китая (провинции Гуандун и Гуанси). Второй же возник сравнительно поздно, примерно 500–600 лет назад, в китайской провинции Гуандун [200, 32–33].

«КУОЙ В ЛУННОМ ДВОРЦЕ» (8)

Опубликовано в сборнике *«100 Truyện cổ tích Việt Nam.*

Cây tre trăm đốt» [69, 95–99].

В оригинале — «Sự tích chú Cuội cung trăng». Легенда также известна под названиями «Cây thuốc cải tử hoàn sinh hay sự tích thằng Cuội cung trăng» («Чудесное дерево, возвращающее к жизни, или Легенда о Куое в лунном дворце»), «Thằng Cuội cung trăng» («Куой в лунном дворце») и т.п.

БД А32G «Держался за куст. На лунном диске виден персонаж, который держался за дерево или куст и вместе с ними оказался на Луне».

Повествование о Куое, вознесшемся на Луну вместе с баньяновым деревом, широко известно во Вьетнаме. Легенда ассоциируется с Праздником середины осени (вьетн. Tết Trung Thu), который отмечают на 15-й день 8-го месяца по лунному календарю в Восточной и Юго-Восточной Азии практически повсеместно. Во Вьетнаме существует несколько аспектов содержания этого важнейшего календарного праздника. Наиболее древние его элементы связаны с обрядами вызывания дождя и культом дракона — покровителя водной стихии [101, 89–90]. Незадолго до праздника крестьяне пересаживают рисовую рассаду для урожая 10-го месяца на поля, для чего им необходима вода; в то же время излишки воды из-за тайфуна могут уничтожить посевы. Урожай 10-го месяца — основной в году, он позволял вьетам пережить прохладные и засушливые месяцы. Именно поэтому моления тотемному животному, во власти которого, согласно древним представлениям, находится водная стихия, считались наиболее важными.

Второй аспект Праздника середины осени — обряды поклонения Луне. Поскольку накануне праздника проводились главные сельскохозяйственные работы года, с обликом Луны и вообще погодными явлениями в полнолуние 8-го месяца связывалось множество примет. Вьеты верили, что если на Праздник середины осени Луна ясная, то урожай будет хорошим, если же цвет Луны зеленоватый или желтоватый, то грядет голод; дымка вокруг ночного светила предвещала засуху [101, 91]. Так, в представлениях вьетнамцев ожидание обильного урожая и благоденствия получило неразрывную связь

с главным осенним полнолунием. Считается, что на 15-й день 8-го лунного месяца лунный диск — самый большой, яркий и круглый в году. Восхваление красоты Луны, ритуальное любование ею нашло отражение в неизменных атрибутах Праздника середины осени — лунных пряниках, изображениях лунного диска на фонарях, которые по сей день вывешивают у домов и проносят по улицам во время праздничных шествий. Луна — символ женского начала, плодородия, деторождения. Праздник середины осени во Вьетнаме — это пора помолвок и свадеб, а кроме того — любимый вьетнамцами детский праздник. Это последнее его значение в современной городской среде стало превалирующим. Детям дарят подарки, новую одежду, сладости, деньги, игрушки из бумаги и теста. Ранее дети отмечали этот праздник отдельно от родителей; для них накрывали стол, на самое видное место помещали изображение ученого, лауреата конкурсных экзаменов *тьен ши* (вьетн. *tiến sĩ*), — очевидно, чтобы привлечь удачу в постижении наук и еще раз напомнить младшему поколению о важности учебы. Дети участвовали в праздничном шествии с фонарями, а также в конкурсах на самый красивый фонарик [101, 92]. Эта традиция сохранилась до сих пор. Кроме того, дети обязательно вспоминают легенду о Куое, рисуют его, готовят небольшие представления, учат стихи, посвященные этому персонажу.

Легенда о Куое, вознесшемся на Луну, и его жене, нарушившей запрет и оскорбившей чудесный баньян, обнаруживает немало сходных черт с китайским мифом о Чан-э, который является составной частью другого мифа — о стрелке И, ее супруге. Стрелок И — один из известнейших героев китайской мифологии, борец с чудовищами, умелый охотник, спаситель всего живого на Земле, сбивший из лука девять солнц, которые своим жаром угрожали спалить мир. Чан-э украла у И эликсир бессмертия, полученный им от богини Сиванму, и улетела на Луну, где теперь живет в тени коричневого дерева. Кроме того, существуют представления о лунном зайце, толкущем в ступе эликсир бессмертия, и лунной жабе, в которую, по ранним версиям мифа, превратилась сама Чан-э [182, 198–200].

У народа яо известен сходный с китайским миф о стрельбе охотника Яла в Луну и его жене Ниэ. Яла, желая уменьшить вредоносный жар Луны, по совету жены прикрепил к стреле сотканный ею кусок материи. На ткани Ниэ вышила себя, дом, коричневое дерево, белого зайца и белого барана (или овцу). Яла набросил материю на ночное светило, но Ниэ с Луны позвала земную Ниэ, и они слились в одно. Тогда женщина сбросила мужу на Землю свою косу, и тот поднялся к ней. С тех пор Ниэ тклет под деревом парчу, а Яла присматривает за животными [96, 75–76]. Этот миф обнаруживает большое сходство с китайским мифом о Ткачихе и Волопасе, что указывает на заимствование повествования у ханьцев (подробнее см. сказку «Жена-птица» из настоящей книги).

У нивхов, живущих в нижнем течении Амура и на Сахалине, а также у сибирских татар существуют представления о женщинах, которые были отправлены на Луну в наказание за свои дурные поступки [96, 76]. Во вьетнамской легенде на Луну поднялась не жена Куоя, а он сам, но именно она,

пусть и неумышленно, нарушила запрет и оскорбила баньян, что и стало причиной дальнейших событий.

Попытки выделить различные изображения (и объяснить их происхождение) на лунном диске характерны для абсолютного большинства народов мира. Интересно, что в Азии довольно широко распространено представление о растущем на Луне дереве. Так, кроме ханьцев и вьетнамцев, схожее поверье зафиксировано у некоторых тибето-бирманских народов, например у пуми. В мифе пуми злая колдунья съела мать девочек и приняла ее облик, а затем легла спать вместе с детьми. Когда чудовищная женщина начала есть младшую девочку, старшая убежала и спряталась под деревом (сафлор красивый), а затем стала умолять Луну забрать ее. Луна согласилась и унесла ребенка вместе с деревом [96, 76].

Неслучайно в легенде о Куое фигурирует именно баньян. Это могучее и величественное дерево в традиционной культуре Вьетнама почитается особо и считается священным, ассоциируется с долголетием и жизненной силой. У подножия баньянов и фикусов устанавливают кумирни и алтари различных духов и божеств [104, 404]. Баньяны растут на территории храмов, причем далеко не всегда их специально высаживают — порой, как и в случае с алтарями, напротив, святилище строят около старого дерева.

Баньян связан с популярнейшим героем вьетнамских легенд Тхань Зонгом. Тхань Зонг — великий богатырь на железном коне, патриот, прогнавший захватчиков с вьетских земель во времена правления легендарной династии Хунгвонгов, а впоследствии помогавший правителям Вьетнама в качестве духа-хранителя. После того, как предназначение Тхань Зонга было исполнено и повсюду воцарился мир, он отправился к горе Велинь, поднялся на вершину баньяна и взлетел в Небо. Это место стало известно как «дерево, возле которого была сброшена одежда» [104, 211]. Как отмечает российская исследовательница Е.Ю. Кнорозова, образ Тхань Зонга вследствие ассимиляции буддизмом вьетнамских народных верований сблизился с образом индийского бога Вайшраваны, покровителя северной стороны света [104, 223].

Еще одна легенда, связанная с баньяном и вознесением на Небо, рассказывает о так называемой варварской госпоже Ман-ньонг. По одной из версий легенд об этом духе, к которому обращались с просьбой о ниспослании дождя, Ман-ньонг, еще будучи земной девой, обладала многими талантами и увлекалась учением Будды. В течение семи дней она постигла все секреты буддийского учения и получила имя Небожительница А-ман. Однажды в некоем месте случилась буря, и старый баньян вырвало с корнем. Некоторое время он проплыл по воде, а затем сел на мель. А-ман вытащила на берег баньян и сказала, что это священное дерево, обладающее сверхъестественными свойствами, которое подарит благополучие окрестным жителям. Небожительница велела высечь из баньяна четыре статуи духов, вызывающих бурю. После того как статуи были изготовлены, А-ман улетела на Небо [104, 378]. Это предание обнаруживает большое сходство

с легендой об основании Пномпеня, согласно которому некая женщина по имени Пень увидела в водах реки проплывающее могучее дерево коки. Когда дерево выловили и очистили от сора, то обнаружили в дупле четыре бронзовые статуи Будды и одно каменное изваяние какого-то божества. Вскоре неподалеку от дома Пень соорудили гору и водрузили реликвии на ее вершине и у подножия, а через некоторое время на этом месте возник монастырь. Впоследствии местность вокруг монастыря стала называться Пхном Пень — Гора Пень [21, 204–205].

Листья баньяна — атрибут *кэй нэу* (вьетн. *cây nêu*), новогоднегo шеста. Во многих районах Вьетнама существовал обычай накануне Тета (Новый год по лунно-солнечному календарю у вьетнамцев) устанавливать перед домом бамбуковую жердь, которую украшали петушиными перьями, листьями, рыбками из красной бумаги, колокольчиками и медными пластинками. *Кэй нэу* — своего рода сигнал для духов предков, чтобы они пришли в мир живых и отметили праздник с семьей [104, 233]. По-видимому, *кэй нэу*, как и праздничные шесты других народов (например, майское дерево в Европе), имеет глубокие корни и отсылает к древнейшим представлениям о космическом древе, мировом столпе. В данном контексте использование листьев баньяна едва ли случайно. Даже в отрыве от буддийской традиции, в рамках которой это дерево почитается как священное и связывается с достижением просветления, освобождением от тягот бренного мира, баньян, несомненно, привлекал внимание вьетнамцев одним своим видом. Нередко просто старые большие, причудливые по форме деревья, независимо от видовой принадлежности, становятся местами поклонений (особенно это характерно, например, для Японии). Неудивительно, что для вьетнамцев такое могучее дерево-долгожитель, как баньян, стало средоточием сакральных представлений.

Во вьетнамских сказках и легендах баньяновое дерево нередко служит маркером чудесного, исключительного. Через баньян или около него герой получает помощь потусторонних сил. Например, известен сюжет о том, как Ле Лой, спасаясь от минских захватчиков, увидел у реки мертвую женщину в белых одеждах, оказал ей почтение и попытался похоронить, но не успел — ему пришлось поскорее укрыться от врагов в корнях баньяна. Когда солдаты стали искать у подножия дерева, из-под его корней вдруг выскочила белая лисица и побежала прочь, тем самым отвлекая преследователей. Когда Ле Лой стал императором, то пожаловал белому духу и баньяну высокие титулы [104, 124]. В одном из известных сказочных повествований на ветви баньяна подвешен красно-синий барабан духа, с помощью которого можно умерщвлять и оживлять людей и животных (см. сказку «Волшебный барабан» из настоящей книги).

Особо отметим, что не следует путать Куоя-трикстера, популярного персонажа вьетнамского фольклора (см., например, сказку «Обманщик Куой» из настоящей книги), и Куоя — дровосека из лунного дворца. Встреча двух Куоев — земного и лунного — обыгрывается в сказке «Два дядюшки Куоя» из настоящей книги.

«АИСТ, ПАВЛИН И ПОПУГАЙ» (9)

Опубликовано в сборнике «100 truyện cổ tích Việt Nam» [65, 354–356].

В оригинале — «Con cò, con công và con vẹt».

Сюжетная схема данного повествования не встречается в каталоге Аарне — Томпсона. Тем не менее указатель содержит описания ряда сюжетов о процессе обучения, который заканчивается неудачей. Хорошо известны сказки об овладении нехарактерным для какого-либо животного навыком — сюжет о том, как журавль учил лису летать (AaTh 225); как гусь учил лису плавать (AaTh 226) и т.п. Нередко человек в процессе мнимого обучения обманывает животных — например, в сказке о том, как медведь учится играть на скрипке (плотничать), а человек зажимает ему лапу в расщелине пня (AaTh 151).

Посредством этиологического мотива в повествовании объясняется, как павлин и попугай оказались при дворе, а аист остался неприрученным. Концовка сказки содержит дидактический вывод, через который превозносятся ум и свободолюбие, выраженные через образ водной птицы, что едва ли случайно. Священная мифическая птица *лак* (вьетн. chim Lạc), которую исследователи ассоциируют с цаплей и аистом, считается тотемом древних вьетов (лаквьетских племен); ее изображения можно увидеть на культовых предметах Донгшонской культуры — бронзовых барабанах.

Вполне привычным для сказок народов Юго-Восточной Азии является мотив обращения простолюдина (охотника, земледельца) к государю с тем, чтобы разрешить спор («Ссора из-за манго» [29, 262–263]), продемонстрировать свои таланты, получить одобрение или награду, как, например, в сказке «Как один ворон превратился в десять воронов» [29, 225–231], повествующей о крестьянине, который честно рассказывает королю о находке и получает половину богатства.

В целом птицы в пространстве фольклорных повествований народов Юго-Восточной Азии фигурируют довольно часто. Попугай имеет амплуа хитрого и несправедливого судьи, как, например, в кхмерской сказке о двух охотниках, которые пытаются добиться справедливого решения о том, кому принадлежит добыча («Два соседа» [29, 147–150]). Аист также встречается в сказках в качестве неразумного судьи (см., например, корейскую сказку «Как аист судил птиц» [51, 319]). Павлин в сказочных повествованиях обычно выступает символом королевского дворца (см., например, кхмерскую сказку «Женщины и павлин» [29, 185–186]). У мон-кхмерского народа ма, проживающего во Вьетнаме, существует сказка о лесном духе, который обернулся золотым павлином и расхаживал по лесу в окружении свиты из тысячи птиц, однако в конце концов оказался пойман птицеловом («Влюбчивый павлин» [41, 278–279]).

В рамках фольклора Восточной и Юго-Восточной Азии птицы встречаются как в бытовых, так и в волшебных сказках. В сказках о животных птицы действуют наравне с животными и насекомыми. Известны, например, сказка

седангов, повествующая о том, как петух сумел избежать смерти от коварной лисы («Лисица и дикий петух» [41, 184–185]); лаосская сказка «Как вороне не удалось кузнечика склевать» [44, 95–96]; кхмерская сказка «Гусеница и ворон» [29, 98–99] о смекалке кузнечика и гусеницы; монгольская сказка «Лиса, олень и ворон» [44, 96–97] о том, как ворон помог оленю освободиться из западни.

Повествования о птицах также нередко принимают форму анекдотов и поучительных историй. В кхмерской сказке «Про воробьев городских и воробьев полевых» [29, 113–114] птицы повздорили, не смогли договориться о том, как они смогут спастись в случае опасности, и потому погибли в сетях охотников; тайская сказка-анекдот «Болтливая птичка» [44, 36–37] повествует о том, как птичка старалась скрыть от других дерево со спелыми плодами и что из этого получилось.

Кроме представленного нами повествования на Дальнем Востоке встречаются и другие сказки с этиологическими мотивами, где птицы выступают в качестве ключевых персонажей. Примером может послужить дунганская сказка «Почему сороку называют щичё — птицей радости» [14, 240–241]. В ней говорится о том, как коршун сватался к вдове попугая, а сорока выступала в роли свахи; человек схватил коршуна, и свадьба не состоялась. Известна также филиппинская сказка «Цапля и буйвол» [44, 141–142], в которой повествуется о том, почему цапли сидят на спинах у буйволов.

Птицы также нередко выполняют функции дарителей волшебных предметов и других благ (вьетнамские сказки «Подарок воронов» [41, 84–88] и «Ворон на дереве» [41, 57–60]). В дунганской сказке «Птичка хуачёр» [14, 71–78] главный герой съедает сердце пестрой птицы и начинает богатеть, а затем подслушивает разговор трех голубей, которые делятся секретами ароматных яблок. В японской сказке «Журавлиные перья» [44, 125–130] журавль обернулся прекрасной девушкой и стал дочерью бездетных старика и старухи, принеся в дом достаток.

В культуре народов Восточной и Юго-Восточной Азии многих птиц использовали в развлекательных целях. В частности, одним из популярных развлечений были петушиные и перепелиные бои. Простолюдины нередко отлавливали и обучали клестов. Для приручения птиц маленькие бумажные сундучки наполняли разнообразными безделушками; птица подлетала к сундучку, открывала его, вытаскивала предметы и возвращалась к хозяину [158, 110]. Считается, что обычай держать дома птиц и наслаждаться их видом и пением пришел в Китай с маньчжурами⁵. В дальнейшем эта традиция была заимствована жителями Вьетнама. Распространенным занятием многих вьетнамцев вплоть до начала XX в. была ловля птиц с целью приручения. Птиц было принято выгуливать в клетке или на трости, привязав за лапку ниткой или цепочкой. Хозяева ежедневно выгуливали птиц у водоемов, собирались

⁵ Имеется в виду маньчжурская династия Цин, правившая в Китае с 1644 по 1911 г.

вместе у чайных — таким образом, птицы могли перенимать друг у друга манеру пения [158, 194].

Кроме того, в Юго-Восточной Азии издревле разводили голубей, употребляли их в пищу, а также использовали для почтового сообщения, закрепляя на хвостах птиц специальные свистки. Прирученные хищные птицы (соколы) использовались для охоты. Хищные птицы также встречаются в сказочных сюжетах — например, в кхмерской сказке «Как орел и крокодил поспорили из-за слоненка» [29, 276–278].

В прежние времена на Дальнем Востоке птичьи перья и пух активно использовались для изготовления головных уборов чиновников. В Китае и, вероятно, во Вьетнаме как государстве, воспринявшем конфуцианскую традицию, существовали лавки, где продавали перья для таких головных уборов. В зависимости от ранга чиновника на головной убор нашивали шелковые кисти разных цветов и шарики из драгоценных, полудрагоценных или поделочных камней. По случаю торжеств к головному убору прикрепляли перо павлина или фазана. В зависимости от ранга чиновника цвет пера и количество павлиньих глазков могли отличаться. Перья зимородка использовались для изготовления женских украшений [158, 172, 182]. Из птичьих перьев изготавливали дорогостоящие веера. Охотники украшали ружья перьями птиц на удачу.

«ХИТРОУМНЫЙ ЗАЯЦ» (10);
«ЗАЯЦ, КУРИЦА И ТИГР» (11)

В настоящей книге представлено две сказки, главным героем которых является заяц, — «Хитроумный заяц» и «Заяц, курица и тигр».

Сказка «Хитроумный заяц» опубликована в сборнике «100 truyện cổ tích Việt Nam hay nhất» [70, 559–660].

В оригинале — «Mười con thỏ». Повествование построено на основе сюжета АаАн 33 по классификации Аарне «Лиса в яме: притворяется мертвой, человек выбрасывает ее из ямы, она убегает» (ср.: заяц крадет батат, его хватает хозяин поля, заяц притворяется мертвым и сбегает).

Сказка «Заяц, курица и тигр» опубликована в сборнике «100 Truyện cổ tích Việt Nam. Cây tre trăm đốt» [69, 47–51].

В оригинале — «Thỏ, gà mái và hổ».

В основе повествования лежит ряд сюжетных эпизодов, большинство из которых совпадает с указанными в каталоге Аарне — Томпсона: 1) АаTh 8 «Медведь (волк) хочет покраситься (иногда под цвет птицы): лиса уговаривает его встать на стог сена и поджигает стог» (ср.: заяц просит тигра помочь донести сено, обвязывает его и поджигает, на шкуре тигра остаются полосы); 2) АаTh 70 «Кто трусливее зайца? Овцы (лягушки и проч.) боятся зайца; заяц смеется над ними так, что у него губа разрывается»; АаАн 70 (ср.: тигр разодрал в гневе мордочку зайцу); 3) АаАн 85 «Мышка, птичка и сосиска ведут сообща хозяйство: однажды меняются

обязанностями, и все делается плохо» (ср.: курица готовит обед — всем нравится, заяц приготовил обед — вышло худо).

Заяц — один из популярнейших персонажей сказок в мировом фольклоре (см., например, фольклор североамериканских индейцев — «Тсмихвены творцы» [25, 414–432], «Как кролик взял койота на испуг» [44, 538], народов Африки — «Хитрый заяц, звери и вода» [37, 196–200], «Слон, бегемот и заяц» [37, 200–202], корейцев — «Хитроумный заяц» [44, 99–101], народов Мьянмы — «Мудрого кролика насморк спас» [38, 247–248], кхмеров — «Приключения зайца» [29, 115–126] и т.д.).

В народных повествованиях Юго-Восточной Азии образ зайца, как правило, реализуется посредством двух основных стратегий поведения — стратегии трикстера и стратегии судьи. Заяц-трикстер — это хитроумный обманщик, который путем различных уловок спасается от гибели или получает желаемое. Чаще всего заяц одурачивает человека, крокодила или тигра — т.е. тех, кому в действительности значительно уступает в силе. Заяц — мудрый судья вводится в повествование, чтобы разрешить спор. В сказках с эпизодами суда он выступает в качестве благодетеля и советчика, восстанавливающего справедливость. Подобные «судебные» сюжеты распространены у кхмеров, проживающих в Южном Вьетнаме, Камбодже [51, 199–201], в Мьянме [38, 244–245] и у некоторых соседних народов. Во вьетнамских сказках заяц также может выступать в качестве второстепенного персонажа («обычного» зайца), не наделенного ни одной из вышеперечисленных характеристик.

Сказка «Хитроумный заяц» строится на основе двух сюжетов: 1) заяц дважды обманывает хозяина поля. Первый раз заяц притворяется мертвым, второй раз дает «коварный совет»⁶ рыбе и освобождается из ловушки; 2) заяц дважды обманывает крокодила («мнимая приманка»: перевезешь через реку — женишься на моей сестре; «коварный совет»: рычать нужно по-другому). Второй сюжет также встречается у горных кхмеров Вьетнама и в Камбодже (см. сказку «Как заяц на спине крокодила через реку переплыл» [60, 7–10]). В некоторых вариантах кхмерского повествования заяц предлагает крокодилу вылечить его кожу, пораженную проказой, в награду за переправу через реку, а также раскрывает обман крокодила, который хотел отомстить и притворился бревном, плывущим по течению. Примечательно, что во вьетнамских сказках также встречается сюжет-уловка «Излечение от проказы» (см. сказку «Обманщик Куой» из настоящей книги).

В сказке «Заяц, курица и тигр» заяц дважды избегает наказания за свои неблагоприятные поступки. В повествовании представлены два трюка — «мнимая услуга» (накормил голодного тигра собственными испражнениями) и «коварный совет» (предложил тигру заведомо опасную затею, обязал его сухой соломой и поджег ее). Тигр в сказочном альянсе с зайцем обычно глуп (см. сказку «Заяц и тигр» [41, 31–35]), в то время как в сюжетах, где

⁶ Формулы «коварный совет», «мнимая приманка», «мнимая услуга» [233, 145–160].

присутствует человеческий персонаж, тигр может быть воплощением темного предка (см. сказку «Злая мачеха» из настоящей книги).

Представленный сюжет является ярким примером этиологической сказки. Вьетнамский исследователь Нгуен Донг Ти отмечает, что подобный сюжет встречается у народов Северного и Центрального Вьетнама, а также у народа тхай [66, 26–27].

Предположительно «заячьи» сюжеты Юго-Восточной Азии восходят к буддийским джатакам [187, 45] (Sasa-Jātaka «О перевоплощении кроликом»)⁷ и сюжетам из Панчатантры (кн. 1 «Разъединение друзей», рассказ № 7⁸; кн. 3 «О воронах и совах», рассказы № 2⁹ и 3¹⁰), т.е. представляют собой модифицированные варианты индийских сюжетов.

«УМНАЯ ЖЕНА» (12)

Опубликовано в сборнике «*Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*» [68, 47–56].

В оригинале — «*Người vợ thông minh*».

Повествование представляет собой соединение ряда сюжетов, описанных в сказочном каталоге Аарне — Томпсона: АаTh 465, АаАн 465 «Красавица-жена. А. Пойди туда — не знаю куда: девушка-птица (лебедь, утка и т.д.) становится женой героя; царь из зависти, желая отнять жену, поручает мужу трудные задачи, между прочим — принести неведомо что; с помощью жены это удастся» (ср.: друг Синь спаивает Пао и загадывает загадки, чтобы отобрать его жену. Жена помогает Пао ответить на загадки); АаTh 613, АаАн 613 «Правда и Кривда: один человек выкалывает другому глаза; слепой подслушивает разговоры чертей (и т.п.), возвращает себе зрение и богатеет; другой также выкалывает себе глаза, черти его разрывают» (ср.: Синь обманывает Пао и выкалывает ему глаза, Пао подслушивает зверей и богатеет. Синь выкалывает себе глаза — звери его убивают); АаTh 812, АаАн 812 В* «Запро-данный спасается, ответив на вопросы чорта: “что есть один, два, три?” и т.д. (или за него отвечает ангел и т.п.)» (ср.: Синь спаивает Пао и загадывает загадки, чтобы забрать его жену. Жена помогает Пао ответить на загадки).

⁷ Бодхисаттва, перевоплотившийся в кролика (проявляет мудрость), учит заповедям своих друзей — обезьяну, дику собаку и выдру. Когда Индра приходит испытать друзей, животные отдают еду в качестве пожертвования, а кролик предлагает изжарить себя, тем самым демонстрируя истинную приверженность заповедям.

⁸ Гордый лев пожирал животных в лесу. Когда заяц пришел к льву, он сказал, что по дороге встретил истинного господина леса. Заяц отвел любопытного льва к колодезю, тот увидел отражение в нем и в ярости бросился вниз.

⁹ Когда случилась засуха, царь слонов, спускаясь к берегу Лунного озера, перетоптал множество зайцев, поселившихся там ранее. Зайцы решили отвести слона от этого озера. Заяц Виджайя («Победитель») сказал, что слон оскорбил Лунное озеро тем, что убил зайцев и вошел в воду, потревожив отражение Луны. Слон обещает больше не возвращаться на озеро.

¹⁰ Заяц Шигхрага («Быстроходный») поселился в дупле, где жила кукушка. Между ними возник спор, кому жить в дупле, и они обратились к отшельнику, чтобы тот их рассудил. Отшельник попросил их подойти поближе и съел обоих.

В китайском фольклоре хорошо известен сюжет, схожий с представленным (см. сказку «Длинный нос» [46, 175–183]): крестьянин отправляется вслед за птицей, чтобы вернуть украденный урожай гаоляна, ночью он становится свидетелем собрания животных (волка, тигра, медведя, обезьяны и птицы), которые достали волшебную яшмовую шкатулку из-под корней сосны. Утром, когда животные уходят, крестьянин забирает шкатулку, возвращает помещику долг и живет счастливо. Помещик, узнав эту историю от крестьянина, отправляется за шкатулкой, животные его обнаруживают и калечат (вытягивают ему нос).

В дунганском фольклоре также существует сюжет, структурно близкий данному повествованию (см. подробнее «Два брата» [14, 121–127]). Младший брат Идуань обманывает старшего брата Ичона. Старший случайно подслушивает разговор животных, которые рассказывают друг другу волшебные секреты. Старший воспользовался секретами животных и достиг успеха. Младший брат идет к животным за секретами — его съедают дикие звери.

Данные эпизоды с подслушиванием секрета, по-видимому, являются примером демифологизации мотива добывания знаний, имеющих отношение к космогонии или к обретению культурных ценностей. См.: БД С29 «Подслушанный секрет. Люди (Бог) узнают секрет, подслушав (подсмотрев), как некий персонаж разговаривает сам с собой или с родственниками (или исполняет действия, которые следует запомнить)».

Сказка «Умная жена» представляет собой два самостоятельных повествования. В первом из них ключевую роль играет мотив «Невыполнимая задача, чтобы избавиться от мужа». Приятель из зависти желает отнять чужую жену и задает вопросы-загадки. В качестве таких вопросов в юго-восточном фольклоре могут выступать трудные задачи, загадки-шутки, даже иносказательные речи. Загадки и хитроумные вопросы — широко распространенный элемент вьетнамских сказок (см. подробнее «Разговор хитрецов» [8, 90]; «Перехитрил» [8, 90–91]). Загадки играют важную роль в развитии сюжета и представляют собой своеобразную иллюстрацию духовной и материальной культуры народа. В частности, в представленном повествовании задействованы загадки-шутки, на которые невозможно дать правильный ответ, иллюстрирующие бытовые реалии народа хмонг: выращивание кукурузы, изготовление бочек и барабанов, помол бобовых с использованием жерновов, разведение крупного рогатого скота, использование бамбука для хозяйственных нужд.

Второй сюжет, очевидно, представляет собой волшебную сказку в бытовом обрамлении. Сирота Пао рано потерял родителей и очень скучает по ним. Его друг Синь хочет известить Пао и заполучить красавицу-жену. Пао «испытывает нехватку» и, как герой-искатель, отправляется ее восполнить, воспользовавшись злым советом Синя, т.е., как в типичной волшебной сказке, завязка сводится к тому, чтобы отправить героя из дома. Композиционно в сказке присутствуют два мира. Герой из мира людей попадает в мир животных, язык которых понятен человеку, в реальность, изобилующую волшебными местами (погреб, чудесные пещеры) и предметами (тыква горлянка). Тыква

горлянка — плод ползучей лианы, широко распространенной в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, — является важным элементом многих волшебных сказок региона. Полость внутри тыквы символизирует волшебный мир, а узкое горлышко — вход в этот мир. В фольклоре Восточной и Юго-Восточной Азии нередко встречаются сюжеты, в рамках которых тыква является вместилищем души, волшебного помощника или предмета (подробнее см. коммент. к сказке «Золотая пещера, серебряная пещера» из настоящей книги).

Животные в повествовании выступают в качестве «дарителей» секретов, которые впоследствии принесут счастье и богатство герою. Подслушав секреты животных, герой решает вполне традиционные для такого типа сюжетов задачи (находит тыкву горлянку и возвращает зрение; нанимается на работу к богачу и восстанавливает силы в волшебном погребе; находит глиняные кувшины с серебром и золотом и становится богатым; добывает воду для полива полей). В итоге герой возвращает себе жену, а жадного Синя, выколовшего себе глаза, разрывают дикие звери.

Представленная сказка принадлежит фольклору народа хмонг, однако вьетнамцы включают ее во вьетнамские сборники и зачастую не воспринимают как заимствованную. Известно, что во вьетнамских семьях сказку «Умная жена» рассказывают наряду с традиционными повествованиями киней (собственно вьетнамцев).

«ЗОЛОТАЯ ПЕЩЕРА, СЕРЕБРЯНАЯ ПЕЩЕРА» (13)

Опубликовано в сборнике «*Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*» [68, 57–62].

В оригинале — «*Hang vàng, hang bạc*».

В представленной сказке разрабатывается модификация хорошо известного в мировом фольклоре сюжета, указанного в каталоге Аарне — Томпсона под номером AaTh 676, — «Два брата и 40 разбойников (Али-Баба): бедняк видит, как разбойники входят внутрь горы; говорит, как и они: “Откройся” (“Сезам, откройся” и т.п.), берет из горы золото; богатый брат хочет сделать то же, убит разбойниками; разбойники пытаются найти ограбившего их бедняка, наконец проникают в его дом в бочках (будто бы с маслом), но девушка-служанка губит разбойников» (ср.: бедный брат подслушал, что стая обезьян несет тыквы в золотую или серебряную пещеру, проникает туда, берет золото. Злой брат пытается попасть в пещеры и погибает).

Повествование представляет собой волшебную сказку с элементами бытовой. Если в волшебной сказке зло обычно воплощено в образе таинственных сил и фантастических существ, то в данном случае оппозицию главному герою составляют домочадцы, подверженные традиционно осуждаемым порокам, — алчности, жестокости, неводержанности и т.п. В отличие от кроткого и трудолюбивого младшего брата, старший не обладает сыновней почтительностью и нарушает завет отца, что является одним из самых тяжких проступков в конфуцианском обществе.

На Дальнем Востоке широко известен сюжет о раненой ласточке и тыквах, который обнаруживает ряд мотивов, являющихся ключевыми для представленного повествования. В дунганской сказке «Ласточка» [14, 117–121] злой старший брат также выгоняет из дома младшего — бедного и добросердечного юношу. Тот уходит в другую деревню, где спасает ласточку и получает от нее три тыквенных семечка, из которых вырастают три огромные тыквы. Первая наполнена вкусной едой, вторая — разнообразной одеждой и тканями, третья — серебром и золотом. Младший брат получает богатство, а старший брат-богач и его жена — погибают. В корейской сказке братья Хын Бу и Нор Бу живут по соседству и мотив отправления младшего брата из дома не реализуется [195, 51–69].

Обработанный плод тыквы горлянки (*вьетн. bầu*) — значимый предмет в культуре народов Восточной и Юго-Восточной Азии. В пространстве фольклора тыква нередко выступает в качестве волшебного предмета. Например, в дунганских сказках «Красная тыква горлянка» [14, 47–53] и «Чжон Дачжэ бьет фазанов» [14, 41–47] герой получает в награду тыкву горлянку, в которой живут прекрасные девицы, а сама тыква может исполнять желания. В сказках тыква часто является вместилищем драгоценностей, чудесного помощника или даже души человека (также см. коммент. к сказке «Умная жена» из настоящей книги). Из тыквы рождается или выходит по ночам прекрасная девушка [101, 243]. В образе тыквы может явиться и юноша, который впоследствии превращается в красавца и женится на дочери старейшины. Так происходит, например, в сказке седангов «Юноша Тыква» [41, 201–205].

В бытовых сказках тыква порой выступает в качестве предмета спора. Например, известна кхмерская сказка под названием «Как старуха продавала тыкву» [29, 289–290], повествующая о том, как старуха успела продать еще не созревшую тыкву сразу нескольким людям; в результате разгорелся спор о том, кому принадлежит плод.

В странах Юго-Восточной Азии тыкву используют в пространстве обрядов и ритуалов. Так, например, на острове Бали во время храмового праздника Одолан пожилые женщины держат вырезанную из тыквы бутылку со святой водой [101, 369–374].

Благодаря многочисленным семечкам тыква, как и другие бахчевые, является символом плодородия у многих народов Юго-Восточной Азии. Благопожелательный образ растения прослеживается в изображении длинных стеблей с большим количеством маленьких плодов, что означает пожелание многочисленного потомства. Тыква является атрибутом Ли Тегуая (*кит. 李铁拐*), ученика Лао-цзы и самого древнего из восьми бессмертных даосского пантеона. В народе он известен как врач, который носит лекарственные снадобья в тыкве горлянке. У богини Чан-э, живущей на Луне, снадобье бессмертия также хранится в тыкве горлянке.

Некоторые привычные в быту вещи в традиционной культуре народов Востока сравнивали с тыквой горлянкой — например, китайскую игрушку «Кунчжу» (*кит. 空竹*) в Пекине называли «звучащей тыквой горлянкой» из-за внешней схожести с оной и пронзительного звука, который она издавала [158, 191].

Обезьяны в качестве главных и второстепенных героев часто встречаются в волшебных сказках Вьетнама и других стран региона. Нередко подчеркивается, что они живут стаями, образуя общины, подобные человеческим, или даже строят целые города или государства [44, 130–136]. Обезьяны непоседливы и доверчивы. Так, в индонезийской сказке «Кот и обезьянки» [44, 143–145] их одурачивает кот, который называет осиное гнездо гонгом дедушки, а красный перец — фруктами. В кхмерской сказке «Черепаша и обезьяна» обезьяны беспечно приглашают на свадьбу черепаху, которая не может забраться на дерево, где происходит торжество, и разбивается, упав с высоты [29, 96–97]. В случае опасности обезьяна способна проявить смекалку и одурачить обидчика, как в сказке седангов «Крокодил и обезьяна» [41, 181–182]. В этом повествовании крокодил пытается заполучить сердце обезьяны, поскольку этого хочет его беременная жена-крокодилиха. Обезьяна, оказавшись на спине крокодила, уже на середине озера убеждает своего противника, что оставила сердце на берегу, и таким образом спасает себе жизнь.

Во Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии обезьяны и по сей день представляют серьезную угрозу для урожая. Хитрость, ловкость и ум этих животных нашли отражение в фольклоре многих народов региона. Так, в кхмерской сказке «Как обезьяна украдала корону» [29, 320–324] озорная обезьяна крадет корону местного правителя, а тот, пытаясь найти вора, едва не казнит жреца, главного богача-помещика и рыбака. В волшебных сказках также встречается мотив превращения человека в обезьяну (см. сказку седангов «Девушка-обезьянка» [41, 187–192] и сказку хмонгов «Волшебная обезьяна» [41, 322–325]).

Образ обезьяны также может быть истолкован в качестве поэтического символа отшельнической жизни. Кроме того, в мифологическом пространстве народов Востока существует множество обезьян и обезьяноподобных существ. Самый известный из таких персонажей — Сунь Укун (*кит.* 孙悟空), вопрос о происхождении которого до сих пор остается открытым¹¹. Об обезьянах и обезьяноподобных существах (*синсин*, *фэйфэй*, *егоу* и др.), которые проживают в горах, лесах, могут контактировать с людьми, много сведений содержится в китайских книгах о фантастических животных «Шаньхай цзин» (*кит.* 山海经, «Каталог гор и морей»), «Бэньцао ганму» (*кит.* 本草纲目, «Компендиум лекарственных веществ») и др. [166, 53–70].

«ЗЛАЯ МАЧЕХА» (14)

Опубликовано в сборнике «*Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*» [68, 5–9].

В оригинале — «*Người dì ghẻ độc ác*».

В сказочном указателе Аарне — Томпсона обращают на себя внимание следующие сюжеты: АаTh 480, АаАн 480 *В «Падчерицу везут в лес; Морозко

¹¹ См. подробнее коммент. к сказке «Жена-птица» из настоящей книги.

(кобылячья голова и проч.) награждает ее за кротость и вежливость, родная дочь погибает» (ср.: отец отводит сына в лес. Тигр перевоплощается в старца, отводит мальчика в деревню. Родного сына мачехи тигр съедает, затем съедает и саму мачеху); АаTh 781, АаАн 781 «Детоубийца: царевна (мачеха, отец) убивает своего ребенка; юноша узнаёт язык птиц; птица поет: останки лежат под деревом и т.д.» (ср.: мать отводит в лес сына, его съедает тигр. Птица поет: твой сын мертв, иди хорони). БД Е9Н «Волшебная жена — голубка».

Сказки с подобным сюжетом широко распространены в мировом фольклоре. В кхмерской сказке «Две девочки» [29, 110–112] дети также проходят обряд инициации, связанный с местными тотемистическими представлениями: одна девочка бесстрашно чистит нарывы на шкуре тигра (почитаемого предка) и таким образом успешно справляется с испытанием, вторая же терпит неудачу и получает наказание. Испытание может быть инициировано отцом героя, как в представленном повествовании, матерью или мачехой, как, например, в дунганской сказке «Красная тыква горлянка» [14, 47–53]: мачеха ненавидит пасынка, пасынок спасает змея и получает за это награду; мачеха пытается ее отобрать и устраивает состязания; пасынок побеждает, мачеха с сыном погибают.

В представленной сказке легко проследить мотив инициации мальчиков, характерный для более архаичного этапа развития фольклора, нежели земледельческие сказки, составляющие большинство известных народных повествований Вьетнама. По достижении возраста, когда мальчик уже может охотиться самостоятельно (ср.: разбирается в следах тигра), его отлучают от дома и отправляют в «путешествие» к тотемному предку, который наделяет будущего полноправного члена общины необходимыми знаниями и умениями. В повествовании обращает на себя внимание универсальный для сказочных сюжетов повтор вопроса, который отец задает три раза: «Здесь будем охотиться?» Происходит сравнение следов тигра с привычными атрибутами бытовой жизни вьетнамцев — чашечкой (*вьетн. chén*) и пиалой (*вьетн. bát*). Элементы материальной культуры встречаются также при упоминании традиционного занятия — плетения веревки. По-видимому, из-за того, что мальчик претерпел зло от мачехи и как раз вошел в возраст, тигр принимает его еще до того, как подвергает испытанию на смелость посредством традиционного для таких сюжетов вопроса («Тебе страшно?»). Второе испытание связано уже с гораздо более поздними представлениями о нормах поведения, присущими средневековому конфуцианскому обществу (мальчик должен оказать почтение старшему, что он и делает). Тотемный предок также претерпевает трансформацию и теперь уже является в образе почтенного старца.

В отличие от сына отца, сын мачехи, возвращенный в холе и ласке, слишком надолго задерживается под материнской опекой и не приобретает необходимых для своего возраста навыков — неслучайно в лес его отводит не мужчина, а женщина; эпизод с различением тигриных следов также оказывается пропущен. По этой причине до собственно испытания на смелость дело не доходит, тигр сразу же съедает спящего юношу.

Мотив превращения тигра в человека (и наоборот) встречается во вьетнамских сказках довольно часто. У ряда народов Юго-Восточной Азии распространены поверья о людях-оборотнях, которые способны обращаться в грозного хищника [159, 99, 153]. В тигра может превратиться в наказание злой ученый-книжник. Тигр в роли тотемного предка не только обладает мудростью и умениями, которые передает взрослым членам коллектива, но и имеет право на брачные отношения с человеком (см. сказку «Волшебный барабан» из настоящей книги). Сниженный и практически полностью перемещенный в сферу бытийного образ тигра-людоеда характерен для более поздних повествований. В сказках о животных тигр нередко проигрывает в сообразительности более слабым персонажам (человек, заяц), как, например, в сказке «Заяц, курица и тигр» из настоящей книги.

В качестве награды за успешное прохождение испытания старец-тигр отводит мальчика в деревню, затерянную в горах. Подобный образ можно интерпретировать как место, сходное с описанным в знаменитой поэме-утопии «Персиковый источник» древнекитайского поэта Тао Юаньмина (365–427) [82, 225–227]. Сюжет поэмы таков: рыбак из местности Улин плывет по реке на лодке и попадает в неизвестные земли, где люди укрылись от страданий циньской эпохи¹² и упорным трудом создали обитель счастья и радости.

«ЖЕНА-ПТИЦА» (15)

Опубликовано в сборниках «100 Truyện cổ tích Việt Nam. Cây tre trăm đốt» [69, 9–14]; «100 truyện cổ tích Việt Nam hay nhất» [70, 422–426]; «100 truyện cổ tích Việt Nam» [65, 82–86]; «Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc» [68, 120–124].

В оригинале сказка имеет названия: «Â Chức chàng Ngưu» («Дева Ткачиха и юноша Волопас») [69, 9–14], «Ngưu Lang Chức Nữ» («Нгыу и Тьык») [65, 82–86] и «Vợ chim» («Жена-птица») [68, 120–124].

В указателе сказочных сюжетов Аарне — Томпсона можно найти сюжеты, условно связанные с перемещением главных героев: AaTh 314 IV. G550, AaAn *314 I «Бычок-спаситель: помогает брату с сестрой убежать от бабы-яги (от медведя и проч.)» (ср.: буйволица переносит юношу на Небо. Вороны спускают Волопаса на землю в мешке).

Сюжет этой сказки очевидно восходит к китайскому мифу «Ткачиха и Волопас» (кит. 牛郎織女). Во Вьетнаме это повествование известно под названиями «Ngưu Lang Chức Nữ» и «Ông Ngâu Bà Ngâu». В китайском оригинале Небесная ткачиха (Чжи-ньюй, кит. 織女, ассоциируемая со звездой Вега в созвездии Лиры), дочь или внучка Тянь-ди (кит. 天帝) — Небесного Владыки либо внучка Владычицы Ванму (Сиванму, кит. 西王母), в Небесном

¹² Империя Цинь (221 г. до н.э. — 206 г. до н.э.) — первая империя в истории Китая. Основатель империи Цинь Шихуанди (258 г. до н.э. — 210 г. до н.э.) вошел в историю не только как объединитель Китая и крупный реформатор, но и как жестокий император, при правлении которого проводились многочисленные репрессии.

дворце ткала из облаков шелковую небесную ткань, по другой версии — вместе с другими феями купалась в озере. Ткачиху увидел Волопас (Ню-лан, *кит.* 牛郎, ассоциируемый со звездой Альтаир в созвездии Орла) и спрятал одежду [183, 108–110]. Когда небожительница вышла из воды на берег, Волопас влюбился в деву и женился на ней. Небесный Владыка разгневался из-за того, что Ткачиха стала женой смертного, и разлучил влюбленных. (По другой версии Небесный Владыка разгневался, потому что она перестала ткать.) Волопас в шкуре быка пробрался на Небо. Тогда Небесный Владыка начертал на небосводе широкую полосу и навсегда разлучил влюбленных (в другом варианте Владычица Сиванму рукой или шпилькой для волос прочертила Млечный Путь). С тех пор Ткачиха и Волопас стали жить на разных берегах Небесной реки (Млечного Пути). Им было разрешено видеться только один раз в году — 7-го числа 7-й луны. В этот день, как считается, слетаются сороки и образуют мост через Небесную реку, на котором и встречаются Волопас и Ткачиха. Данный мифологический мотив встречается в фольклоре тайцев, корейцев, монголов. См.: БД В93А «Птичий мост над небесной рекой. Раз в год птицы составляют из своих тел мост через небесную реку. Обычно перья у них на голове в результате стираются».

Еще более ранний этиологический сюжет, пересекающийся с темой шелководства, повествует о девушке, которая не сдержала слова и не вышла замуж за коня. Желая помочь ей, отец убивает нежеланного зятя. В итоге шкура умерщвленного коня окутывает девушку и уносит ее в неизвестном направлении. Так появилась богиня шелководства, она обернута в конскую шкуру, а изо рта у нее всегда висит длинная шелковая нить [183, 105–111].

Вьетнамская традиция переработала мифологический сюжет в волшебную сказку. В настоящей книге представлен наиболее отличающийся от оригинала сюжет данного повествования. Помимо него во Вьетнаме известны и другие, близкие к исходному мифу, вариации.

Во вьетнамской фольклорной традиции Ткачиха (эквивалентное имя — Тъик, *вьетн.* Chúc) может быть представлена птицей или феей, при этом на ремесло ткачихи указывает лишь имя мифологической героини. Волопас (эквивалентное имя — Нгыу, *вьетн.* Ngừ) получает в награду ремесло пастуха от Небесного Владыки. Небесный Владыка также может упоминаться под именем Звезда (Шао, *вьетн.* Sao). Помимо попыток отравить жениха дочери, Небесный Владыка отправляет его к обезьянам за ритуальным барабаном, чтобы сгубить юношу (о функциях и символике барабана в культуре Вьетнама подробнее см. коммент. к сказке «Волшебный барабан»).

Как правило, во вьетнамских повествованиях на этот мифологический сюжет не упоминается разделение неба Млечным Путем. Видоизменена и переправа Волопаса: его с детьми тайно поднимают в мешке на Небо феи, а спускают обратно на Землю вороны (*вьетн.* Quạ). Феи, чтобы заставить юношу вернуть крылья, последовательно превращаются в курицу, буйволицу и гору. Тема превращения в случае опасности или смерти героя в целом

нередко встречается в сказках вьетнамцев и других народов Юго-Восточной Азии (см., например, бирманскую сказку «Дочь рыбака» [12, 12–24]).

В настоящее время 7-го числа 7-го месяца по лунному календарю в Китае, Вьетнаме, Корее и Японии влюбленные отмечают праздник Двойной Семерки, или Сорочий праздник (*вьетн.* Thất Tịch), связанный с упомянутой легендой. В этот день молятся о любви и благополучии; молодые девушки гадают. Вечером, любуясь небом, люди ищут глазами звезды Вегу и Альтаир, а также Млечный Путь. Считается, что если в этот день идет дождь, это означает, что небесные влюбленные оплакивают разлуку.

«КАК СИРОТА ДЕЛО РАЗРЕШИЛ» (16)

Опубликовано в сборниках «100 truyện cổ tích Việt Nam» [65, 412–414] и «Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc» [68, 286–288].

В оригинале — «Mồ Côi xử kiện».

В указателе сказочных сюжетов по системе Аарне — Томпсона встречается элемент сюжета, сходный с разрабатываемым в данном повествовании: АаТн 1560, АаАн 1560 «Мнимая еда — мнимая работа. Хозяин говорит за обедом: “Будем только делать вид, что едим”; работник в поле: “Будем только делать вид, что работаем”» (ср.: пожилой господин вдыхал ароматы еды, ему пришлось заплатить звоном монет).

Сюжет о мнимом долге в мировом фольклоре встречается довольно часто. Кхмерская сказка «Запах из кухни богача» [29, 274–275] во многом сходна с вьетнамской сказкой, помещенной в книгу. Широко известна история о Ходже Насреддине — «Ходжа Насреддин и хозяин харчевни» [229; 235], ставшая частью туркменской сказочной традиции под названием «Кто продает запах обеда, тот получает звон монет». Повествование о мнимом долге также может быть построено на идее о том, что за события, произошедшие во сне, требуется плата наяву.

Сказки о судах принадлежат к числу наиболее распространенных. Судебные элементы включаются в бытовые, волшебные сказки или сказки о животных (см., например, вьетнамскую сказку «Угорь и рыба Тяй» [44, 49–56]). В сюжетах с судебными казусами во Вьетнаме и в других странах региона в качестве судьи помимо человека (сироты, деревенского старосты, ученого-конфуцианца, чиновника, короля и проч.) может выступать маленькое животное, уступающее в силе людям и животным, которых судит (заяц, черепаха и проч.), как, например, в бирманской сказке «Мудрый кролик» [38, 244–245].

Поскольку вьетнамская сказочная традиция во многом сходна с китайской, стоит сказать несколько слов об известном судье средневекового Китая, образ которого стал весьма распространенным в рамках дальневосточного фольклора. В китайских сказках в качестве судьи нередко выступает Бао-гун (*кит.* 包公), или князь Бао, почитаемый как один из судей загробного

мира. В основу образа Бао-гуна легли черты реального исторического лица, а именно сановника Бао Чжэна (999–1062), который еще при жизни славился тем, что распутывал самые сложные тяжбы и был неподкупен. Имя Бао Чжэна вошло в легенды, он стал героем драм XIII–XIV вв. и романов («Трое храбрых, пятеро справедливых»). Со временем Бао-гун начал упоминаться и в народных повествованиях (см., например, сказку «Как пытали каменную плиту» [44, 124–125]).

В сказках о судебных тяжбах присутствуют по меньшей мере три действующих лица: истец, ответчик и судья, нередко вводится в повествование и четвертый персонаж — «ложный» судья. Структурно такие повествования состоят из пяти основных элементов: 1) возникновение конфликта; 2) обращение в суд; 3) судебное разбирательство; 4) вынесение приговора; 5) реакция на приговор [51, 8].

Во вьетнамском фольклоре встречаются также иные сюжеты, связанные с судом, но отличающиеся от приведенного нами. В повествовании «Тяжба с баньяном» [41, 98–100] муж после удачной торговли прячет вырученные деньги в дупле большого баньяна; об этом узнаёт любовник жены и крадет деньги. Торговец обращается с жалобой к ученому-конфуцианцу, тот разрешает спор¹³. В данной сказке разрабатывается мотив получения признания у преступника с помощью хитрости.

Также известен вьетнамский сказочный сюжет под названием «Милосердный дух» [51, 223–224]. Женщина крадет у другой развешенное на просушку белье. После подношений деревенскому духу виновница не получает наказания; этим обстоятельством раздосадован студент — будущий мандарин. Видя это, дух задает вопрос студенту: «Неужели у тебя хватит совести сделать человека несчастным из-за двух штук белья?» В сказке нет привычного наказания виновного после обращения к судье. Наоборот, в назидание дух задает дидактический вопрос молодому конфуцианцу, который впоследствии будет разбирать судебные тяжбы.

Как бы в продолжение предыдущего сюжета справедливый мандарин в одноименной сказке [51, 317–318] отменяет решение судьи, проявляя великодушие по отношению к преступнику, который искренне готов исправиться. Через некоторое время оказывается, что решение было правильным, поскольку преступник помог богачу, которого прежде обокрал. В данном повествовании получает развитие тема последствий приговора.

Вьетнамская сказка «Леопард в книжном ящике» [51, 301–302] представляет собой распространенный в мировом фольклоре сюжет о «неблагодарном спасенном», когда вместо того, чтобы отплатить добром, спасенный пытается причинить помощнику вред. Леопард спасся от охотников в книжном ящике человека, а когда опасность миновала, собрался съесть спасителя. Для разрешения спора они отправляются к судье. Первый и второй судьи, которые встречаются им на пути, признают человека виновным, и только третий

¹³ Интересно, что в «Книге о судах и судьях» есть отсылка к подобному сюжету в африканском фольклоре, см. [33].

судья справедливо разрешает спор, по итогам которого неблагодарный спасенный гибнет от рук судьи. В рамках фольклора народов Юго-Восточной Азии подобный сюжет встречается у тайцев и кхмеров («Как отшельник оживил тигра» [29, 133–136]; «Как отец с сыном повстречали крокодила» [29, 287–288]).

«ОБМАНЩИК КУОЙ» (17)

Опубликовано в сборниках «100 truyện cổ tích Việt Nam hay nhất» [70, 496–503] и «100 truyện cổ tích Việt Nam» [65, 185–191].

В оригинале — «Nói dối như Cuội».

В указателе сказочных типов по системе Аарне — Томпсона обнаруживаются следующие сюжетные схемы, сходные с представленными в данном повествовании: АаTh 1528, АаАн 1528 «Сокол под шляпой: мужик заставляет барина караулить шляпу, под которой будто бы сидит сокол (соловей и проч.), а сам уезжает на его лошади» (ср.: Куой обманывает дядю, говорит, что под корзиной горлица, а там — коровья лепешка; Куой обманывает чиновника и уезжает на его лошади); АаАн 1530 «Чудные имена: старуха и ее сын называются, оставившись на ночлег, странными именами, из-за которых ночью происходит недоразумение» (ср.: Куой называет чиновнику несуществующее имя, тот спрашивает прохожих, оказывается обруган); АаTh 1525 F, АаАн 1535 A «Завидую бедняку, богач прыгает (или просит столкнуть его) в воду» (ср.: 1525 F, 1539); АаАн 1535 B «Человека хотят бросить в мешке в воду, он заманивает на свое место другого (в разных сочетаниях)» (ср.: дядя разозлился на Куоя, запирает его в клетку и хочет выбросить в реку. Куой меняется местами с прокаженным, который потом погибает. Дядя с тетей просят Куоя столкнуть их в воду); АаАн *1572 I «Ловкий гость: хозяин бьет гостя, который противоречит ему (“в чужом доме слушай хозяина”); другой гость беспрекословно съедает все, что ему дают, меняет свою плохую одежду на хозяйскую, садится на хозяйскую лошадь и уезжает» (ср.: чиновник выгоняет Куоя из воды, Куой надевает одежду чиновника, садится на его лошадь и уезжает).

Сказка представляет собой серию анекдотов, связанных между собой главным персонажем по имени Куой — популярным вьетнамским героем-трикстером. Схожие сюжетные ходы и мотивы можно встретить у мыонгов, в фольклоре Лаоса, Таиланда и Камбоджи. В лаосской сказке герой по имени Сианг Мианг (Xiang Miang) выманивает правителя из тронного зала под дождь или заманивает в пруд [198, 47]; тайский герой по имени Шри Танончай (Sri Thanonchai) также обманом заставляет государя войти в пруд [230]. В Камбодже хитроумный Алеу (родной брат и двойник Тхмень Чей (Thmenh Chey)) по очереди обманывает родителей: матери говорит, что умер отец, а отцу — что погибла мать [29, 202–224]. Герой-насмешник, олицетворяющий крестьянскую смекалку, весьма распространен в фольклоре народов материковой части Юго-Восточной Азии. В китайских сказках также встречается

сходный персонаж — сметливый бедняк по имени Ма Даньби (подробнее см. «Четыре сказки о Ма Дань-би» [46, 97–110]), однако суть и мотивация его уловок значительно отличаются от тех, что присущи героям-трикстерам Юго-Восточной Азии. В то время как Ма Даньби стремится проучить жадных и нерадивых чиновников и богачей, защищая интересы простонародья, Куой, Алеу и другие подобные им герои зачастую устраивают проказы ради собственной выгоды; выдуманное ими наказание оказывается непомерно суровым, а шутки вовсе не имеют мотивации. Представленное повествование изобилует народным юмором, обнаруживающим известную жестокость: прокаженному, дяде, тете и императору приходится поплатиться жизнью за свою глупость и (или) алчность.

В рамках семи анекдотических рассказов о Куое можно выделить девять мотивов обмана: 1) обманом выманил богача за ворота; 2) продал свинью и обманул тетку; 3) накрыл буйволиную лепешку корзиной и обманул дядю; 4) обманул дядю и тетю, сказав тете, будто дядю забодал буйвол, а дяде — что тетя упала с крыши; 5) отправил дядю за несуществующей книгой для врунов; 6) заманил прокаженного в клетку; 7) соврал чиновнику, украл его одежду и лошадь; 8) заманил дядю и тетю в клетки и утопил их в реке; 9) обманул императора, отправив его в путешествие на летающем слоне, а сам вззошел на престол.

Второстепенные персонажи и детали сюжетных схем в рамках рассказов о Куое могут варьироваться. Так, например, в ряде историй вместо прокаженного обману хитреца поддается бродячий певец, вместо чиновника — торговка на рынке.

Безусловно, данное повествование не охватывает весь арсенал уловок Куоя. Во вьетнамском фольклоре также известны сюжеты, связанные с продажей диких уток; обменом рваного халата на парчовые одежды, козла и серебряные монеты; обменом козла на скаковую лошадь и т.д. (подробнее см. «Волшебный халат» [41, 121–123], «Волшебный козел» [41, 123–125], «Куой» [30, 328–333] и «Волшебный посох» [41, 125–129]).

Помимо обманщика Куоя во вьетнамском фольклоре существует герой этиологического мифа с точно таким же именем — дровосек, вознесшийся на Луну вместе с баньяновым деревом. Бытует также поздний смешанный сюжет, в рамках которого два Куоя встречаются на Земле (см. сказку «Два дядюшки Куоя» из настоящей книги).

В повествовании упоминаются такие элементы материальной культуры вьетнамцев, как большая открытая корзина и бамбуковая клетка. *Тхунг* (вьетн. *thúng*) — круглая плетеная корзина без крышки для хранения или транспортировки риса, овощей и т.д. Корзины значительно большего размера в рыболовецких районах страны используются в качестве лодок. Под бамбуковой клеткой подразумевается клетка *ро* (вьетн. *gò*), она имеет вытянутую форму и используется для перевозки свиней. Плетение корзин, клеток, вершей, садков, емкостей для хранения, циновки из ротанга и бамбука является одним из традиционных ремесел вьетнамцев.

«ТУ УЙЕН» (18)

Опубликовано в сборнике «100 truyện cổ tích Việt Nam.

Cây tre trăm đốt» [69, 58–62].

В оригинале — «Tú Uyên».

Сказка является одним из популярных в мировом фольклоре повествований о женитьбе на чудесной девушке, которая появляется тайно и готовит еду, помогает по хозяйству. Как правило, сюжетные схемы таких сказок представляют собой частные случаи типа АаTh 400–459 «Чудесный супруг (супруга или родственник)», не зафиксированные в каталоге Аарне — Томпсона. Обширный материал, касающийся мотива тайного появления персонажа из предмета (животного, растения), постоянно находящегося рядом с людьми, представлен в аналитическом каталоге Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина (БД Е9 «Неведомая хозяйка»).

Данное повествование во многом сходно с китайской сказкой «Волшебная картина» [19, 6]. Отметим, что вообще мотив женитьбы на чудесной супруге в китайском фольклоре встречается довольно часто. В сборнике Гань Бао «Записки о поисках духов» IV в. содержится история под названием «Жена-улитка» с подобным сюжетом. Ее героиня, чудесная девушка, по ночам выбирается из раковины речного моллюска и хлопочет по дому, пока однажды хозяину не удастся ее подстеречь [97, 153].

Мотив ожившей картины и чудесной супруги также встречается в известной китайской сказке «Девушка-павлин». Героиня в образе прекрасного павлина сходит с картины, чтобы помочь юноше и его отцу, попавшему в беду. В конце повествования главный герой берет девушку в жены [97, 153].

Схожие мотивы с участием портрета главной героини прослеживаются в пьесе куньшанской драмы «Пионовая беседка» («Мудань тин», кит. 牡丹亭), созданной Тань Саньцзу в 1598 г. [164]. Девушка Ду Линнян видит во сне юношу и заболевает. Когда ее болезнь усиливается, она пишет свой портрет, добавляет к нему надпись и вскоре умирает. Три года спустя портрет попадает к юноше, который снился покойной. Увидев изображение красавицы, юноша влюбляется, и его искреннее чувство помогает воскресить девушку [81, 155].

Сюжет о чудесной жене встречается и в европейском фольклоре, однако сюжетные линии таких повествований заметно отличаются от дальневосточных. В Европе сказки данного типа превратились в истории о женитьбе героя на заколдованной прекрасной царевне, которая дает уже не магическую власть над природой, а право на престол, т.е. власть над людьми (ср.: АаАн 410 «Спящая царевна, окаменелое царство»). Различные пути развития исходного сюжета определяют важные отличия в сказочном антураже. В фольклорных повествованиях вьетнамцев и китайцев главные герои чаще проживают в бедности, в текстах нет красочного описания царской жизни [19, 9].

Сюжет о чудесной супруге (AaTh 400, 425) сам по себе является архаичным. Важной составляющей такого типа сказки является еще один мотив — возвращение чудесной супруги посредством преодоления трудных испытаний. В сказке «Ту Уйен» в виде «сложного возвращения» выступает попытка самоубийства главного героя после того, как незаслуженно обиженная супруга покидает его. В европейских сказках, в отличие от дальневосточных, акцент переносится с возникновения помощника в лице чудесной супруги на ее возвращение. В итоге само появление супруги в жизни главного героя становится лишь незначительным событием — вероятно, потому, что помощь по хозяйству не столь важна. Чаще всего этот сюжет сохранен в вариантах, где чудесная жена — презренное животное, например лягушка [120, 56].

Сказка «Ту Уйен» ранее была переведена на русский язык и опубликована в сборнике «Сказки и легенды Вьетнама» (1958) [34, 347–350]. Однако необходимо отметить существенные отличия текстов.

В представленном варианте перевода появляется внушительное количество топонимов, которые создают впечатление правдоподобности описываемых событий, что в принципе характерно для китайских и вьетнамских рассказов о сверхъестественном.

Неоднократно встречается упоминание о Храме литературы и прилегающих к нему постройках.

Еще одним важным отличием данной версии является символика птиц, задействованная в концовке повествования. В варианте, представленном ранее, Ту Уйен с супругой улетают на Небо «усевшись на спины двух огромных орлов» [34, 350]. В нашем варианте главные герои отправляются на Небо верхом на журавлях (*вьетн. hạc*).

В рамках традиционной вьетнамской культуры журавль — символ долголетия, больших чинов и иногда одиночества. Кроме того, журавль издревле почитался как божество воды. Согласно исследованиям Е.Ю. Кноровой, в государстве Ванланг во главе водяных духов стоял Великий Государь Белый Журавль Трех Рек, которого в народе обычно называли Святейший Журавль. Существует много преданий, где говорится, что Белого Журавля Трех Рек звали Тхо Лень («владыка Земли»). Известен рассказ, повествующий о бесчинствах Белого Журавля, превратившегося в злого духа. Он свил гнездо на огромном сандаловом дереве, ловил людей и поедал их. От такой напасти долго не могли избавиться, и покончить с бесовщиной удалось только статному красивому юноше, появившемуся из реки [24, 15].

В китайской культуре журавль символизирует долголетие, а иногда — бессмертие. В Китае картина с изображением двух журавлей, взмывающих в небо, является пожеланием достижения успеха в жизни и высшей мудрости. Возможно, в нашем варианте повествования подразумевается, что Ту Уйен достиг мудрости в ходе жизненных перипетий [193, 75–76].

«ТАЛАНТЛИВЫЙ МЛАДШИЙ БРАТ» (19)

Опубликовано в сборнике «*Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*» [68, 203–211].

В оригинале — «*Người em tài giỏi*». АаTh 560 «Дворец дракона», АаTh 470А «Подарок из подводного царства».

Сказка содержит несколько мотивов, наиболее популярных у народов Восточной и Центральной Азии: мотив бедного сироты, мотив приглашения посетить подводное царство, а также мотив получения волшебного предмета, содержащего душу дочери царя драконов, на которой женится главный герой.

Похожий сюжет встречается в другой известной вьетнамской сказке — «Как рыбак женился на дочери водяного короля» [41, 61–65]; у корейцев — «Сын тысяченожки» [88, 401–403]. Его вариации широко распространены в Китае, преимущественно в восточных провинциях: Шаньдун, Чжэцзян, Гуандун, Сычуань и Хэбэй, у чжуанов — «Лао Сань и чиновник», ли — «Драгоценная шкатулка», хмонгов — «Плотник и дочь царя драконов». В Японии подобные сказки о получении волшебного предмета от морского божества распространены только в юго-западных прибрежных районах (Нагасаки, Симане, Кагосима), близких к Корее [13, 403–404].

Сюжет, в рамках которого главный герой попадает в подводное царство и после ряда испытаний получает помощь царя драконов, встречается и в традиционной китайской литературе — например, в повести-аллегии Пу Сунлина «Морской торг ракшей» (*кит.* 罗刹海市) [175, 33–34]. Главный герой повести — юноша по имени Ма Цзи, сын китайского купца, — уже в отрочестве стал известен своими способностями, однако вынужден заняться торговлей, поскольку его отец состарился. Однажды, плывя на джонке с товарами, Ма попадает в бурю. Ему удается добраться до города, жители которого поразительно уродливы, но при виде Ма они сами кричат от ужаса, словно встретили чудовище. Так начинаются приключения главного героя. На Морском торге, куда Ма Цзи отправился за редчайшими сокровищами, он встречает сына царя драконов, который берет его с собой в подводное царство.

В повести Пу Сунлина страна ракшей — это мир наизнанку (наизнанку), мир перевернутых ценностей, где все преисполнено почтением к уродам, которые считаются красавцами, и приходят в ужас при виде юноши-красавца. В мире ракшей ценят не образованность человека, а внешность, т.е. видимость. Во второй части повести в качестве идеального мира выступает подводное царство, где царь драконов принимает Ма «как великого ученого, не уступающего Цюй Юаню, Сун Юю и другим поэтам древности» [175, 33–34].

Сюжет о бедном сироте, разрабатываемый в данном повествовании, является самым архаичным видом идеализации обездоленного. В нем содержится народная оценка социального неравенства, возникающего в результате распада общинно-родового строя. Вместе с тем сирота — первый бытовой образ фольклора, лишенный черт мифического персонажа. Как отмечает Е.М. Мелетинский, в сказке ряда народов мотив сироты служит центром

формирования жанра волшебной сказки, выделяющейся из первобытного фольклора. Идеализация младшего брата в волшебной сказке представляет собой социальное явление. На фоне идеализации появляется противопоставление младшего старшему через конфликт [120, 21].

Особого внимания в сказках данного типа заслуживает образ царя драконов, *лунвана* (вьетн. Long Vương, кит. 龍王). Этот персонаж, чрезвычайно часто встречающийся в китайских сказках, для вьетнамского фольклора не характерен. В китайской мифологии царь драконов выступает в качестве хозяина водной стихии (см. также сказки «Как дракон воду пил», «Дева-Кузнечик» из настоящей книги). Согласно ранним текстам, царь драконов — существо, выделяющееся среди прочих драконов необычайными размерами — около 1 ли (примерно 0,5 км) в длину. Образ *лунвана* сложился в первых веках нашей эры. В поздней фольклорной традиции *лунван* представляется старцем, живущим в хрустальном подводном дворце *лунгун* (кит. 龍宮). Царь драконов — хранитель несметных сокровищ, у него есть собственное морское воинство: черепахи, каракатицы, креветки и другие морские обитатели, имеющие способность к оборотничеству. В преданиях часто встречаются сюжеты про его детей. За спасение своего сына или дочери *лунван* одаривает человека драгоценными подарками и чудесными предметами [123, 80].

Вьетнамская сказка интересна тем, что героя приглашают в подводное царство не чтобы отблагодарить, как это обычно бывает в повествованиях подобного типа, а чтобы попросить оказать помощь царю драконов. Однако в целом сюжетные перипетии мало отличаются от характерных для этого сюжетного цикла.

Еще один характерный мотив для подобных повествований — получение героем волшебного предмета, чаще всего — тыквы горлянки [123, 80]. Во вьетнамских и китайских сказках тыква горлянка — довольно часто встречающийся волшебный предмет. Она выступает в роли ключа к горе с сокровищами, может вмещать в себя волшебного коня и другие чудеса, давать еду или содержать в себе душу дочери царя драконов, которая впоследствии выходит замуж за главного героя, но, родив ему детей, возвращается в подводное царство. Любопытно, что в сказке «Талантливый младший брат» дочь царя драконов, заскучав по дому, навещает дворец. Однако после она возвращается к мужу с гостинцами из подводного царства, что не характерно для традиционных китайских фольклорных сюжетов [13, 407].

Хотя образ царя драконов встречается во вьетнамском фольклоре сравнительно редко, его связь с традиционными для вьетнамской культуры сюжетами все же прослеживается — в первую очередь через легендарного государя Лак Лонг Куана, сына Кинь Зьонг-вьонга и Лонг Ны (вьетн. Long Nữ), дочери владыки озера Дунтин [104, 354] (см. также коммент. к сказке «Дева-Кузнечик» из настоящей книги). Лонг Ны, по преданию, была дочерью царя драконов.

Имя Лак Лонг Куана переводится как «государь-дракон Лак». Здесь необходимо прокомментировать значение слова «лак». Лак — древний этноним предков вьетов (лаквьетов) в III–II вв. до н.э. Отечественными востоковедами

было предпринято несколько попыток рассмотреть его этимологию. По одной из версий лексема «лак» является наименованием тотема племени, названием священной водной птицы *лак*, чье изображение встречается на дисках донгшонских барабанов (I тыс. до н.э.). Существует также теория о том, что слово «лак» в древности означало «вода». Поскольку лаквьеты, предки вьетнамцев, были зачинателями поливного рисосеяния в регионе расселения, эта версия также представляется правдоподобной. Неслучайно и сейчас существует выражение «дети Хунгов, потомки воды», которое применяется по отношению к собственно вьетнамцам, киням [124, 180].

«СКАЗКА О ДРОВОСЕКЕ» (20)

Опубликовано в сборнике «*Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*» [68, 83–89].

В оригинале — «*Chuyện chàng đốn củi*»; ср.: АаTh 560 «Дворец дракона», АаTh 470А «Подарок из подводного царства».

В центре повествования находится сюжет о бедном сироте, который является самым архаичным видом идеализации обездоленного (подробнее см. коммент. к сказке «Талантливый младший брат»). В качестве чудесного помощника главного героя выступает волшебное дерево, которое предлагает ему магические предметы в обмен на свою жизнь.

Мотив «чудесного дерева» во вьетнамском фольклоре появляется довольно часто, однако далеко не всегда растение выполняет функцию чудесного помощника. Зачастую речь идет о больших и старых деревьях, вместилищах духа, которому поклоняются люди, чтобы выразить ему свое почтение и умиловать, а не получить какие-либо блага [104, 148–149]. Например, в жизнеописании монаха Кхуонг Вьета из «Собрания выдающихся праведников из сада тхьен» рассказывается о том, как однажды монаху привиделся во сне некий могущественный дух со своей свитой. Отправившись рано утром в горы, этот монах заметил огромное дерево, чья вершина уходила в облака. Тогда он нанял мастеров, которые срубили дерево и вырезали из него статую, во всем подобную духу из сновиденья, чтобы люди могли ему поклоняться. В сборнике «О таинственных силах и духах земли Вьет» содержится рассказ, повествующий о божестве, заключенном в бревно. Из этого бревна затем также сделали статую духа. Интересна история из «Описания удивительных земель, расположенных к югу от гор» о дереве-оборотне. В ней повествуется о старом, вековечном дереве, которое спустя тысячу лет обрело способность менять обличья и стало пожирать людей. Отметим, что сходные представления, связанные с культом деревьев, распространены в преданиях бирманцев и кхмеров [104, 149].

Ключевой мотив «Сказки о дровосеке» — получение, потеря и возвращение волшебных предметов (подноса, коня и бамбукового коленца). Волшебный поднос (аналог русской скатерти-самобранки или японского камэоса¹⁴)

¹⁴ Столетняя бутылка из-под саке, которая сама собой производит рисовое вино или любую другую жидкость.

во вьетнамском фольклоре встречается чрезвычайно часто. В мире бытийного поднос — важнейший атрибут любого вьетнамского пиршества. Гостей на празднестве считают по подносам, на которых подается еда [84, 122].

Волшебный конь во вьетнамском фольклоре также нередко выступает в качестве помощника или подарка, награды (см. сказку «Там и Кам» из настоящей книги). Особо почитается во Вьетнаме дух-помощник, являющийся в образе белой лошади. С легендой о духе белой лошади ассоциируются два исторических лица — китайский губернатор Гао Пянь (IX в.) и вьетнамский император Ли Тхай-то (правил в 1010–1028 гг.). Гао Пяня прозвали Государь Белой Лошади, поскольку, согласно легенде, именно белая лошадь, чудесным образом возникшая на рисовом поле, указала ему план внешних укреплений Дайлатханя (совр. Ханой) [107, 58].

С легендой о духе белой лошади связывают историю о строительстве столичных крепостных стен. Как отмечает французский ученый-ориенталист Ж. Дюмутье, в деревне Лонгдо, впоследствии выросшей в город Тханглонг, существовал храм Белой лошади. Когда император Ли Тхай-то задумал перенести столицу из Хоалы на новое место, он пытался возвести крепостные стены, но они много раз обрушивались (ср. с легендой о строительстве Хоалы в коммент. к сказке «Маленький Черепашка» из настоящей книги). Государь послал слугу в храм Лонгдо помолиться, и оттуда вышла белая лошадь. Император пошел следом за ней и составил план следов от ее копыт. По этому рисунку построили крепостные стены, и больше они не обрушивались. Божеству храма Ли Тхай-то даровал титул Тханьхоанг кинь-тхань Тханглонг — Дух-хранитель столицы Тханглонг [107, 58–59].

«КАК ДЯДЮШКА ЖАБ С НЕБОМ СУДИЛСЯ» (21)

Опубликовано в сборнике «100 Truyện cổ tích Việt Nam» [65, 228–230].

В оригинале — «Cóc kiện trời»; ср.: АaTh 752 В «Ветер забыл дуть». БД С22 «Жаба в поисках Грома. Во время жестокой засухи или мирового пожара птицы и животные посланы к живущим на краю мира громам принести дождь. Последний из посланных достигает цели. Важную роль в действии играет жаба».

Данное повествование является одной из самых древних и популярных кумулятивных вьетнамских сказок. Сказка ранее переводилась на русский язык под названиями «Тяжба Жабы с Небом» [34, 54–58; 10, 182–187], «Жаба — самому небесному властителю родня» [55, 235–245] и «Рассказ о том, как Жаба судилась с Небом» [24, 37–40].

Прежде всего, необходимо прокомментировать перевод термина родства «дядюшка» (*вьетн.* Chú) и наш выбор в пользу мужского рода. Во вьетнамском повествовании главным героем выступает дядюшка Жаб (*вьетн.* chú cộc). Термин родства «*тью*» используется применительно к младшему брату отца (а также к мужчине, который соответствует ему по возрасту и статусу)

и может употребляться также в качестве обращения к сказочным персонажам — как правило, к животным, которые, согласно традиционным представлениям вьетнамцев, пользуются определенным уважением [238]. Кроме того, восприятие пола сказочных героев-животных у вьетнамцев разительно отличается от такового в русскоязычной культуре, и сохранение этой разницы в переводе, на наш взгляд, поспособствует более глубокому пониманию вьетнамского фольклора и лингвистической картины мира вьетнамцев.

Образ жабы (лягушки) для вьетнамской культуры является традиционным и ассоциируется со стихией воды. Культ лягушки — вызывательницы дождя существовал у предков вьетнамцев уже в эпоху Донгшон (I тыс. до н.э.), археологической культуры азиатского бронзового века [106, 381]. Примерно в III–II столетиях до н.э. на верхних плоскостях бронзовых барабанов, использовавшихся в ритуалах аграрной магии, появляются миниатюрные фигурки лягушек — почитаемых животных, которые ассоциировались с идеей плодородия, обильных и своевременных дождей, необходимых для выращивания риса.

Культ жабы распространен и в Китае. Известно, что в прежние времена даже выпускали специальные листовки с призывами к жителям Южного Китая и Вьетнама не истреблять лягушек и не употреблять их в пищу. Такую листовку можно найти в трудах французского этнографа Ж. Доре [13, 421–422]. Интересное упоминание о духе лягушки на юге Китая встречается в новелле Пу Сунлина «Дух лягушки», где автор изображает любовь дочери духа лягушки Шиньян и простого смертного Сюэ Куня. Важным мотивом новеллы становится брак человека и дочери духа лягушки. Свадьба с ней обещает помощь, богатство и процветание роду жениха, а неуважение к ней навлекает беду.

Необходимо отметить, что чжуаны, проживающие на территории Южного Китая, как и вьеты, особое место отводят культу Матери-Лягушки. В одном из чжуанских мифов сказано, что лягушки имеют доступ на Небо, где обитают боги. Создавая этот мир, верховный бог поручил лягушке следить за сменой времен года, а также за правильным распределением небесной влаги, выпадающей в виде дождя [80, 164]. Чжуаны также верят [214, 201], что лягушка — это дочь Лэй-шэня, духа грома, существа с человеческой головой и телом дракона [183, 44]. Она является связующим звеном между Небом и Землей, помогает донести до богов вести о том, что происходит в мире людей.

Схожие мотивы прослеживаются и в сказке «Как дядюшка Жаб с Небом судился». Благодаря своей находчивости жаба выполнила поручение и даже заручилась поддержкой небес на будущие времена. Подчеркивается, что, если впоследствии возникнет потребность в дожде, уже не потребуется совершать утомительное паломничество на Небо — достаточно лишь громко квакнуть несколько раз [206, 107–111]. Здесь необходимо отметить, что во вьетнамской культуре сформировался положительный образ жабы. Это неказистое на вид животное обладает такими качествами, как храбрость,

находчивость, ум и рассудительность, что делает возможным изображать жабу в качестве наставника и учителя. Такой мотив мы находим на лубочных картинках Вьетнама — Донгхо. Широко известен, например, сюжет Донгхо под названием «Учитель-жаба» [201, 62]. Кроме того, распространен сюжет парных народных картин «Человеколюбие и долг» (вьетн. Nhân Nghĩa), где изображен мальчик с жабой, и «Вежливость и ум» (вьетн. Lễ Trí), где изображена девочка с черепахой. В данном случае жаба символизирует пожелание детям совершать только добрые дела и быть богатыми, а черепаха выступает в качестве благопожелания реализации таланта, красоты и трудолюбия.

Мотив жабы-помощницы встречается и в японских сказках. Так, в повествовании «Благодарность лягушки» лягушка, которую Старик спасает от змея, затем приходит на помощь его младшей дочери. Лягушка делится с девушкой хитростями и магическими уловками, которые помогают ей победить злого змея и вернуться домой [28, 36–38].

Говоря о положительном образе жабы, необходимо упомянуть о верованиях китайцев, согласно которому жаба обеспечивает достаток и денежное богатство в доме. Кроме того, она, как считается, заботится о воспитании детей. Существует поверье, будто большая серая жаба крайне прожорлива, поэтому в темное время суток уничтожает множество насекомых и в полях, и в доме.

Важным отличием вьетнамского фольклора от китайского является наличие в последнем представления о жабе не только как о помощнице, но и как о ядовитом и опасном животном, способном принести смерть. Связано это с тем, что во время брачного периода некоторые виды жаб становятся ядовитыми. В рамках мифологических сюжетов жаба входит в число пяти ядоносов, с которыми приходится бороться главным героям повествований.

В контексте отрицательного образа жабы необходимо упомянуть китайскую народную картину «Лю Хар с золотой жабой» из коллекции выдающегося отечественного китаевода В.М. Алексеева, где прослеживается мотив мстительной жабы [103, 92]. На картине изображены два мальчика и трехлапая жаба. Один мальчик тянет жабу за лапу, а другой вытягивает из ее рта шнур с монетами. Сюжет картины отражает широко распространенный миф о даосском небожителе Лю Харе, играющем с трехлапой жабой, и двух близнецах — символе денежного богатства. Однако сам Лю Хар на картине не изображен, лишь один из близнецов (сидящий справа) имеет юбку-пояс из листьев — атрибут костюма небожителя.

Это изображение отсылает нас к истории Лю Хайчана (в китайской даосской мифологии — бог монет, входящий в свиту бога богатства Цай-шэня). Существует предположение, что прообразом Лю Хайчана был реальный исторический деятель VIII–IX вв. По одной версии, он служил яньскому князю Лю Шоу-гуану, по другой — с 917 г. императору Тай-цзу, основателю династии Ляо [96, 516–517]. Лю Хайчань отличался сыновней почтительностью. В прошлом он был богатым человеком, и однажды разбойник по фамилии Ли задумал его ограбить. Когда Лю Хайчань узнал об этом, то убил разбойника, который умер с ненавистью и обещал обязательно отомстить. После

смерти разбойник превратился в жабу и спрятался в колодеце. Он все время думал, как отомстить Лю Хайчаню. Однако дальше мыслей дело не шло. Лю Хайчань умер и превратился в Лю Хара, который ничего не знал о замыслах злобной жабы. Позднее Лю Хар встретил Люй Дунбиня и, зная о его святости, попросил, чтобы Люй Дунбинь сделал святым и его. Люй Дунбинь ответил ему: «Ты не избавился от грехов и не можешь быть святым, но, учитывая твою сыновнюю почтительность, я избавлю тебя от скверны мира». Тогда Люй Дунбинь снял свой пояс, привязал к его концу золотую монетку и опустил пояс в колодец. Жаба-разбойник сразу схватила пояс с монеткой. Когда ее вытащили из колодца, Люй Дунбинь с помощью своей божественной силы помирил их. Лю Хайчань пошел вместе с Люй Дунбином и удалился от мира. После этого люди стали говорить: «Лю Хар играет с золотой жабой» (кит. 刘海金蟾) [103, 92–93].

В целом, несмотря на сходство образов жабы в Китае и во Вьетнаме, во вьетнамском фольклоре она выступает в качестве положительного героя и помощника чаще, чем в китайской мифологической и сказочной традиции.

«БАМБУК О СТА КОЛЕНЦАХ» (22)

Опубликовано в сборнике «100 Truyện cổ tích Việt Nam. Cây tre trăm đốt» [69, 90–94].

В оригинале — «Cây tre trăm đốt».

Сказка принадлежит к сюжетному типу AaTh 571 («Все прилипают к волшебному предмету, более знатный жених отвергнут»). Ключевой мотив повествования — испытание, связанное с женитьбой (ThMot H300).

«Бамбук о ста коленцах» — одна из самых известных народных сказок Вьетнама, широко распространена во всех частях страны. Перевод этого фольклорного повествования известен русскоязычному читателю по двум публикациям 1970 и 1990 гг. [41; 55].

Как правило, в сказках, где сюжетообразующим мотивом является «невыполнимая задача», выдуманная, чтобы отвести менее знатного жениха, развязкой становится женитьба. Разного рода чудесные предметы и второстепенные герои играют сугубо вспомогательную роль.

Нередко в волшебных сказках подобного типа в качестве «невыполнимой задачи» выступают бескорыстные героические подвиги (AaTh 300–303, 550–551). Основой этой формальной системы является отсутствующая в первобытном мифе, но присутствующая в волшебной сказке оппозиция предварительного испытания, дающего герою чудесное средство (предмет или помощника), и испытания, после прохождения которого достигается главная цель. В подавляющем большинстве случаев чудесное средство — это предмет или зверь-помощник, а главная цель — царевна-невеста (в нашем случае — дочь богача). Иногда встречается и третье звено в специфической иерархической синтагматической структуре волшебной сказки — дополнительное

испытание на идентификацию, которое представляет собой борьбу героя за невесту с соперниками — ложными героями [232].

Чудесным предметом в сказке выступает бамбук, который считается в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии символом долголетия и жизненной силы. Как и вьющиеся растения, ствол бамбука издревле рассматривается народами Востока как связующее звено между Землей и Небом [47, 379]. По замечанию Р. Стейна, известного востоковеда, ученика одного из крупнейших синологов М. Гране, бамбук на Востоке считается мудрецом среди растений, потому что он полый; в нем все сообщается, несмотря на наружные узлы. Часто из бамбука изготавливались посохи даосов [121, 229–230].

Во время американо-вьетнамской войны бамбук стал символом стойкости и сопротивления. В народном фольклоре это растение связано с именем народного героя Тхань Зонга, который считается духом растительности и родоначальником кузнецов. В предании «Родоначальник кузнецов» говорится: «В то время, когда вражеские полчища иньцев вторглись в нашу страну, в деревне Фудонг¹⁵ был человек, придумавший способковки железа и выплавления из него различных предметов, использующихся в разнообразных делах. Из-за того, что Зонг научил людей выплавлять железо и руководил тысячами кузнецов, изготовивших необходимые для победы предметы, его считают родоначальником кузнечного дела в нашей стране. Впоследствии в районе Хабак в честь него все люди воздвигали храмы» [104, 216].

«Мальчик из бамбуковой колыбели» — великан Тхань Зонг — в своем сражении с северными захватчиками, по легенде, использовал бамбук. Как гласит предание, во время боя с врагами у Тхань Зонга сломалась железная палица, тогда он вырвал несколько стволов бамбука у дороги и стал хлестать ими по головам врагов. Тхань Зонгу помогали сражаться два земледельца, вооруженные колотушками, одна была сделана из дерева, а другая — из бамбука. После победы помощники исчезли, оставив свои колотушки. Из одной появилась роща деревьев, а из другой — заросли бамбука. Говорят, эти заросли сохранились до сих пор [104, 222].

В целом бамбук во вьетнамском фольклоре довольно часто выступает в качестве чудесного предмета, попадающего в распоряжение простого земледельца; с помощью бамбука тому удастся пройти необходимые испытания и наказать обидчиков. Символика бамбука как атрибута честного общинника, вьетнамской деревни хорошо прослеживается и в данном повествовании.

«КАК ВАН НА ДОЧКЕ ИМПЕРАТОРА ЖЕНИЛСЯ» (23)

Опубликовано в сборнике «*Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*» [68, 143–149].

В оригинале — «*Vàng lấy con vua*». AaTh 465, ThMot H300.

В сказке разрабатывается упрощенная вариация сюжета о красавице-жене, в рамках которого чудесная невеста достается герою (в начале или в конце

¹⁵ Община Фудонг, уезд Зялам; пригород современного Ханоя.

повествования), царь, завидуя или не желая отдавать дочь за бедняка, поручает ему трудные задачи, между прочим — принести неведомо что; с помощью жены или волшебных помощников это удастся (ср. со сказкой «Маленький Черепашка» из настоящей книги).

Во вьетнамском фольклоре герою обычно помогает небожитель или небожительница, также в качестве помощника нередко выступает Будда. Помощник интересуется делами людей, обладает чувством юмора, что выражается в его речи и способах наказания обидчиков главного героя. Внешний вид сказочного Будды отличается от привычного образа, существующего в контексте религиозных представлений вьетнамцев. Часто в народных повествованиях божество предстает в виде седовласого и седобородого Старца [128, 156]. Мотив волшебного помощника — это выражение силы главного героя и его способностей [147, 235].

Ключевой мотив повествования — невыполнимая задача. Первый блок испытаний предваряет женитьбу. Чтобы доказать право на обладание чудесной невестой, герою необходимо найти кувшин собачьих блох и кувшин куриных зародышей, поймать волшебного петушка и волшебную курочку, построить дом под стать дочери императора. Заключительное испытание — победа в сражении, — похоже, представляет собой редуцированный эпизод о потере жены и ее возвращении, чрезвычайно характерный для сказок этого сюжетного типа.

Среди невыполнимых задач фигурирует весьма примечательная — поймать волшебного петушка и волшебную курочку. Здесь необходимо сказать несколько слов о символике петуха во Вьетнаме и других странах региона. В традиционном вьетнамском фольклоре петух ассоциируется со счастьем, храбростью и честью. Такое символическое наполнение образа домашней птицы характерно для вьетнамского лубка Донгхо, а также для разного рода благопожеланий. Широко распространена лубочная картинка, изображающая петуха и курицу в окружении восьми цыплят, клюющих зерна (*вьетн.* Gà thử hũng) [201, 69–70]; известен и другой вариант этого сюжета: курочка в окружении цыплят, символ счастья и деторождения (*вьетн.* Gà Đại cát nghinh Xuân) [126, 169–216]. Еще одно популярное благопожелание — изображение мальчика, держащего в руках петуха (*вьетн.* Vinh Hoa), которое, согласно традиционным представлениям, приносит членам семьи славу и процветание [201, 54].

Изображения петуха также издревле служили домашним оберегом от нечистой силы и пожаров. Отметим, что во вьетнамской традиции черная курица для этих целей не используется, ее мясо также не жертвуют на алтарь предкам. По верованиям вьетнамцев, черная птица может принести неудачу, однако блюда из нее обладают целительными свойствами. Из черной курицы готовят специальный суп с китайскими травами (*вьетн.* gà hầm thuốc Bắc) для восстановления сил больного.

Во Вьетнаме существует традиция гадания на куриных лапах (*вьетн.* xem bói chân gà) на Новый год по лунно-солнечному календарю. В канун праздника курицу отваривают и после обряда поклонения предкам несут

целую тушку к предсказателям судьбы (*вьетн. thấy bói*). По лапам курицы определяется удача семьи в Новом году, успех в бизнесе [По личному общению Динь Ле Хонг Занга (СРВ, провинция Нгеан, уезд Зьентяу), дата: 21.01.2021].

На юге Китая не сохранилась такая традиция, однако в этом регионе бытует иное поверье: если съесть куриные лапы накануне большого праздника, то весь год будет везти в денежных делах. Связано это с образом курицы, которая лапой гребет под себя землю. Человек, съевший куриную лапу, приобретает схожее качество, т.е. возможность «гребсти лапой деньги» [По наблюдениям Е.В. Лютик. Провинция Гуандун, Гуанчжоу, дата: 12.2019].

В южных провинциях Китая изображения петуха также играют роль оберега. Соответствующие фигурки и изображения в канун Нового года укрепляли на воротах домов. Источником таких представлений послужила легенда о золотом петухе, восседающем на персиковом дереве, под которым братья Шэнь-ту и Юй-лэй расправлялись с демонами [91, 39–42].

Сюжет и основные мотивы сказки «Как Ван на дочке императора женился» в целом достаточно распространены во вьетнамском фольклоре и в народных повествованиях других стран региона.

«ДОЧЬ СЛОНА» (24)

Опубликовано в сборнике «*Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*» [68, 10–16].

В оригинале — «*Nàng Ả Voi*». АаTh 400–459 «Волшебный супруг (супруга или иной родственник)»; ключевые мотивы — ThMot T_{512.3} «Чудесное зачатие от выпитой воды»; ThMot K₁₉₁₁ «Ложная невеста (жена)»; БД Е9Н «Волшебная жена — голубка».

Сказка «Дочь слона» переведена на русский язык впервые. Повествование со схожим сюжетом существует и у других народов Юго-Восточной Азии, например у лаосцев. Представления о девушке — дочери слона восходят к архаичным тотемическим верованиям; слон почитается как священное животное во многих странах региона. Лаосцы называют свою страну «Родиной миллиона слонов». В Таиланде слон символизирует единство короля, народа и буддистского учения, а белые слоны считаются символом государственной власти.

Во Вьетнаме первые официальные упоминания о слонах появляются начиная с эпохи правления династии Ли (1009–1225) [213]. В Китае при династии Сун (960–1279) вьетнамские белые слоны считались лучшим подарком императорскому двору. Из века в век вьетнамские правители увеличивали численность слонов, используемых в военных действиях. При династии Нгуен (1802–1945) слоны имели особый статус, который считался более высоким, чем статус боевых коней [Там же].

Образ народных вьетнамских героев также связан со слонами. Военственная и прекрасная предводительница народного восстания III в. Чьеу Тхи Чинь изображена восседающей на белом слоне на популярной вьетнамской

народной картине Донгхо под названием «Госпожа Чьеу верхом на слоне» (вьетн. *Trịệu Âu suõ voi*) [201, 134].

Изображения слонов встречаются и в китайском искусстве — например, на поверхности бронзовых барабанов, найденных на территории современной провинции Гуанси. В конце XIX — начале XX в. слоны часто появляются на китайской народной картине. Например, известна картина «Мальчик на слоне» из коллекции В.М. Алексеева. За спиной ребенка, сидящего верхом на величественном животном, видна ветка персикового дерева — символ долголетия. В китайской культуре с образом слона связана идея мира, отсутствия военных конфликтов. В «Объяснениях к грубым картинам» говорится: «Ныне Поднебесная в покое, так как с Вьетнамом и другими государствами установлены нормальные отношения. Поэтому люди и говорят: “Всегда спокойствие имеет образ слона”» [103, 227].

Схожая по сюжету вьетнамская сказка под названием «Девушка с душистыми волосами» представлена в сборнике «Сказки народов Вьетнама» [41, 347–352]. Однако между этими повествованиями наблюдается ряд существенных отличий. Так, в роли волшебного помощника в сказке «Девушка с душистыми волосами» выступает сваха и добрый старец, а не отец-слон. Главная героиня не остается в человеческом обличье, а превращается в обезьяну.

Представленное повествование включает ряд популярных мотивов юго-восточного сказочного фольклора — чудесное зачатие главной героини через выпитую воду, женитьбу на чудесной девушке — дочери священного животного и возвращение истинной невесты (жены), которое предваряется многократным указанием на ложную природу подменной героини. Ложную героиню обличает домашняя утварь, различные животные и душа истинной героини в новом перерождении — как правило, в облике птицы (ThMot K1911.3.1.1) (ср. со сказкой «Там и Кам» из настоящей книги).

Мотивы чудесного зачатия и чудесного рождения ребенка — одни из самых архаичных в мировом фольклоре, они характерны для мифов и сказаний многих народов. Распространенной разновидностью мотива чудесного зачатия является беременность от выпитой воды (из водоема, следа великана или животного, черепа и т.д.). В основе мифологических представлений об оплодотворяющей силе воды лежит общечеловеческое понимание всеобъемлющей силы ее воздействия на природу. Неслучайно даже в позднее время в обрядах аграрного и жизненного циклов, а также в лечебной практике вода играет ключевую роль. Традиция употребления воды для деторождения особенно часто встречается в культуре земледельческих народов, где эта стихия наделяется магическими свойствами [148, 85].

Образ волшебного помощника — отца-слона — связан с культом почитания тотемных предков. Вначале отец физически присутствует в жизни дочери, затем он умирает, но и после этого продолжает помогать ей посредством собственных останков, приносящих дары и помощников, а также мудрыми советами в пространстве сновидений. Так, наставление отца «Соберите мои кости и перенесите в свой дом, тогда у вас всегда будет достаток»

может быть расшифровано как «Ходите ко мне на могилу и совершайте на ней полагающиеся жертвоприношения». Данный мотив есть не что иное, как отражение древнейших верований вьетнамцев, сформировавшихся в рамках культа предков и подразумевающих «равноценный обмен» между живыми и мертвыми. Если потомки заботятся об останках умерших родственников, кормят предков, совершая подношения и исполняя соответствующие ритуалы, те, в свою очередь, оказывают помощь живым. Если же сыновний долг не исполняется, то неминуемо наказание. Умерший отец предупреждает дочь об опасности, а позднее дает ей волшебных помощников — веретено и белого петушка. В повествовании реализуется общий для фольклора разных стран мотив «загробный даритель — умерший отец» [146, 209].

Антипод волшебного помощника (отца-слона) — неоднозначный по своей семантике водяной дракон. По словам французского востоковеда А. Бонифаси, речь идет о водяной змее, которую аннамиты называли *тхуонг луонг* (вьетн. *thuồng luồng*, кит. 蛟龙, *цзяо лун*). Сравнивая различные версии предания, исследователь предполагает, что вначале поклонялись огромной змее, возможно, питону, а затем уже возник культ самого божества. Согласно одному из современных вьетнамских толковых словарей, слово «*тхуонг луонг*» имеет два значения: 1) злобное водяное животное, имеющее форму змеи и часто вредящее людям; 2) крокодил [104, 343]. Согласно современным представлениям вьетнамцев и китайцев, *тхуонг луонг* — это водяной дракон, который может вызывать наводнения и владеет искусством изменения внешнего вида, способен принимать форму человека или предмета, оказавшегося в воде рядом с ним. «Аннамитско-китайско-французский словарь», изданный в Китае в 1937 г., дает следующий перевод этого понятия: «змея, имеющая гребешок» [104, 343]. В Китае водяной дракон *цзяо лун*, как правило, изображается с красным гребешком, что соответствует и представленному повествованию. Охранитель вод, функцию которого выполняет в сказке «Дочь слона» *тхуонг луонг*, вообще прочно связан с образом змеи-дракона. Это представление о змее — охранительнице вод можно встретить и у самых первобытных народов, например у австралийцев [146, 369–371].

«ДВА ДЯДЮШКИ КУОЯ» (25)

Опубликовано в сборнике «*Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*» [68, 58–62].

В оригинале — «*Hai chú Cuội*».

Сказка представляет собой весьма любопытное позднее переосмысление и продолжение популярнейших вьетнамских сюжетов об обманщике Куое и дровосеке-Куое, вознесшемся на Луну (подробнее см. сказки «Обманщик Куой» и «Куой в лунном дворце» из настоящей книги). В то время как обманщик Куой в представленном повествовании сохраняет все качества героя-трикстера, Куой с Неба едва ли схож с классическим образом персонажа известной легенды. Куою из лунного дворца не приписываются такие

качества, как надменность и зависть к чужому таланту, напротив — этот персонаж традиционно вызывает у рассказчиков и слушателей сочувствие. Будучи бедняком из народа, Куой бескорыстно помогал людям и пострадал из-за злобы завистников. В представленном повествовании история вознесения героя на Небо не упоминается вовсе, он предстает в качестве небожителя, с презрением относящегося к насельникам Земли.

Фольклорный цикл об обманщике Куое представляет собой серию довольно коротких анекдотов, сюжетная структура которых описана в каталоге Аарне — Томпсона: АаTh 1528, АаTh 1525 F, АаАн *1572 I и др. Данное повествование продолжает эту линию, прибавляя к классическим историям о вьетнамском трикстере эпизоды с пчелой в бамбуковом коленце и тяжелой поклажей, которой оказывается сам Куой.

Во второй части повествования земной Куой проявляет свои лучшие качества: имея возможность попасть на Небо и жить счастливой жизнью, он выбирает земную жизнь, полную тягот и невзгод простого общинника; небесный Куой наказан за зазнайство и через это как бы меняется его облик, т.е. рисунок на лунном диске. Таким образом, в конце сказки возникает этиологический мотив, ключевой для легенды о баньяновом дереве.

Составили Юлия Минина, Екатерина Лютик, Анна Харитонов

Ао ты тхан (вьетн. áo tú thân) — преимущественно женская верхняя одежда в виде халата, распространенная на севере Вьетнама вплоть до начала XX в. Костюм имеет четыре полы, которые свободно ниспадают до пят, на талии удерживаются поясом. Традиционно для *ао ты тхана* выбирали темные, насыщенные цвета, которые контрастировали с нательной одеждой (светлой или красной) и поясом (желтым или зеленым). Мужчины носили под *ао ты тханом* штаны, женщины — юбки («Там и Кам»).

Арека, или бетелевая пальма — один из символов традиционной культуры Вьетнама и неперенная деталь деревенского пейзажа. Из «ореха» ареки, листьев бетелевой лозы и гашеной извести изготавливают бетелевую жвачку, обладающую возбуждающим, тонизирующим действием («Там и Кам»).

Бамбук — чрезвычайно распространенное во Вьетнаме растение, играющее важнейшую роль в сельскохозяйственной и бытовой деятельности вьетнамцев. Бамбуковая изгородь является символом вьетнамской общины. Из бамбука издревле изготавливали множество предметов обихода, оружие, музыкальные инструменты, мебель и т.д. («Бамбук о ста коленцах», «Умная жена», «Золотая пещера, серебряная пещера», «Сказка о дровосеке», «Два дядюшки Куоя» и др.).

Бань зай (вьетн. bánh dày или bánh giầy) — плоские круглые пирожки из клейкого риса («Злая мачеха»).

Баньян — почитаемое во Вьетнаме дерево, которому приписывают различные чудодейственные свойства, его образ тесно связан с буддийской традицией. Как считается, именно под баньяном (индийская смоковница) достиг просветления Будда. Баньян является своеобразным маркером места, населенного людьми, и места, где совершают поклонения, — эти могучие деревья часто высаживают на территории храмов, у их корней или прямо в стволе устанавливают алтари и кумирни; баньяновое дерево, как правило, растет в конце или начале традиционной вьетнамской деревни («Волшебный барабан», «Куой в лунном дворце»).

Бетель, или бетелевая жвачка — легкий наркотик, приготовляемый из «ореха» арековой пальмы, листьев бетелевой лозы и гашеной извести, обладает возбуждающим, тонизирующим действием. Эта жвачка — важнейший элемент вьетнамских традиций: свадебной обрядности, романтических отношений, поминовения усопших. Бетель принято предлагать гостям как знак благорасположения хозяина. Кроме того, бетель символизирует дружескую беседу, отсутствие напряженности, конфликта, благополучие и согласие между предлагающим жвачку и принимающим ее («Там и Кам»).

Бетель в виде крыла феникса — особый вид бетелевой жвачки. Плод ареки рассекается на четыре части. В каждой дольке делается надрез, куда

вставляются фигурно нарезанные листья бетеля и съедобные лепестки цветов — обязательно красного цвета. Эти декоративные элементы и дали название угощению, напоминающему алое крыло почитаемого во Вьетнаме мифологического животного — феникса. Феникс символизирует женское начало, императрицу («Там и Кам»).

Горлица (вьетн. chim ngói) — лесной голубь («Обманищик Куой»).

Государственные экзамены — система конкурсных экзаменов, сформировавшаяся под непосредственным китайским влиянием. Экзаменационные испытания являлись неотъемлемой частью конфуцианского образования (приблизительно с XIII–XIV вв.), целью которого была подготовка квалифицированного административного аппарата. Претендовать на ту или иную чиновничью должность можно было лишь по завершении многолетнего образования, которое включало изучение конфуцианского канона и других древних текстов. По мере приобретения необходимых знаний и навыков обучающиеся могли участвовать в трехуровневых экзаменационных испытаниях. В случае успеха и в зависимости от конкретного результата этих испытаний экзаменуемые могли претендовать на одно из званий (в разные эпохи титулы, их градация и смысловое наполнение менялись). Лауреаты провинциальных экзаменов получали звание не выше *конг ши* (вьетн. công sĩ, с 1828 г. — *кы нян* (вьетн. cử nhân)) и *шинь до* (вьетн. sinh đồ, с 1828 г. — *ту тай* (вьетн. tú tài)), а участники, с успехом прошедшие провинциальные, столичные и дворцовые испытания, могли претендовать на звание *тьен ши* (вьетн. tiến sĩ) («Три лисы-оборотня», «Ту Уйен»).

Донг (вьетн. đồng) — медная монета, медяк. С глубокой древности во Вьетнаме деньги изготавливались из меди. Со времен французской колонизации слово «донг» стало обозначать денежную единицу вообще, независимо от номинала («Как сирота дело разрешил»).

Журавль (вьетн. hạc) — почитаемая вьетнамцами птица, символ долголетия, больших чинов и иногда одиночества. Изображение журавля можно увидеть на стенах храмов, традиционных костюмах, керамике («Ту Уйен»).

Западный дворец — резиденция императрицы («Там и Кам»).

Зародыш куриный — во Вьетнаме, как и в других странах Юго-Восточной Азии, куриные, утиные и гусиные зародыши считаются деликатесом. Насиженные яйца домашней птицы отваривают и подают с различными специями, соусами и закусками. В пищу также употребляют вот-вот готовых вылупиться птенцов («Как Ван на дочке императора женился»).

Йем (вьетн. yếm) — предмет традиционной женской одежды в виде прямоугольного куска ткани с завязками, преимущественно использующийся в качестве нижнего белья. Йем закрывает грудь, живот, бока до подмышек и оставляет обнаженной спину. Йем в качестве самостоятельной плечевой одежды ассоциируется с деревенской культурой или же имеет эротические коннотации. Такой нагрудник относится к гардеробу половозрелой девушки, символизирует ее готовность к замужеству («Там и Кам»).

Клейкий рис (вьетн. gạo nếp) — во вьетнамской пищевой культуре противопоставляется рису обычному, мелкозернистому (вьетн. gạo tẻ). Жирный

и ароматный клейкий рис служит для приготовления праздничных блюд, сладостей. В былые дни питаться таким рисом каждый день могли себе позволить только богатые люди («Как дракон воду пил»).

Коралловое дерево, или **коготь тигра** (вьетн. cây vông), — тропическая лиана из рода Эритрина с ярко-красными продолговатыми цветками. Молодые листья, цветы и стручки растения употребляются в пищу народами Юго-Восточной Азии в качестве овощной закуски («Дочь слона»).

Куай тау (вьетн. quây tàu) — корзина, важный атрибут материальной культуры народов Вьетнама, проживающих в горных районах. Особенно распространен обычай использования таких корзин у народа хмонг. У *куай тау* — круглое горло и квадратное основание, ее длина обычно не превышает 80 см. Плетут *куай тау* из древесных прутьев или расщепленных коленцев бамбука, используют в хозяйстве повсеместно для транспортировки и хранения продуктов питания, сырья, инструмента и т.д. («Маленький Черепашка»).

Куан (вьетн. quán) — старинная денежная единица Вьетнама, представляющая собой связку монет («Обманищик Куой»).

Кульť деревьев — система религиозных верований, связанная с поклонением растениям. В частности, во Вьетнаме был очень популярен кульť великой богини-покровительницы Тхиен-и А-на (А-на, на которую снизошло Небо). Тхиен-и А-на — божество благовонных деревьев, подательница дождя, ведавшая бурями и наводнениями («Сказка о дровосеке»).

Кхен (вьетн. khèn) — духовой губной орган, распространенный у многих народов Юго-Восточной Азии. Состоит из семи пар бамбуковых трубок длиной от 80 см до 2 м, скрепленных на общей деревянной камере-резонаторе. *Кхен* — неотъемлемая часть древней праздничной культуры вьетнамцев, тайцев, лаосцев и других народов региона. Изображения людей, играющих на *кхене*, можно увидеть на бронзовых барабанах — культовых предметах культуры Донгшон (I тыс. до н.э.) («Маленький Черепашка», «Жена-птица»).

Ланг — вьетнамская мера веса, равная 37,301 г («Три лисы-оборотня», «Сказка о дровосеке»).

Мам том (вьетн. mắm tôm) — густой креветочный соус с резким запахом, традиционный ингредиент для приготовления и заправки многих блюд в странах Юго-Восточной Азии и Китае. *Мам том* производят из ферментированного криля. В разных областях Вьетнама существуют различные рецепты приготовления данного соуса — например, город Хюэ славится кислым *мам том*. Как и рыбный соус *ныок мам* (вьетн. nước mắm), *мам том* — неотъемлемая часть традиционной вьетнамской кухни («Там и Кам»).

Мастер-чародей — человек, которого приглашали для помощи больным и изгнания нечистой силы, совмещал функции шамана, лекаря и мастера фэн-шуй. Такой человек обладал необходимыми знаниями в области традиционной медицины, геомантии, умел общаться с потусторонним миром и знал тонкости отправления культа предков. Подобного рода специалисты до сих пор пользуются большой популярностью во Вьетнаме («Три лисы-оборотня»).

Мелия (лат. *Mélia azédarach*) — дерево, широко распространенное в тропиках и субтропиках Южной, Юго-Восточной Азии и Австралии. Древесина мелии имеет темно-красный цвет и источает приятный аромат, из-за чего охотно применяется вьетнамцами для изготовления мебели и других предметов утвари. Плоды мелии ядовиты для людей, однако ранее широко использовались для изготовления буддийских четок («Там и Кам»).

Мео (вьетн. *mèo*) — устаревшее название народа хмонг, имеющее пейоративный оттенок, китайский вариант — мяо (кит. 苗). В настоящее время в русскоязычной и англоязычной литературе употребляется вариант «хмонг». Хмонги входят в группу народов хмонг-мьен (устар. мяо-яо), говорят на языках хмонг-мьен, которые образуют языковую семью. Согласно официальной переписи населения и жилья во Вьетнаме 2019 г., численность хмонгов составляет 1 393 547 человек [236, 43]. Народ проживает на территории Южного Китая, Северного Вьетнама, Лаоса, Таиланда, Мьянмы, США. Первые хмонги пришли во Вьетнам из провинций Южного Китая в XV–XVI столетиях. Имеется несколько этнических групп народа хмонг — в том числе группы, получившие названия по характерным особенностям женской одежды: белые, черные, красные, разноцветные (цветные), синие хмонги [231]. Основное занятие народа — подсечно-огневое и террасное земледелие с использованием вод горных рек. Помимо свиней, буйволов, кур и уток хмонги разводят лошадей. Выращивают кукурузу, рис, сою, батат, тыкву, капусту и проч. Хмонги селятся высоко в горах, в труднодоступных районах. У них развиты охота, кузнечное ремесло, ткачество, окраска тканей, вышивка, плетение из бамбука, ротанга и тростника («Умная жена»).

Набедренная повязка — простейший вид традиционной одежды, широко распространенный во Вьетнаме вплоть до начала XX в., представляет собой обернутую вокруг талии и пропущенную между ног полоску ткани, конец которой свободно ниспадает спереди («Как дракон воду пил»).

Навес (вьетн. *quán*) — укрытие на поле для защиты от дождя или солнца («Хитроумный заяц»). Другое значение слова *quán* — чайная, харчевня, трактир (см. **чайная**).

Нгокхо — древняя пагода в Ханое, сохранилась до наших дней. Второе название пагоды — *тью* Банго. Здание пагоды было построено в 1218 г. С этим почитаемым местом связано множество легенд, самой известной из которой является легенда об учителе Ту Уйене («Ту Уйен»).

Нон (вьетн. *nón*) — конусообразная шляпа из пальмовых листьев, бамбука и проч.; широко используется во Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии («Два дядюшки Куоя»).

Общинный дом (вьетн. *đình*) — культовая постройка, представляющая собой типичную архитектуру в сельской местности Вьетнама. Общинный дом играет ключевую роль в общественной и духовной жизни вьетнамской деревни. В его стенах совершают моления духам — покровителям местности, устраивают празднества, проводят собрания членов общины. Вплоть до начала XX в. площадка перед общинным домом служила сценой для народного театра *тео* («Сказка о дровосеке»).

Панголин, или **ящер** (вьетн. con tê tê, con trút), — млекопитающие, тело которого покрыто чешуей. Мясо панголина употребляется в пищу в Китае, Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии, а чешуя животного широко применяется в восточной медицине. В настоящий момент вид находится на грани вымирания («Два дядюшки Куоя»).

Персиковое дерево — одно из почитаемых «благородных» деревьев во Вьетнаме, распространено в дикой природе, а также культивируется. На севере Вьетнама цветущий персик — символ Нового года по лунно-солнечному календарю, весны, обновления. Персиковым деревьям посвящено огромное количество стихов и песен. Склоны холмов и невысоких гор, пестреющие ярко-розовыми персиковыми цветами, ассоциируются с праздничными гуляниями молодежи, пением и танцами («Как дракон воду пил», «Маленький Черепашка»).

Поднос (вьетн. mâm) — важный атрибут любого вьетнамского пиршества, обряда сватовства, поминок. На подносах ставят угощения для духов предков на семейном алтаре («Бамбук о ста коленцах»).

Поминки (вьетн. ngày giỗ) — в этот день вьетнамцы традиционно готовят дома множество блюд, зажигают благовонные палочки, молятся об умерших родственниках. В поминальные дни вьетнамцы обычно не работают и стараются собраться всей семьей («Хитроумный заяц», «Там и Кам»).

Сливовое дерево — одно из почитаемых «благородных» деревьев во Вьетнаме наряду с персиком и грушей. Широко распространено в северо-западных областях страны — провинциях Шонла, Дьенбьен, Лайтяу, Лаокай, а также в предместьях Ханоя; чаще встречаются деревья с белыми, а не розовыми, как в Китае, цветками. Вьетнамская слива зацветает в феврале и потому считается символом окончания зимы («Как дракон воду пил»).

Сой (вьетн. xôi) — блюдо из вареного клейкого риса, простое и питательное, чрезвычайно распространено во Вьетнаме. Сой часто едят на завтрак («Сказка о дровосеке»).

Таро — многолетнее травянистое растение. Корневая система таро образует подземный клубень, который употребляют в пищу в вареном или жареном виде. Мякоть клубней разных сортов может быть белой или окрашенной в кремовый, желтый, оранжевый, розовый или красный цвет. Таро играет важную роль в сельском хозяйстве народов Юго-Восточной Азии, из него готовят много вкусных и питательных блюд («Как Ван на дочке императора женился»).

Тет, тж. **Тет Нгуен Дан** (вьетн. Tết Nguyên Đán) — Новый год по вьетнамскому лунно-солнечному календарю. Самый веселый, красочный и любимый вьетнамцами праздник в году, тесно связанный с культом предков и конфуцианскими традициями («Талантливый младший брат»).

Тутовник, или **шелковица** — род растений семейства тутовых, состоящий более чем из 20 видов; широко распространен в Китае и во Вьетнаме, где культивируется с древнейших времен. Тутовник имеет съедобный плод, а его листья являются основным источником питания личинок тутового

шелкопряда. В древнекитайской и древневьетнамской поэзии тутовник стал символом любовного свидания. Связано это с тем, что сбором тутового листа занимались женщины, и тутовые рощи были едва ли не единственным местом, где молодые девушки вдали от бдительных очей старших могли встретиться с посторонним мужчиной. Тутовые посадки упоминаются в известнейшей поэме классика вьетнамской литературы Нгуен Зу «Поэме о Къеу» («Волшебный барабан»).

Тыква горлянка (вьетн. bầu) — ползучая лиана семейства тыквенных, плод которой по форме напоминает сосуд, суженный посередине. Плоды растения имеют важное сельскохозяйственное значение для народов дальневосточного культурного ареала, они применяются в пищу, используются для изготовления сосудов и музыкальных инструментов («Умная жена»).

Храм литературы (вьетн. Văn Miếu) — святилище, посвященное Конфуцию; расположено в Ханое. Согласно официальной вьетнамской историографии, храмовый комплекс был построен в 1070 г. по указанию императора Ли Тхань-тонга. Позднее, в 1076 г., на территории Храма литературы был основан университет Куок Ты Зям (вьетн. Quốc Tử Giám), где обучались сыновья императоров начиная с эпохи династии Ли (1010–1225). В Храме литературы проводились государственные экзамены. Во время правления династии Нгуен (1802–1945) университет был перенесен в город Хюэ, однако государственные экзамены по-прежнему проводили в Ханое (в те времена — Тханглонге) («Ту Уйен»).

Хурма ценится во Вьетнаме из-за вкусных плодов и ценной древесины. Хурма ассоциируется с женским началом; нередко форма прекрасного девичьего лица сравнивается с плодом этого растения («Там и Кам»).

Чайная (вьетн. quán) — уличное заведение, где в основном подают напитки и легкие закуски. Из-за особенностей климата традиционная вьетнамская чайная не нуждается в помещении — достаточно навеса, низких столиков и сидений («Там и Кам»). Другое значение слова quán — укрытие от солнца на поле (см. навес).

Составила Юлия Минина

Аист притворяется глупым («Аист, павлин и попугай»).

Арека — падчерица собирает «орехи» на пальме («Там и Кам»).

Аромат — нюхают еду («Как сирота дело разрешил»); хурма источает аромат («Там и Кам»).

Бамбук — вор не может вынести из сада длинный бамбук («Умная жена»); юноша ищет бамбук о ста коленцах («Бамбук о ста коленцах»).

Бамбуковое коленце — в него посадил пчелу Куой с Луны («Два дядюшки Куоя»); возвращает волшебные предметы; заставляет исполнять желания; переворачивает все с ног на голову («Сказка о дровосеке»); несколько коленцев складывают в одну длинную жердь («Бамбук о ста коленцах»).

Банановые листья — ими выстилают дорогу от дома жениха до дворца государя («Маленький Черепашка»).

Бананы — царь Слон любит слоновьи бананы; нужно принести девятнадцать связок бананов, чтобы посвататься к его дочери («Дочь слона»).

Баньян — его листья обладают волшебным свойством возвращать покойного к жизни. Дровосек Куой выкапывает дерево и относит в деревню, чтобы помогать людям («Куой в лунном дворце»); под ним отдыхает учитель Ту Уйен («Ту Уйен»). На баньяне висит волшебный барабан духа («Волшебный барабан»).

Барабан гудит пятнадцать дней («Умная жена»); в барабан бьет дровосек, чтобы созвать всю деревню («Сказка о дровосеке»); висит на ветке баньяна («Волшебный барабан»); матушка-буйволица дарит сыну («Жена-птица»); посетители бьют в барабан при входе в Небесный дворец («Как дядюшка Жаб с Небом судился»).

Бедность — завистник промотал все деньги («Умная жена»).

Белый петух схватил катушку ниток и убегает от дракона («Дочь слона»).

Беременная — женщина забеременела после того, как выпила воды из отпечатка следа слона («Дочь слона»).

Боб — отец с двумя сыновьями наедаются одним бобом («Умная жена»).

Богач — врун и скупец («Бамбук о ста коленцах»).

Божество — спустившегося на слоне приняли за божество («Обманищик Куой»); волшебный барабан принадлежит божеству или духу баньянового дерева («Волшебный барабан»).

Болезнь — девушка на выданье не может вымолвить ни слова и сжимает в кулак левую руку («Как дракон воду пил»); Царь драконов голову к плечу наклонил, не может ею пошевелить («Талантливый младший брат»).

Большая рыба держит во рту жемчужину и не может достичь мира небожителей, перевозит Заплатку через море («Как дракон воду пил»); проглотила императора («Обманищик Куой»).

Бочка — девять бочек наполняют водой («Дева-Кузнечик»); для выкупа невесты нужны три бочки свинины («Маленький Черепашка»); небывалая бочка, которую утка не может переплыть за три дня («Умная жена»).

Братья — трое залезли на тутовник, чтобы сорвать ягод; ночуют в пещере тигра и добывают себе невест («Волшебный барабан»); два сироты, старший притесняет младшего («Талантливый младший брат»); старший — злой, младший — кроткий («Золотая пещера, серебряная пещера»).

Будда помогает гонимой и обездоленной девушке («Там и Кам»).

Буйвол якобы забодал дядю («Обманищик Куой»).

Буйволица — мать в облике буйволицы приглядывает за сыном («Женптица»).

Ван женится на дочери императора, побеждает врага («Как Ван на дочке императора женился»).

Веревка — ею завязывают дыру в слоне («Обманищик Куой»); отец вьет веревку; мать вьет веревку («Злая мачеха»).

Верша — заяц хитростью выбирается из верши («Хитроумный заяц»).

Вино — один спаивает другого («Умная жена»).

Вода — Куой бежит с поля за водой («Обманищик Куой»); вода из пещеры льется на рисовые поля («Умная жена»); из-за попадания стрелы в водоем стала красной («Талантливый младший брат»); женщина выпила воды из следа слона и забеременела; струя воды, как из хобота слона, унесла белого петушка, водяного дракона и катушку («Дочь слона»); умылся водой — вернул зрение («Умная жена»).

Водяной дракон — дева-Кузнечик приходится дочерью Водяному царю-дракону («Дева-Кузнечик»); утащил девушку в нору, превратился в девушку («Дочь слона»).

Волшебные петух и курица живут в пещере; петух кукарекает, курица слушает; юноша ловит их («Как Ван на дочке императора женился»).

Волшебный конь превратился из игрушечного коня в настоящего («Там и Кам»); хвост поднимает — золото сыпется («Сказка о дровосеке»).

Воробьи помогают перебрать рис («Там и Кам»).

Вошь — поймал вошь размером с коробку для табака («Талантливый младший брат»).

Выстрел из арбалета в Небо — чтобы стать чиновником, нужно выстрелить в Небо и дожждаться, пока вниз упадет лестница («Талантливый младший брат»).

Гамак по велению государя натянули между двумя деревьями, в которые переродилась Там («Там и Кам»).

Гвоздь вбили в столб, чтобы засвидетельствовать договоренность; Тхать Лонг пытается вытащить гвоздь («Как Ван на дочке императора женился»).

Глина — слепили новые внутренности из глины («Куой в лунном дворце»).

Головешка — из нее юноша делает гребень («Талантливый младший брат»).

Голубка — душа жены превратилась в голубку («Дочь слона»).

Горлица — обманул, что горлица спрятана под корзиной («Обманищик Куой»).

Государь устраивает в столице праздник («Там и Кам»); летит на слоне, поит слона и тонет («Обманищик Куой»); выдает за Вана свою дочь («Как Ван на дочке императора женился»); задает трудные задания Черепашке, выдает за него свою младшую дочь («Маленький Черепашка»).

Гребень — младший брат причесывается, и волосы быстро растут, старший — лысеет («Талантливый младший брат»).

Две девушки отводят юношу в подводный дворец к Царю драконов («Талантливый младший брат»).

Двенадцать собак охраняют дворец («Талантливый младший брат»).

Девушка выходит из пагоды, Ту Уйен отправляется вслед за ней («Ту Уйен»); страдает неведомой болезнью («Как дракон воду пил»); заболевает из-за лис-оборотней («Три лисы-оборотня»); сходит с картины и хлопочет по хозяйству («Ту Уйен»).

Девять блюд приготовили дочери Царя драконов («Талантливый младший брат»).

Девять дверей — за каждой — комната дочери Царя драконов («Талантливый младший брат»).

Девять дочерей у Царя драконов («Талантливый младший брат»).

Девять тыкв — в каждой хранится по душе дочери Царя драконов («Талантливый младший брат»).

Дерево — на месте тела лисицы выросло большое дерево; с веток падают снедь и деньги; с веток падает навоз и льется моча («Талантливый младший брат»); просит в обмен на ценную вещь не срубить его («Сказка о дровосеке»).

Дикие звери разорвали человека; собираются, чтобы рассказать истории («Умная жена»).

Дождь посылает на землю Небесный Владыка («Как дядюшка Жаб с Небом судился»).

Дом девушек находится под водой; дом строят родственники Царя драконов («Талантливый младший брат»); охотник набрел на домик дочери слона («Дочь слона»); завистник ждет зверей в заброшенном доме («Умная жена»).

Домашние хлопоты — девушка появляется из плода хурмы и работает по дому («Там и Кам», «Ту Уйен»).

Дорога на дне озера («Дева-Кузнечик»).

Дочь оступилась и утонула («Куой в лунном дворце»); просит мать нарвать красных цветов («Дочь слона»); душу дочери богача выпили лисы-оборотни («Три лисы-оборотня»); дева-Кузнечик — дочь Водяного царя-дракона («Дева-Кузнечик»).

Дракон — желтый дракон носит воду и творит дождь («Как дракон воду пил»).

Душа утопленницы превратилась в золотую птицу Ванг Ань («Там и Кам»).

Дядюшка Жаб отправляется на Небо просить дождя («Как дядюшка Жаб с Небом судился»).

Дядюшка Мух запутался в паутине, просит помощи; падает в блюдо, приготовленное младшей дочерью Царя драконов («Талантливый младший брат»).

Жажда — заяц пьет воду из реки («Хитроумный заяц»); юноша проглатывает жемчужину и испытывает неутолимую жажду («Как дракон воду пил»).

Жалоба — хозяин харчевни подает жалобу на старика («Как сирота дело разрешил»).

Жемчужина лежит во рту у большой рыбы; наполняет короба и мешки рисом («Как дракон воду пил»).

Жернова — каменные жернова могут поднять только сто человек («Умная жена»).

Животные идут к Небесному Владыке; нападают на Небесного духа («Как дядюшка Жаб с Небом судился»).

Журавли переносят супругов на Небо («Ту Уйен»).

Завистница изводит жену («Дева-Кузнечик»).

Зависть — завистники зарезали жену («Куой в лунном дворце»); один друг завидует другому («Умная жена»); старшая сестра завидует младшей («Как девица питона в мужья взяла»); старший брат завидует младшему («Талантливый младший брат»); хозяин харчевни завидует дровосеку («Сказка о дровосеке»).

Загадки — загадывают загадки, на которые заведомо нет ответов («Умная жена»); Царь драконов загадывает загадки («Талантливый младший брат»).

Заклинание — жена говорит мужу заклинания («Жена-птица»); надо сложить руки и сказать четыре раза «Сомкнитесь!» («Бамбук о ста коленцах»).

Запрет — запрет смеяться («Дева-Кузнечик»).

Засуха — животные страдают от засухи («Как дядюшка Жаб с Небом судился»).

Заяц притворяется мертвым; тайком выкапывает батат («Хитроумный заяц»); накормил тигра своими испражнениями, за это тигр разордал ему мордочку; подпалил шкуру тигра («Заяц, курица и тигр»).

Звон — звенят монетами («Как сирота дело разрешил»).

Злая жена изводит брата мужа («Золотая пещера, серебряная пещера»).

Злая мачеха изводит пасынка («Злая мачеха»); изводит падчерицу («Там и Кам»).

Злой совет — припрятать мешок с камнями и извести жениха («Маленький Черепашка»); выколоть себе глаза, чтобы встретить умерших родителей («Умная жена»).

Золото и серебро хранятся в пещерах («Золотая пещера, серебряная пещера»); в пещере спрятаны кувшины с золотом и серебром («Умная жена»); зарыты под сливой и персиком, из-за этого деревья не цветут («Как дракон воду пил»).

Изгнание — младшего брата выгоняют из дома («Золотая пещера, серебряная пещера»).

Имя — Куой называет несуществующее имя и местность («Обманищик Куой»).

Каннибализм — мать съедает мясо дочери («Там и Кам»).

Картина — старик несет в свертке картину, на ней изображена прекрасная девушка; висит над столом для учебы («Ту Уйен»).

Кашель — юноша кашляет, чтобы привлечь внимание («Как Ван на дочке императора женился»).

Кипяток — злая сестра сварилась в кипятке («Там и Кам»).

Клетка — Куоя бросают в бамбуковую клетку; Куой топит в клетках дядю и тетю («Обманищик Куой»).

Книга для врунов — по просьбе Куоя ищут книгу («Обманищик Куой»).

Коза — сирота режет козу («Дева-Кузнечик»).

Колено — из вспухшего колена родился сын-черепашка («Маленький Черепашка»).

Колодец — в нем живет рыбка-бычок («Там и Кам»).

Корень цветка — богач из корня цветка сделал дверную щеколду («Три лисы-оборотня»).

Кормушка для свиньи — кормушку сделали из волшебного дерева («Талантливый младший брат»).

Корни дерева — у корней персикового дерева зарыт кувшин с золотом, у корней сливового дерева — кувшин с серебром («Как дракон воду пил»).

Коршун хватает лягушку («Как дракон воду пил»).

Кости слона перенесли в сад, чтобы был достаток («Дочь слона»); курица помогает собрать кости рыбки-бычка падчерице, после чего та закапывает их под ножками кровати («Там и Кам»).

Краб катит тыкву, указывая на дочь Царя драконов («Талантливый младший брат»).

Кража — Куой крадет одежду и лошадь чиновника («Обманищик Куой»).

Красные цветы — не цветы, а водяной дракон («Дочь слона»).

Креветки — девушки ловят креветок на рисовом поле («Там и Кам»).

Кровь — завистница мажет спящей девушке губы кровью («Дева-Кузнечик»).

Крокодил хватает зайца («Хитроумный заяц»).

Крыло — мера длины: на Небе места — в два крыла, а на Земле дом — в двадцать крыльев («Талантливый младший брат»); юноша прячет крылья птицы («Жена-птица»).

Крыша дворца — император зовет юношу чинить крышу («Как Ван на дочке императора женился»); тетя якобы упала с крыши («Обманищик Куой»).

Кувшин — поиски глиняных кувшинов с собачьими блохами и куриными зародышами («Как Ван на дочке императора женился»); в кувшинах хранятся золото и серебро («Как дракон воду пил», «Умная жена»); кости рыбки-бычка собраны в кувшины и зарыты под ножками кровати («Там и Кам»).

Кузнец схватил корбочку с вошью, ловит лисицу («Талантливый младший брат»).

Кулак — сжатый кулак с монетами заметил чиновник («Обманищик Куой»); занедужившая девушка сжимает левую руку в кулак («Как дракон воду пил»).

Куой — один живет на Небе, другой — на Земле; земной Куой притворяется глупым («Два дядюшки Куоя»); обманывает («Обманищик Куой»); находит баньян; улетает на Небо («Куой в лунном дворце»).

Курица находит рыбы кости («Там и Кам»); живет с зайцем и тигром под одной крышей («Заяц, курица и тигр»); птица превращается в курицу («Жена-птица»); волшебные петух и курица («Как Ван на дочке императора женился»).

Кхен — на пиру юноше подают отравленный кхен («Жена-птица»); юноша играет на кхене («Маленький Черепашка»).

Лестница, упавшая с Неба, означает приглашение на службу («Талантливый младший брат»).

Лисица выпивает душу богача; выпивает душу девушки («Три лисы-оборотня»); лисицу требуют у кузнеца взамен вши; умеет говорить и петь («Талантливый младший брат»); лисица рассказывает о воде, возвращающей зрение («Умная жена»).

Лист баньяна — на нем написаны стихи («Ту Уйен»); тигрица оживила листьями тигрят; Куой оживляет людей и животных («Куой в лунном дворце»).

Листья пальмы — из них делают шалаш («Талантливый младший брат»); используют как черпак («Дочь слона»).

Лицо — юноша хочет увидеть лицо девушки («Как Ван на дочке императора женился»).

Ловля рыбы — мать ловит рыбу в лесном ручье («Как девица питона в мужья взяла»).

Лопата — ею выкапывают свиной хвостик («Обманищик Куой»).

Луна — Куой и пес сидят на Луне у корней баньяна («Куой в лунном дворце»).

Лягушка пьет воду из озера («Дева-Кузнецик»); юноша поймал лягушку и завернул в набедренную повязку, коршун унес ее («Как дракон воду пил»).

Мелия — из перьев выросли две мелии («Там и Кам»).

Меняться домами — старший меняется с младшим домами («Золотая пещера, серебряная пещера»).

Месть — заяц мстит тигру («Заяц, курица и тигр»); крокодилу не удалось отомстить зайцу («Хитроумный заяц»).

Младшая дочь — бедняк хочет жениться на ней («Сказка о дровосеке»); выходит замуж за питона («Как девица питона в мужья взяла»); подсказывает юноше; юноша влюбляется в нее («Талантливый младший брат»).

Могила — раскапывают могилу слона, забирают из нее кости, золото и белого петуха («Дочь слона»).

Молодой ученый остается на ночлег у богача; отрезает ногу лисы-оборотня; перевязывает дверную задвижку мотком разноцветных ниток («Три лисы-оборотня»); влюбляется в девушку с картины («Ту Уйен»).

Моча — жена мочится на корни баньяна («Куой в лунном дворце»).

Муравьи — если слон увидит муравья, то разозлится («Дочь слона»); матея говорит, что бьет муравьев, и подрубает пальму («Там и Кам»).

Мышь пищит в комнате; упала со стены, повредила ножку («Талантливый младший брат»).

Назначение — юношу назначили правителем Земли («Талантливый младший брат»).

Небесный дух нападает на животных («Как дядюшка Жаб с Небом судился»).

Небесный страж допрашивает юношу («Талантливый младший брат»).

Небо — на Небе живет Нефритовый император («Жена-птица», «Как дядюшка Жаб с Небом судился»); отвечает на вопросы («Как дракон воду пил»); младший брат стреляет в Небо («Талантливый младший брат»); дева-Кузнечик просватана на Небо («Дева-Кузнечик»); Черепашка возвращается на Небо («Маленький Черепашка»); Ту Уйен с женой улетели на Небо («Ту Уйен»).

Нефритовый император гневается на земного мужа («Жена-птица»); принимает дядюшку Жаба («Как дядюшка Жаб с Небом судился»).

Нон — им накрывают навозную кучу («Два дядюшки Куоя»).

Нора — в ней живет питон («Как девица питона в мужья взяла»).

Обед — заяц портит обед; курица готовит обед («Заяц, курица и тигр»).

Обещание выдать замуж младшую дочь за Черепашку; построить за один день дворец («Маленький Черепашка»).

Обман — одна девушка обманывает другую («Там и Кам»); юноша обманывает тигра с помощью лемеха, серпа и стебля ротанга («Волшебный барабан»); Куой обманывает дядю и тетю, прокаженного, чиновника, императора («Обманищик Куой»); заяц обманывает крестьянина («Хитроумный заяц»); заяц обманывает тигра и подпаливает ему шкуру («Заяц, курица и тигр»).

Обманное обещание — заяц обещает выдать замуж за крокодила свою сестру («Хитроумный заяц»).

Оживление — дровосек Куой оживляет мертвых (старика, собаку, девушку); вкладывает в мертвую жену собачьи внутренности («Куой в лунном дворце»); питон оживляет старшую сестру («Как девица питона в мужья взяла»); удар по красной стороне барабана оживляет мертвых («Волшебный барабан»).

Ожидание — Ту Уйен ждет у моста прекрасную незнакомку («Ту Уйен»).

Оползень завалил вход в пещеру («Как Ван на дочке императора женился»).

Ослепление — один выкалывает глаза другому; завистник выкалывает себе глаза, чтобы разбогатеть («Умная жена»).

Оставить в лесу — сына оставляет в лесу отец («Злая мачеха»).

Ответы — жена отвечает на загадки («Умная жена»); Небо дает ответы («Как дракон воду пил»).

Охотник — отец-охотник («Злая мачеха»).

Павлин танцует и кланяется («Аист, павлин и попугай»).

Панголин — Куой с Луны думает, что поймали панголина («Два дядюшки Куоя»).

Панцирь — девушки прячут панцирь Черепашки; государь в шутку ложится в панцирь и оказывается заперт в нем («Маленький Черепашка»).

Пастух пасет буйволов («Жена-птица»).

Переправа — буйволица переносит юношу на спине на Небо («Жена-птица»); крокодил перевозит зайца на спине через реку («Хитроумный заяц»); Куой переправляет дядю и тетю на тот свет к родственникам, бросив их в клетках в реку («Обманищик Куой»); молодожены едут через лес на

спине слона («Дочь слона»); большая рыба перевозит юношу на спине через море («Как дракон воду пил»).

Петух — сирота режет петуха («Дева-Кузнечик»); волшебные петух и курица («Как Ван на дочке императора женился»).

Пещера — в пещере сидят три девицы («Волшебный барабан»); грязная пещера; золотая и серебряная пещеры («Золотая пещера, серебряная пещера»).

Пир — устраивают Черепашка с женой, приглашают государя («Маленький Черепашка»); устраивает Нефритовый император («Жена-птица»); свадьбу гуляют ночью, пока жених спит («Талантливый младший брат», «Дева-Кузнечик»); дровосек хочет устроить пир и накормить всех досыта («Сказка о дровосеке»).

Питон обвивает ноги женщине и женится на ее младшей дочери; другой питон съедает старшую сестру («Как девица питона в мужья взяла»).

Пить — дракон пил по девять стаканов воды («Дочь слона»); предложение выпить отравленный напиток («Жена-птица»); мучимый жаждой юноша выпивает ручей досуха («Как дракон воду пил»).

Плод хурмы — из него выходит Там («Там и Кам»).

Погреб — в волшебном погребе есть комнаты, еда и слуги («Умная жена»).

Поджигать — солону поджигают на спине тигра («Заяц, курица и тигр»).

Подмена — хозяин харчевни подменяет серебряный поднос медным; хозяин харчевни подменяет волшебного коня обычным («Сказка о дровосеке»).

Подносы составлены на столе для свадебного торжества («Бамбук о ста коленцах»); на волшебном серебряном подносе появляются любые яства, если стукнуть по нему три раза («Сказка о дровосеке»).

Подслушивать — юноша подслушал разговор зверей («Умная жена»); юноша подслушал разговор обезьян («Золотая пещера, серебряная пещера»).

Поиск — на дне реки ищут золотые и серебряные слитки («Обманищик Куой»).

Полет — баньян летит по воздуху и возносится на Луну («Куой в лунном дворце»); император летит на слоне и погибает («Обманищик Куой»).

Поминки — из зайца собираются приготовить блюдо на поминки («Хитроумный заяц»); старший брат приглашает младшего на поминки («Золотая пещера, серебряная пещера»); богач врет, что будут поминки, сам готовит свадьбу («Бамбук о ста коленцах»).

Попугай бойко отвечает на вопросы («Аист, павлин и попугай»).

Порванный рукав — из-за порванного рукава черепаший панцирь стал Черепашке не впору («Маленький Черепашка»).

Порез — порезал палец, чтобы привлечь внимание («Как Ван на дочке императора женился»).

Пояс — взял пояс, чтобы повеситься («Ту Уйен»).

Превращение — жена превращается в коршуна; птица превращается в курицу, буйволицу, гору; птица превращается в перепелку, курицу, фазана, девушку («Жена-птица»); лисица превращается в деву, в страшную бабу; лисы-оборотни превратились в цветок («Три лисы-оборотня»); питон

превращается в юношу («Как девица питона в мужья взяла»); Черепашка превращается в прекрасного юношу («Маленький Черепашка»); юноша превращается в дракона («Как дракон воду пил»); питон превращается в красавца («Как девица питона в мужья взяла»).

Прилипнуть — Богач и ложный жених прилипли к бамбуку («Бамбук о ста коленцах»).

Прокаженный освобождает из клетки, сам запирается в ней («Обманищик Куой»).

Прятаться — юноша прячется в тыкве; муж со скверной женой прячутся в тыкве («Золотая пещера, серебряная пещера»).

Птица Ванг Ань поет песни голосом умершей жены; поселилась во дворце; ворона извещает о смерти злой дочери («Там и Кам»); птица поет голосом умершей жены («Злая мачеха»); птицы залетают в шкуру слона и поднимают ее («Обманищик Куой»).

Птицелов учит павлина танцевать и кланяться; учит попугая говорить («Аист, павлин и попугай»).

Пчела жалит Куоя («Два дядюшки Куоя»).

Разоблачение — куры кудахчут, что хозяйка не та; челнок и пест кричат, что хозяйка не та; голубка поет, что хозяйка не та («Дочь слона»); птица Ванг Ань поет о том, что сестра забрала ее мужа; челнок говорит, что сестра забрала чужого мужа («Там и Кам»).

Ранение — небесного чиновника ранят в ногу («Талантливый младший брат»).

Рис — мачеха перемешивает очищенный и неочищенный рис («Там и Кам»); юноша торгует рисом, который умножает волшебная жемчужина («Как дракон воду пил»).

Рот — дракон прячет свой огненно-красный рот («Дочь слона»); Царь драконов широко открывает рот («Талантливый младший брат»).

Рубить — мачеха рубит арековую пальму; злая сестра рубит две мелии («Там и Кам»).

Ружье — нельзя прийти к слону с ружьем; спрятал в дупле («Дочь слона»).

Рукав — птица Ванг Ань залетает в рукав халата государя («Там и Кам»).

Рыба отвлекает крестьянина («Хитроумный заяц»); огромная рыба перевозит юношу и его жену через море, у нее во рту — волшебная жемчужина («Как дракон воду пил»); проглатывает императора («Обманищик Куой»).

Рыбка-бычок — перерождение матери бедной девушки; помогает дочери при жизни и после смерти («Там и Кам»).

Рыболовный крючок — юноша изготавливает из зубца гребня; ловит им рыбу; его проглотил Царь драконов («Талантливый младший брат»).

Рыбьи кости гонимая падчерица зарывает под ножками кровати («Там и Кам»).

Свадебные дары — государь требует приготовить три бочки со свиной, три чана вина, выстлать дорогу от дома жениха до дворца богатой тканью («Маленький Черепашка»); нужно принести кувшин, полный собачьих блох,

и кувшин с куриными зародышами, волшебного петуха и волшебную курицу («Как Ван на дочке императора женился»).

Свадьба — родители девы-Кузнечика во сне женят сироту на дочери («Дева-Кузнечик»); молодой ученый спасает девушку от недуга и женится на ней («Три лисы-оборотня»); три брата освобождают девушек из плена тигра и женятся на них («Волшебный барабан»); Черепашка женится на дочери государя («Маленький Черепашка»); Ван женится на дочери императора («Как Ван на дочке императора женился»); простой смертный женится на деве-птице («Жена-птица»).

Сватовство — сын просит мать пойти к государю и посвататься к его дочери («Маленький Черепашка», «Как Ван на дочке императора женился»).

Сверток — обманщик Куой прячется в нем («Два дядюшки Куоя»).

Свинья — одна ест из кормушки и растет, другая — гибнет («Талантливый младший брат»); ее продают мяснику («Обманщик Куой»).

Синий и красный барабан («Волшебный барабан»).

Сирота собирает хворост, сетует на жизнь («Как дракон воду пил»); рубит бамбук («Дева-Кузнечик», «Сказка о дровосеке»); старший и младший братья рано осиротели («Умная жена», «Талантливый младший брат»); сын-сирота пасет буйволов («Жена-птица»); судья берет в ученики умного сироту («Как сирота дело разрешил»); обманщик Куой рано осиротел («Обманщик Куой»).

След — женщина выпила воды из отпечатка следа слона и забеременела («Дочь слона»); охотник с сыном находят следы тигра («Злая мачеха»).

Слепой умывается и возвращает зрение («Умная жена»).

Слон — Куой летит на слоне («Обманщик Куой»); остановился перед канавой («Там и Кам»); царь джунглей («Дочь слона»).

Смех — при входе в пещеру рассмеялся, и камни рассыпались («Как Ван на дочке императора женился»); лягушка расхохоталась, и ее живот лопнул («Дева-Кузнечик»).

Собака отдает свои внутренности («Куой в лунном дворце»); сирота режет собаку («Дева-Кузнечик»).

Совет — старик дает совет («Куой в лунном дворце», «Как дракон воду пил»); старец приходит во сне и дает совет («Талантливый младший брат»); Будда советует бедной падчерице («Там и Кам»).

Соломенные солдаты расставлены вдоль дороги для устрашения врага («Как Ван на дочке императора женился»).

Сон — девушке снится отец-Слон («Дочь слона»); старец приходит во сне, дает совет («Талантливый младший брат»).

Спор — один показывает волшебные предметы и выигрывает спор, другой — проигрывает («Талантливый младший брат»).

Старец отводит мальчика в деревню («Злая мачеха»); помогает юноше советом («Как дракон воду пил»); задает вопрос, дает совет («Как Ван на дочке императора женился»); лежит мертвый у дороги, Куой его оживляет; дает совет («Куой в лунном дворце»).

Старуха задает вопрос юноше («Как дракон воду пил»).

Стая обезьян крадет с поля тыквы («Золотая пещера, серебряная пещера»).

Сторожить — юноша сторожит поле от стаи обезьян («Золотая пещера, серебряная пещера»).

Стрела попала в водоем при Небесной канцелярии («Талантливый младший брат»).

Строительство — государю строят новый дворец («Маленький Черепашика»); за ночь строится дом для супругов («Дева-Кузнечик», «Талантливый младший брат»).

Судья взял себе ученика («Как сирота дело разрешил»).

Таро — Ван сажает растение, клубни кладет в кувшин, добавляет туда куринные потроха («Как Ван на дочке императора женился»).

Тигр выходит из пещеры; сожрал человека («Злая мачеха»); держит девиц в плену («Волшебный барабан»); разрывает зайцу мордочку («Заяц, курица и тигр»); дровосек Куой убивает тигрят, мать-тигрица оживляет их с помощью баньяна («Куой в лунном дворце»).

Ткацкий стан вырезают из деревьев мелии («Там и Кам»); императорская дочка сидит за ткацким станом и не обращает внимания на Вана («Как Ван на дочке императора женился»); водяной дракон работает за ткацким станом, и челнок обличает его («Дочь слона»); дева-Кузнечик сидит за ткацким станом в родительском доме («Дева-Кузнечик»).

Топить — прокаженного топят в реке; Куой топит в реке дядю и тетю («Обманщик Куой»).

Топор — старший брат срубает им волшебное дерево («Талантливый младший брат»); Куой убивает им тигрят, выкапывает баньян («Куой в лунном дворце»).

Тоска по дому — дочь скучает по отчому дому («Талантливый младший брат»); государева жена скучает по дому («Там и Кам»).

Три месяца — через три месяца женщина родила дочь слона («Дочь слона»).

Три небесные птицы — золотая, красная и пестрая птицы плавают в озере («Жена-птица»).

Тридцать девять деревьев может срубить за раз ловкий дровосек («Дочь слона»).

Тридцать ударов по спине назначил староста дровосеку («Сказка о дровосеке»).

Туфельки — падчерица получает их в подарок от рыбки-бычка; одна туфелька соскочила с ноги; все женщины примеряли их по указу государя («Там и Кам»).

Тхатъ Лонг — господин, у которого самый большой дом («Как Ван на дочке императора женился»).

Тыква лопнула, из нее высыпались цветы и вышла девушка («Талантливый младший брат»); наполняют бочки резаной тыквой («Маленький Черепашика»); обезьяны переносят в тыкве юношу («Золотая пещера, серебряная пещера»).

Тыква горлянка — вырастили поле тыкв горлянок («Золотая пещера, серебряная пещера»); ковш из тыквы горлянки спрятан под каменной ступенью («Умная жена»).

Уговор — юноша работает в поле в обмен на то, чтобы за него выдали замуж дочь богача («Бамбук о ста коленцах»).

Уголек — то, что осталось от зажаренной голубки («Дочь слона»).

Уловка — заяц выбирается из пасти крокодила («Хитроумный заяц»).

Умная жена досталась бедному сироте («Умная жена»).

Утка не может переплыть широкую бочку («Умная жена»).

Ученик искусно разбирается в судебных делах («Как сирота дело разрешил»).

Хворост собирает юноша, чтобы заработать на жизнь («Как дракон воду пил»).

Хвостик — свиной хвостик закопали в землю («Обманищик Куой»).

Хобот слона унес новорожденную («Дочь слона»).

Храм литературы — место проведения экзаменов на чиновничью должность («Ту Уйен»).

Хурма — дерево выросло из пепла; из плода появляется девушка (Там) и выполняет домашнюю работу («Там и Кам»).

Царь драконов живет в подводном дворце, выдает замуж дочь («Талантливый младший брат», «Дева-Кузнечик»).

Цветок сажает в саду богач («Три лисы-оборотня»).

Черный кунжут — Ван сажает куст, семена кладет в кувшин, добавляет туда блох («Как Ван на дочке императора женился»).

Шесть кувшинов с золотом и серебром спрятаны в пещере («Умная жена»).

Шея опухла у Царя драконов («Талантливый младший брат»).

Шпилька для волос — только достала шпильку — и появился большой дом («Ту Уйен»).

Экзамены проводятся на чиновничью должность («Ту Уйен», «Три лисы-оборотня»).

Яд выпивает Нефритовый император («Жена-птица»).

Яйцо снесла курица («Заяц, курица и тигр»).

Составила Анна Харитонова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АаАн — Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

БД — Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: анализ. кат. [Электронный ресурс] // Ruthenia: сайт. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/>.

AaTh — The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen / transl. a. enlarged by St. Thompson. Helsinki, 1961. (FF Communications No. 3).

ThMot — Thompson St. Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Medieval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-Books, and Local Legends / rev. a. enlarged ed. Bloomington, 1955–1958.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. «Золотая черепаха Ким Куи дарует Ан Зыонг-вюнгун волшебный арбалет» [Rùa thần Kim Quy tặng An Dương Vương chiếc nỏ thần]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Данг Те, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

2. «Зыонг Ле созывает своих жен» [Dương Lễ gọi bà người vợ]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Данг Те, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

3. «Триумфальное возвращение лауреата государственных экзаменов на родину» [Vinh quy bá tử]. Лубок Донгхо,

мастерская Нгуен Данг Те, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

4. «Рыбы в бочках» [Cá chầu]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Данг Те, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

5. «Петух — хранитель времени и семейного очага» [Gà dạ xướng]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Данг Те, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

6. «Генерал» [Quân tướng]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Данг Те, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

7. «Шествие с барабанами» [Rước trống]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Данг Те, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

8. «Тхатъ Сань стреляет в орла» [Thạch Sanh bắn đại bàng]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Данг Те, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

9. «Хань Нгуен и Май Синь» [Hạnh Nguyên và Mai Sinh]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

10. «Ша Сэн, Чжу Бацзе, Сюаньцзан и Сунь Укун» [Sa Tăng, Trư Bát Giới, Đường Tăng và Đại Thánh]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

11. «Ссора» [Khẩu thiệt]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

12. «Кот привечает весну» [Mèo đón Xuân]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

13. «Сунь Укун спасает Сюаньцзана» [Tôn Ngộ Không cứu Đường Tăng]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

14. «Чжунли Цюань» [Hán Chung Li]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

15. «Люй Дунбинь, Хэ Сяньгу, Лань Цайхэ и Цао Гоцзю» [Lã Động Tân, Hà Tiên Cô, Lam Thái Hòa và Tào Quốc Sữu]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

16. «Мальчик на буйволе запускает воздушного змея» [Chăn trâu thả diều]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

17. «Вежливость и ум» [Lễ Trí]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

18. «Человеколюбие и долг» [Nhân Nghĩa]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

19. «Госпожа Чьеу верхом на слоне» [Triệu Ẩu cưỡi voi]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

20. «Карп с мальками» [Cá đản]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

21. «Четыре священных животных» [Tứ linh]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа,

1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

²². «Ба Нгуэт, покровительница супружества, на фениксе» [Bà Nguyệt se duyên]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 2008. Из частной коллекции.

²³. «Четыре красавицы» [Tổ nữ]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

²⁴. «Свинья ест листья алоказии» [Lợn ăn lá ráy]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен

Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

²⁵. «Мальчик на буйволе играет на дудочке» [Chân trâu thổi sáo]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

²⁶. «Шествие с драконом» [Ruổi rồng]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

²⁷. «Сцена ревности» [Đánh ghen]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

²⁸. «В мире воцарилось спокойствие (Павлин расправляет крылья)» [Thiên hạ thái bình (Chim công xòe cánh)]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

²⁹. «Сбор кокосов» [Hứng dừa]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

³⁰. «Учитель-жаба» [Thầy đồ cóc]. Лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

В оформлении книги также использованы иллюстрации «Вьетнамские пословицы» [Cau tục ngữ Việt Nam] и «Борьба» [Đấu vật]. Обе — лубок Донгхо, мастерская Нгуен Хыу Сама и Нгуен Хыу Куа, 1993–2016. Из личной коллекции Н. Краевской.

СБОРНИКИ СКАЗОК РАЗНЫХ НАРОДОВ И УКАЗАТЕЛИ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ

¹ Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

² Афанасьев А.Н. Русские народные сказки: в 3 т. Т. 2. М., 1958.

³ Волшебная кисть. Сказки зарубежных стран / рис. Г. Филипповского. М., 1957.

⁴ Волшебное зеркало. Дотанские новеллы / пер. с кит. А. Тишкова и В. Панасюка. М., 1963.

⁵ Волшебный козел. Вьетнамские народные сказки / пер. с вьетн. и предисл. Н.И. Никулина. М., 1976.

⁶ Волшебные сказки Востока. М., 2014.

⁷ Волшебные сказки народов мира. М., 1992.

⁸ Высокоученый Куинь и другие забавные истории / пер. с вьетн., предисл. и примеч. Н.И. Никулина. М., 1974.

⁹ Глаза дракона. Легенды и сказки народов Китая / пер. с кит. Лин Лин и П. Устина. М., 1959.

¹⁰ Девушка-орхидея. Вьетнамские сказки. М., 1992.

¹¹ Девушка-павлин: китайские сказки / пер. С.Е. Коженикова и Р.И. Линецкой. Новосибирск, 1963.

¹² Доверчивый тигр: бирманские, индонезийские, вьетнамские сказки / рассказ для детей Н. Ходза, В. Жукровский. М., 2013.

¹³ Дунганские народные сказки и предания / запись текстов и пер. Б. Рифтина, М. Хасанова и И. Юсупова. М., 1977.

¹⁴ Дунганские народные сказки и предания / запись текстов и пер. Б.Л. Рифтина, М.А. Хасанова, И.И. Юсупова. М., 2013.

¹⁵ Дунганские сказки / сост., запись и обработка Х. Юсулова; пер. М. Вагагина. Фрунзе, 1970.

¹⁶ Дунганские сказки и предания / пер. Б.Л. Рифтина. М., 2018.

¹⁷ Жукровский В. Сказки Вьетнама / авториз. пер. с польск. Я. Немчинского; рис. Н. Кочергина. М., 1956.

¹⁸ Китайские народные сказки / сост. и пер. Б.Л. Рифтина. М., 1957.

¹⁹ Китайские народные сказки / сост., предисл. и пер. Б.Л. Рифтина. М., 1972.

²⁰ Китайские сказки / пер. В.В. Федорченко. М., 1991.

²¹ Кхмерские мифы и легенды. М., 1981.

²² Мифологические сказки и исторические предания нганасан / коммент. Б.О. Долгих. М., 1976.

²³ Мифы индейцев Южной Америки. Книга для взрослых / сост. и пер. Ю.Е. Березкин. СПб., 1994.

²⁴ Мифы и предания Вьетнама / предисл. и пер. с вьетн. и ханваня, коммент. Е.Ю. Кнорозовой. СПб., 2000.

²⁵ Мифы, сказки и легенды индейцев: Северо-западное побережье Северной Америки / пер. Н.Б. Вахтина, вступ. ст. А.В. Ващенко. М., 1997.

²⁶ Монгольские сказки / сост. Г.И. Михайлов. М., 1962.

²⁷ Народные русские сказки из сборника А.Н. Афанасьева. М., 1979.

²⁸ Поле заколдованных хризантем. Японские народные сказки / пер. с англ. М., 1994.

²⁹ Похождения хитроумного Алеу и другие сказки Камбоджи / пер. с кхмер. Ю. Горгонова. М., 1973.

³⁰ Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора. М., 1972.

³¹ Рубиновая книга сказок. Ростов н/Д, 2007.

³² Серебряный ключ. Тайские сказки / пер. В.И. Корнева. М., 1963.

³³ Сказание о Лионго Фумо. Сказки народов Африки. М., 1962.

³⁴ Сказки и легенды Вьетнама / пер. с вьетн. В. Карпова и М. Ткачева. М., 1958.

³⁵ Сказки и мифы народов Филиппин / сост. и пер. Р.Л. Рыбкина. М., 1975.

³⁶ Сказки народов Азии. М., 1975.

³⁷ Сказки народов Африки / сост. А.А. Жуков и Е.С. Котляр; предисл. Е.С. Котляр. М., 1976.

³⁸ Сказки народов Бирмы. М., 1976.

³⁹ Сказки народов Востока. Владивосток, 1960.

⁴⁰ Сказки народов Востока / коммент. Ю.М. Осипова и Т.М. Холмовского. М., 1962.

⁴¹ Сказки народов Вьетнама / пер. с вьетн. Н.И. Никулина, И.С. Быстрова, И.И. Глебовой. М., 1970.

⁴² Сказки народов Дагестана. М., 1965.

⁴³ Сказки народов Китая / пер. с кит. и предисл. М. Черкасовой. М., 1961.

⁴⁴ Сказки народов мира. М., 1987.

⁴⁵ Сказки народов Памира / пер. с памир. языков; сост. и коммент. А.Л. Грюнберга и И.М. Стеблин-Каменского; предисл. А.Н. Болдырева. М., 1976.

⁴⁶ Сказки старого Сюня / сост. Б. Рифтин; пер. с кит. А. Гиттельсона, Ю. Осипова, Б. Рифтина. М., 2019.

⁴⁷ Сказки Японии / сост. Т. Редько-Добровольская. М., 2002.

⁴⁸ Тибетские сказки. Игра Веталы с человеком / пер. Ю. Парфионовича. М., 1969.

49. *To Hoай*. Три сказки / пер. с вьетн. М.Н. Ткачева; ил. А. Урьева. М., 1963.
50. *To Hoай, Nguen Dinh Tхи, Vu Tu Нам*. Книга о великих подвигах и необычайных приключениях славного кузнечика Мена, а также Рыцаря черной мантии, который был ни уткой, ни гусем / пер. с вьетн. М. Ткачева; ил. В. Сурикова. М., 1965.
51. Харитонов М.С. Книга о судах и судьбах. М., 1985.
52. *Хоа Май*. Вьетнамские легенды / пер. с фр. И. Бажановой. Доп. тит. л.: Hoa-Mai. La montagne de la femme qui attend son mari. Légendes du Viet-Nam. М., 1958.
53. Чудесная жемчужина. Вьетнамские народные сказки / худож. М. Антимопова. М., 1987.
54. Чудесное зеркало. Старинные восточные сказания и повести / пер. с малайск., бирм., вьетн.; сост. В. Брагинского; предисл. и коммент. В. Брагинского, Ю. Осипова. М., 1988.
55. Чудесный посох. Сказки народов Вьетнама / сост., пер. и предисл. Н.И. Никулина. М., 1990.
56. Шкуркин В.П. Корейские сказки. Шанхай, 1941.
57. Эпические сказания народов Южного Китая. М.; Л., 1956.
58. Eberhard W. Folktales of China. Chicago, 1965.
59. Graham D.C. Songs and Stories of the Ch'uan Miao. Washington, 1954.
60. Tales of the Hare. 27 Classic Folktales from Cambodia. Honolulu, 2010.
61. The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen / transl. a. enlarged by St. Thompson. 2nd rev. Helsinki, 1961. (FF Communications No. 3).
62. Thompson St. Motif-Index of Folk-Literature. Vol. 1-6. Helsinki, 1932. (FF Communications No. 106).
63. Vuong L.D. The Golden Carp: And Other Tales from Vietnam. Boston, 1993.
64. Hồng Hà, Phạm Ngọc Tuấn. Anh học trò và ba con quỳ. Hà Nội, 2015.
65. Ngọc Anh. 100 truyện cổ tích Việt Nam. Hà Nội, 2012.
66. Nguyễn Đồng Chi. Kho tàng truyện cổ tích Việt Nam. Tập III. Hà Nội, 1960.
67. Nhất Thanh. Đất lễ quê thói. Phong tục Việt Nam. Hà Nội, 2016.
68. Thủy Chi. Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc. Hà Nội, 2017.
69. Tô Hoài. 100 truyện cổ tích Việt Nam. Cây tre trăm đốt. Hà Nội, 1999.
70. Trần Mạnh Thường. 100 truyện cổ tích Việt Nam hay nhất. Hà Nội, 2010.
71. Truyện cổ các dân tộc Việt Nam. 4 tập. Hà Nội, 1963-1967.
72. Truyện cổ tích Việt Nam. Cái trống thần. Hà Nội, 2015.
73. Truyện thuyết Hùng Vương. Vĩnh Phú, 1984.
78. Алимов И.А., Кравцова М.Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч. СПб., 2014.
79. Алимов И.А., Серебряков Е.А. Вслед за кистью: материалы к истории сун. авт. сб. бици. Исследования. Переводы. Ч. II. СПб., 2004.
80. Афанасьева Е.Н. Драконы — повелители вод и дождя в фольклорных сюжетах и религиозно-исторических памятниках тайских народов // Символика природных стихий в вост. словесности: сб. ст. М., 2010. С. 144-184.
81. БВЛ. Классическая драма Востока [Индия. Китай. Япония] / пер., сост., вступ. ст. Ю. Алихановой и др. М., 1976.
82. БВЛ. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии / пер. В. Микушевича и др.; сост., вступ. ст. и примеч. С. Серебряного и др. М., 1977.
83. Бондаренко В. Подлинная история лунного зайца. М., 2010.
84. Быстров И.С., Григорьева Н.В., Станкевич Н.В. Вьетнамский этикет // Этикет у народов Юго-Вост. Азии: сб. ст. СПб., 1999. С. 109-131.
85. Власкин А.В. Японская нечисть. Ёкай и другие. М., 2021.
86. Восточная классика в русских переводах: обзор, анализ, критика / сост. Н.И. Никулин; отв. ред. Б.Л. Рифтин. М., 2008.
87. Гань Бао. Записки о поисках духов / пер. с древнекит. Л.Н. Меньшикова. СПб., 2000.
88. Гарин-Михайловский Н.Г. Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). 3-е изд., сокр. М., 1952.
89. Гордиенко Е.В. Повествования о вьетнамских

духах-хранителях общин (тхангтыть) как исторический источник: проблемы интерпретации // Тр. Ин-та востоковедения РАН. 2018. Вып. 14. С. 94–108.

^{90.} Григорьева Н.В. Район Бави как объект фольклорного дискурса и сакральное пространство вьет-мыонгских народов северного Вьетнама // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Востоковедение и африканистика. 2015. № 4. С. 29–42.

^{91.} Гроот Я.Я.М. де. Война с демонами и обряды экзорцизма в Древнем Китае / [пер. с англ. Р.В. Котенко]. СПб., 2018.

^{92.} Деоник Д.В. История Вьетнама. Ч. 1. М., 1994.

^{93.} Джарылгасинова Р.Ш. Рец. на: Высокоученный Куинь и другие забавные истории / пер. с вьетн., предисл. и примеч. Н.И. Никулина. М., 1974 // Сов. этнография. 1975. № 5. С. 175–177.

^{94.} Духовная культура Китая: энцикл.: в 5 т. + доп. том / гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 6 (доп.): Искусство. М., 2010.

^{95.} Духовная культура Китая: энцикл.: в 5 т. + доп. том / гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 4: Ист. мысль. Полит. и правовая культура. М., 2009.

^{96.} Духовная культура Китая: энцикл.: в 5 т. + доп. том / гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 2: Мифология. Религия. М., 2007.

^{97.} Ершова Ю.А. Сюжеты и мотивы китайских поздних прозаических сказов // Изв. ВГПУ. Волгоград, 2014. № 5 (90). С. 151–157.

^{98.} Завгородняя Н.Г. К вопросу об истории возникновения и формирования жанра вьетнамской обрядовой поэзии // Изв. Вост. ин-та. 2001. № 6. С. 162–169.

^{99.} Историко-филологические исследования: сб. ст. М., 1967.

^{100.} Казакова И.В. Образ дракона в китайской мифологии, фольклоре и других культурных пластах // София: электрон. науч.-просвет. журн. Мн., 2018. № 2. С. 93–99.

^{101.} Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1993.

^{102.} Као Хью Динь. Повествование о богатыре Зяунге и эпические традиции во вьетнамском фольклоре // Традиц. и новое в литературных Юго-Вост. Азии. М., 1982. С. 71–83.

^{103.} Китайская народная картина няньхуа из собрания Государственного Эрмитажа: кат. выставки. СПб., 2000.

^{104.} Кнорозова Е.Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционные религиозно-мифологические воззрения вьетнамцев. СПб., 2020.

^{105.} Кнорозова Е.Ю. К вопросу о вьетнамских морских божествах // Юго-Вост. Азия: актуал. проблемы развития. 2016. № 33. С. 181–194.

^{106.} Кнорозова Е.Ю. К вопросу о вьетнамском духе горы Бронзового барабана // О-во и гос-во в Китае. М., 2019. Т. 49. № 1. С. 378–390.

^{107.} Кнорозова Е.Ю. Странствия в бесконечном. Вьетнамская традиционная проза малых форм. СПб., 2009.

^{108.} Кравцова М.Е. История искусства Китая. СПб., 2004.

^{109.} Краевская Н.М. Похоронные обряды народа тхо Вьетнама: опыт сопоставительного анализа // Вьетн. исследования. Сер. 2. 2019. № 4. С. 57–71.

^{110.} Краевская Н.М. Ткачество и фольклор в культурной жизни народа тхай Вьетнама // Вьетнам: проблема цивилизац. выбора

(1945–2015 гг.): материалы Междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 2015. С. 95–108.

^{111.} Краткая история Вьетна (Вьет шы лыок) / пер. с вэньяня, вступ. ст. и коммент. А.Б. Полякова. М., 1980.

^{112.} Лаптев С.В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. М., 2003.

^{113.} Лаптев С.В. Предыстория и история народов Вьетна: археология Нижнего Янцзы и Юго-Восточного Китая периода от раннего неолита до раннего железного века: в 3 т. Т. 1. М., 2006.

^{114.} Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / [пер. с фр. Б.И. Шаревской]. М., 2015.

^{115.} Лескинен А.Н. Вьетнам. Культура: традиция и современность // Страны и народы. Зарубеж. Азия. Юго-Вост. Азия. М., 1979. С. 24–75.

^{116.} Лескинен А.Н. Вьеты // Календар. обычаи и обряды народов Юго-Вост. Азии. Годовой цикл. М., 1993.

^{117.} Лескинен А.Н. Жилище вьетов // Типы традиц. сел. жилища народов Юго-Вост., Вост. и Центр. Азии. М., 1979.

^{118.} Лескинен А.Н. Традиционное мировоззрение и праздничная обрядность вьетнамцев. М., 1996.

^{119.} Масперо А. Религия Китая / пер. с фр. В.Ю. Быстров, С.Н. Скокова. СПб., 2004.

^{120.} Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М.; СПб., 2005.

^{121.} Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона: классическое востоковедение: культы, религии, ритуалы / пер. с фр., предисл. и коммент. Е.Ю. Кнорозовой. СПб., 2007.

^{122.} Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973.

- ^{123.} Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. Т. 2: К–Я. М., 1982.
- ^{124.} Мухлинов А.И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. М., 1977.
- ^{125.} Нго Ван Фу. Облака и хлопок. Избранная поэзия / пер., коммент. и вступ. ст. Ю.Д. Мининой. СПб., 2017.
- ^{126.} Нгуен Фи Хоань. Искусство Вьетнама. М., 1982.
- ^{127.} Никулин Н.И. Архаический эпос народов Вьетнама. Мыонгский мифопоэтический цикл. Бахнарский эпос. Эпос народов эдэ // Эпос народов зарубеж. Азии и Африки: сб. ст. М., 1996. С. 127–211.
- ^{128.} Никулин Н.И. Вьетнамская литература X–XIX вв. М., 1971.
- ^{129.} Никулин Н.И. Вьетнамские устные забавные рассказы и их взаимосвязи с китайской фольклорной традицией // Изучение кит. лит. в СССР. М., 1973. С. 333–348.
- ^{130.} Никулин Н.И. Вьетомыонгский миф о мировом дереве и становление литературы // Мифология и лит. Востока. М., 1995. С. 126–147.
- ^{131.} Никулин Н.И. Добрые и злые духи во вьетнамской средневековой новелле // Вост. демонология. От народов верований к лит. М., 1998. С. 126–146.
- ^{132.} Никулин Н.И. Дракон в традиционной вьетнамской словесности: миф, образ, символ // Символика природных стихий в вост. словесности: сб. М., 2010. С. 121–143.
- ^{133.} Никулин Н.И. Имена мифологических персонажей в фольклоре вьетов и мыонгов Вьетнама // Ономастика Поволжья. М., 2004. С. 268–274.
- ^{134.} Никулин Н.И. Космогонические представления мыонгов по фольклорным и изобразительным материалам // Фольклор и мифология Востока в сравнит.-типолог. освещении. М., 1999. С. 161–176.
- ^{135.} Никулин Н.И. Мифоэпические сказания народов Вьетнама // Специфика жанров в литературах Центр. и Вост. Азии: Современность и классич. наследие: сб. М., 1985. С. 7–37.
- ^{136.} Никулин Н.И. Музыкальная культура, эпиграфика и фольклор Вьетнама по средневековым источникам // Памятники лит. мысли Востока: сб. ст. М., 2004. С. 383–414.
- ^{137.} Никулин Н.И. Сказочно-легендарный сюжет и современный вьетнамский роман // Теорет. проблемы изучения литератур Дал. Востока: тез. докл. 9-й науч. конф., Ленинград, 1980. М., 1980. С. 156–161.
- ^{138.} Никулин Н.И. Собрание в Социалистической Республике Вьетнам мыонгских мифоэпических сказаний // Фольклор. Поэтика и традиция. М., 1982. С. 320–329.
- ^{139.} Никулин Н.И. Традиции хроники и фольклора во вьетнамской поэме XVII в. // Ист.-филол. исследования: сб. ст. памяти акад. Н.И. Конрада. М., 1974. С. 288–294.
- ^{140.} Парникель Б.Б. О фольклорном родстве народов Юго-Восточной Азии // Традиц. и новое в литературах Юго-Вост. Азии. М., 1982. С. 26–48.
- ^{141.} Парникель Б.Б. Чамское предание о кокосовом орехе: миф или сказка? // Языки и лит. Дал. Востока и Юго-Вост. Азии: материалы конф., Санкт-Петербург, 18–20 янв. 1994 г. СПб., 1994. С. 148–153.
- ^{142.} Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. / пер. с ханвьета, коммент., вступ. ст. и прил. К.Ю. Леонова и А.В. Никитина. Т. 7: Осн. анналы / пер. с ханвьета, коммент., вступ. ст. и прил. А.Л. Федорина. М., 2020.
- ^{143.} Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: в 2 т. Т. 2. СПб., 1893.
- ^{144.} Поэты Китая и Вьетнама в переводах Л. Эйдлина / ред. И.С. Смирнов. М., 1986.
- ^{145.} Проваторова О.Н. Особенности изучения китайской мифологии. Китайские мифы как тексты символического пространства // Унив. комплекс как регион. центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участием), Оренбург, 30 янв. — 1 февр. 2013 г. Оренбург, 2013. С. 2084–2087.
- ^{146.} Пропи В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2021.
- ^{147.} Пропи В.Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969.
- ^{148.} Пропи В.Я. Фольклор и действительность. Мотив чудесного рождения. М., 1976.
- ^{149.} Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном / пер. с кит. В.М. Алексеева. М., 1983.
- ^{150.} Рифтин Б.Л. Зарождение и развитие классической вьетнамской новеллы // Повелитель демонов ночи: старин. вьетн. проза / пер. с вьетн. М.Н. Ткачева. М., 1969.
- ^{151.} Рифтин Б.Л. Китайская мифология в Юго-Восточной Азии // Теорет. проблемы изучения литератур Дал. Востока: тез. докл. 13-й науч. конф. Ч. 2. М., 1988. С. 14–47.
- ^{152.} Рифтин Б.Л. От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979.
- ^{153.} Роговцева А. История и мифы (на примере мифологии Вьетнама) // Изв. Вост. ин-та. 2008. № 15. С. 113–119.
- ^{154.} Роговцева А.В. Отражение нравственной культуры в мифологии Вьетнама // Изв. Вост. ин-та. 2010. № 16. С. 215–224.

155. Росс К. Япония сверхъестественная и мистическая. Духи, призраки и паранормальные явления / пер. с англ. М.Е. Ханьковой. М., 2005.
156. Серова С.А. Китайский театр и традиционное китайское общество (XVI–XVII вв.). М., 1990.
157. Сказания вьетнамских гор / пер. с вьетн. [и предисл.] Н.И. Никулина. М., 1970.
158. Собрание пекинских народных картин художника Чжоу Пэй-чуня (конец XIX — начало XX века) в фонде Восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета / [сост. Д.И. Маяцкий и др.]. СПб., 2016.
159. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972.
160. Сокровища Красной реки. Археологические коллекции из музеев Вьетнама: кат. выставки / Гос. Эрмитаж. СПб., 2019.
161. Стратанович Г.Г. Народные верования населения Индокитая. М., 1978.
162. Стратанович Г.Г. Ритуальное убийство быка (По материалам обрядности народов Восточной и Юго-Восточной Азии) // Религия и мифология народов Вост. и Юж. Азии / отв. ред. И.А. Кривелев и Г.Г. Стратанович. М., 1970. С. 189–205.
163. Стратанович Г.Г. Этногенетические мифы об исходе из яйца или тыквы у народов Юго-Восточной Азии. М., 1979.
164. Тан Сянцзю. Муданьтин — Пионовая беседка / пер. Ли Иннань. Чанша, 2015.
165. Танские новеллы / пер. с кит. О. Фишман и А. Тишкова. М., 1960.
166. Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому bestiарию. Мифологические животные древнего Китая. СПб., 2004.
167. Тодаева Б.Х. Монгорский язык: исследование, тексты, словарь. М., 1973.
168. Топоров В.Н. Лягушка // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. Т. 2: К–Я. М., 1982.
169. Трынкина Д. Японская демонология. М., 2021.
170. Тюляева Ю.С. К вопросу о китайской мифологии // Вопр. истории, междунар. отн-ий и документоведения: сб. материалов XI Междунар. молодеж. науч. конф., Томск, 8–10 апр. 2015 г.: в 2 т. Томск, 2015. Т. 2. Вып. 11. С. 200–203.
171. Фам Лан Оань. Почитание святой Ле Тянь в рамках культа сестер Чынг в дельте Бакбо // Культура и искусство Вьетнама: сб. науч. ст. М., 2017. С. 235–247.
172. Федорин А.Л. Некоторые проблемы истории Вьетнама X–XIII вв. // Полное собр. ист. записок Дайвьета (Дайвьет ши ки тоан тхы): в 8 т. / пер. с ханвьета и коммент. К.Ю. Леонова и А.Л. Федорина при участии М.Ю. Ульянова; предисл., вступ. ст. и прил. А.Л. Федорина. Т. 3: Оsn. анализы. М., 2012. С. 11–38.
173. Филимонова Т.Н. Фольклоризм рассказов Нгуен Хюи Тхиела // Вьетн. исследования. 2016. № 6. С. 268–286.
174. Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии / пер. с англ. А.Г. Фесюна. М., 2008.
175. Фишман О.Л. Три китайских новеллиста, 17–18 вв.: Пу Сунь-лин, Цзи Юнь, Юань Мэй. М., 1980.
176. Фрэзер Д. Золотая ветвь. Вып. 1–4. М., 1928.
177. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М., 1986.
178. Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
179. Чеснов Я.В. Миф о мече и начало государственности в Восточном Индокитае // Религия и мифология народов Вост. и Юж. Азии. М., 1970. С. 73–98.
180. Швейер А.-В. Древний Вьетнам / [пер. с фр. Н.Н. Зубкова]. М., 2014.
181. Эберхард В. Китайские праздники / пер. с англ. и предисл. Н.Ц. Мункуева. М., 1977.
182. Юань Кэ. Мифы древнего Китая / пер. с кит. и послесл. Б.Л. Рифтина. М., 1965.
183. Юань Кэ. Мифы древнего Китая / пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого и В.Ф. Сорокина; отв. ред. и авт. послесл. Б.Л. Рифтин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987.
184. Юго-Восточная Азия: Идеология и религия: сб. ст. / отв. ред. Д.В. Мосяков. М., 2001.
185. Японская мифология: энцикл. / сост., общ. ред. Н. Ильиной и О. Юрьевой. М., 2006.
186. Bonifacy A. Nouvelles recherches sur les génies thériomorphes au Tonkin // BEFEO. T. XVI. Hanoi, 1914.
187. Chor Chanthyda. An Analysis of the Trickster Archetype As Represented by the Rabbit Character in Khmer Folktales. Phnom Penh, 2004.
188. Coedes G. Etudes cambodgiennes : la légende de la Nagi // BEFEO. T. VII. Hanoi, 1907.
189. Coral-Rémusat G. Animaux fantastiques de l'Indochine, de l'Insulinde et de la Chine // BEFEO. T. XXXVI. Hanoi, 1937.
190. Coulet G. Cultes et religions de l'Indochine annamite. Saigon, 1929.
191. Dumotier G. Les cultes annamites: rev. Indochinoise. Vol. VIII. Hanoi, 1907.
192. Durand M. Imagerie Populaire Vietnamienne. P., 1960.
193. Eberhard W. A Dictionary of Chinese Symbols. Hidden

Symbols in Chinese Life and Thought. L.; N.Y., 2003.

^{194.} Eberhard W. Typen Chinesischer Volksmärchen. Helsinki, 1937. (FF Communications No. 120).

^{195.} Grayson J.H. The Hùngbu and Nôlbu Tale Type: A Korean Double Contrastive Narrative Structure // Folklore. 2002. Vol. 113. No. 1. P. 51–69.

^{196.} Hose Ch., Mac Dou-gall W. The Pagan Tribes of Borneo. Vol. 1–2. L., 1912.

^{197.} Hữu Ngọc. Wandering through Vietnamese Culture. Hà Nội, 2007.

^{198.} Kim Alleyne. Short Stories and Long Skirts: Finding Culture in Laos. SIGUS-MIT. Laos Workshop. Jan. 2004.

^{199.} Prwyluski J. Notes sur les cultes des arbres au Tonkin // BEFEO. T. IX. Hanoi, 1909.

^{200.} Ting Nai-tung. The Cinderella cycle in China and Indo-China. Helsinki, 1974. (FF Communications No. 213).

^{201.} Vietnamese Folk Paintings. Hanoi, 2012.

^{202.} Vietnamese Theater: English transl. Hà Nội, 1999.

^{203.} Đào Duy Anh. Việt Nam văn hóa sử cương. Hà Nội, 2014.

^{204.} Lý Tế Xuyên. Việt điện u linh. Hà Nội, 1960.

^{205.} Nguyễn Dư. Truyền kỳ mạn lục. Hà Nội, 1988.

^{206.} Nguyễn Đông Chí. Lược khảo về thần thoại Việt nam. Hà Nội, 1958.

^{207.} Nguyễn Văn Ngọc. Truyện cổ nước Nam. Quyển 1. Hà Nội, 1957.

^{208.} Nhất Thanh. Đất lề quê thói. Phong tục Việt Nam. Hà Nội, 2016.

^{209.} Thị Lâm Nguyễn. Thiên Nam ngữ lục: thơ Nôm. Hà Nội, 2001.

^{210.} Trần Thế Pháp, Vũ Quỳnh, Kiều Phú, Đinh Gia Khánh v.v. Lĩnh Nam chích quái. Hà Nội, 2017.

^{211.} Trương Vĩnh Ký. Chuyện đời xưa. Sài-gòn, 1866.

^{212.} Vũ Quỳnh, Kiều Phú. Lĩnh Nam chích quái. Hà Nội, 1960.

^{213.} 叶少飞。越南古代的象静宜//中文学报 第十七期 2020年6月页93–124。

^{214.} 黄泽。西南民族节日文化，云南大学出版社，2012。

^{215.} 雷彩銮。神圣的祭典 广西红水河流域壮族蚂节考察。广西人民出版社，2006。

^{216.} 中国各民族神话研究外文著目录(1839-1990) / [俄] 李福清编。北京，2007。

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ

^{217.} Баринаова Е.В., Нгуен Ван Тхак. Русско-вьетнамский словарь музыкальных терминов. М., 2008.

^{218.} Глебова И.И., Соколов А.А. Вьетнамско-русский словарь: ок. 60 000 слов / под ред. И.И. Глебовой, Ву Лока. М., 2008.

^{219.} Милибанд С.Д. Востокоеды России: XX — начало XXI века: библиогр. слов.: в 2 кн. М., 2008.

^{220.} Новый большой вьетнамско-русский словарь: ок. 80 000 слов и выражений: в 2 т. / отв. ред. В.А. Андреева, Нгуен Туэт Минь. Т. 1: А–К. М., 2012.

^{221.} Шаман [1990] [Видеозапись]: док. фильм / авт. сценария и реж. В.Н. Федоров. [СССР, ГТРК «Красноярск»]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kOrUu-QgoFU>.

^{222.} Đặng Việt Ngoan. Lịch sử văn học Việt Nam: Tập 1 / Đặng Việt Ngoan, Hoàng Trường, Hà Thiện Tuyết, Đặng Thế Minh. Hà Nội, 1980.

^{223.} Nguyễn Như Ý, Nguyễn Thành Chương. Từ điển văn hóa, lịch sử Việt Nam. Hà Nội, 2017.

^{224.} Nhóm Lễ Quí Đôn. Lược thảo lịch sử văn học Việt-Nam: Tập 1 / Vũ Đình Liên, Đỗ Đức Hiểu, Lê Trí Viễn, Huỳnh Lý, Trương Chính, Lê Thuộc. Hà Nội, 1957.

^{225.} Từ điển hiện vật văn hoá các dân tộc Việt Nam / Nguyễn Văn Huy (chủ biên). Hà Nội, 2007.

^{226.} 汉语大字典。汉语大字典编辑委员会，四川辞书出版社，湖北辞书出版社，1986。第一卷。

ЭЛЕКТРОННЫЕ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

^{227.} Баринаова А. Легендарная черепаха умерла во Вьетнаме // Nat. Geographic Россия: сайт. 2016. 20 янв. [Электронный ресурс]. URL: <https://nat-geo.ru/nature/legendarnaya-cherepakha-umerla-vo-vietname/> (дата обращения: 20.01.2021).

^{228.} Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналит. кат. [Электронный ресурс] // Ruthenia: сайт. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 30.06.2021).

^{229.} Великий плут смеется: Анекдоты о Ходже Насреддине [Электронный ресурс] / пер. В.А. Гордлевского. Алма-Ата, 1992. URL: <https://www.rulit.me/tag/anecdote/velikij-plut-smeyotsya-aneekdoty-o-hodzhe-nasreddine-download-451612.html> (дата обращения: 13.01.2021).

^{230.} История о Шри Танончай, об умном трикстере = The Stories of Sri Thanonchai, the Clever Trickster [Electronic resource] // Sirinya's Thailand: site. 2015. May 31. URL: <https://www.sirinyas-thailand.de/2015/05/31/the-stories-of-sri-thanonchai-the-clever-trickster/> (date of treatment: 12.01.2021).

²³¹. Комитет по делам национальных меньшинств = Người Mông [Electronic resource] // Ủy ban Dân tộc. 04.11.2015. URL: <http://www.cema.gov.vn/gioi-thieu/cong-dong-54-dan-toc/nguoi-mong.htm> (date of treatment: 19.02.2021).

²³². Мелетинский Е.М. Женильба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) [Электронный ресурс] // Ruthenia: сайт. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky13.htm> (дата обращения: 25.11.2020).

²³³. Новик Е.С. Структура сказочного трюка. От мифа к литературе: сб. в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. М., 1993. С. 145–160. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/>

[novik5.htm](#) (дата обращения: 03.10.2020).

²³⁴. [О Мендельсоне Ф.Л.] [Электронный ресурс] // CoolLib: [сайт]. URL: [https://coollib.net/a/48178?view=translator#:~:text=Феликс%20Львович%20Мендельсон%20\(12%20сентября,был%20уже%20почти%20единственным%20переводчиком](https://coollib.net/a/48178?view=translator#:~:text=Феликс%20Львович%20Мендельсон%20(12%20сентября,был%20уже%20почти%20единственным%20переводчиком) (дата обращения: 30.03.2021).

²³⁵. Притчи и стихи [Электронный ресурс]. URL: <https://rsk-krd.ru/pro-nasreddina/xodzha-nasreddin-i-xozyain-xarchevni.html> (дата обращения: 13.01.2021).

²³⁶. [Результаты официальной переписи населения и жилья во Вьетнаме 2019 г. (согласно данным Центрального статистического управления СРВ)] = Kết quả toàn bộ Tổng điều tra dân số và nhà ở năm 2019 [Electronic

resource]. URL: <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2019/12/Ket-qua-toan-bo-Tong-dieu-tra-dan-so-va-nha-o-2019.pdf> (date of treatment: 01.07.2021).

²³⁷. Ткачев Мариан Николаевич [Сочинитель, жан-типом и фронт. Что он делал. Кем хотел быть. Каким он был среди друзей. Мариан Николаевич Ткачев] [Электронный ресурс] // LitPortal: лит. севекой ресурс. URL: <https://litportal.ru/avtory/marian-tkachev/read/page/1/kniga-sochinitel-zhantiyom-i-frant-hto-on-delal-kem-hotel-byt-kakim-on-byt-sredi-druzey-421128.html> (дата обращения: 20.03.2021).

²³⁸. Chú [Electronic resource] // [Электрон. толковый вьетн.-вьет слов.]. URL: http://tratu.soha.vn/dict/vn_vn/Chú (date of treatment: 01.01.2020).

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ СМIRНОВ

Кандидат филологических наук, профессор. Востоковед, филолог, исследователь и переводчик средневековой китайской поэзии. Директор Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Окончил Институт восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Китайский язык и литература», аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР.

Сфера научных интересов — китаистика, синология, китайская поэзия, китайская литература, китайская культура, востоковедение, сравнительное изучение культур, китайское руссиеведение.

Автор монографии «Китайская поэзия: в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях» (М., 2014) и множества статей, редактор ряда монографий и сборников. Редактор серии «Orientalia et Classica» (в Издательском доме ВШЭ публикуется с 2020 г.).

ЮЛИЯ ДМИТРИЕВНА МИНИНА

Востоковед, филолог, переводчик, специалист по истории и материальной культуре Вьетнама. Преподаватель вьетнамского языка в Институте классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель студенческих проектов по поэтическому и художественному переводу. Окончила Институт восточных культур и античности РГГУ по специальности «Востоковедение и африканистика». Участник российско-вьетнамской лингвистической экспедиции 2008 г. по описанию языка народа гэлао.

Сфера научных интересов — вьетнамский традиционный костюм, малочисленные народы Вьетнама, вьетнамский фольклор, вьетнамская поэзия.

Переводчик книги Нго Ван Фу «Облака и хлопок. Избранная поэзия» (СПб., 2017), автор ряда статей, посвященных вьетнамской материальной культуре.

Перевела сказки «Как дракон воду пил», «Три лисы-оборотня», «Волшебный барабан», «Дева-Кузнецик», «Маленький Черепашка», «Как девица питона в мужья взяла», «Там и Кам» и «Куой в лунном дворце».

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА ЛЮТИК

Кандидат исторических наук. Востоковед, переводчик, специалист по истории Вьетнама и Китая. Доцент, научный сотрудник НИИ Вьетнама при Педагогическом университете Гуанси (КНР, Гуйлинь). Окончила Восточный факультет СПбГУ по специальности «Востоковедение и африканистика». Проходила стажировку в Ханойском политехническом университете. Работала

в Гуандунском университете иностранных языков и внешней торговли (КНР, Гуанчжоу).

Сфера научных интересов — история и культура Вьетнама и Китая, вьетнамско-китайские отношения.

Автор «Русско-вьетнамского разговорника» (СПб., 2011), переводчик книги Бак Хоай Чана, Ха Минь Нгуена, Туан Дык Выонга, Куэ Выонга «Разговорный вьетнамский язык: курс для начинающих» (СПб., 2020).

Перевела сказки «Ту Уйен», «Талантливый младший брат», «Сказка о дровосеке», «Как дядюшка Жаб с Небом судился», «Бамбук о ста коленцах», «Как Ван на дочке императора женился», «Дочь слона» и «Два дядюшки Куоя».

АННА МИХАЙЛОВНА ХАРИТОНОВА

Востоковед, филолог, историк. Ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ. Преподает внешнюю политику стран Юго-Восточной Азии, макро- и микроисторический анализ в изучении истории стран Азии и Африки, историю русско-китайских отношений. Окончила бакалавриат СПбГУ по специальности «Востоковедение и африканистика», программу магистратуры СПбГУ «История народов Азии и Африки», аспирантуру СПбГУ по направлению «Исторические науки и археология». Получила дополнительное образование по профилю «Китаистика».

Сфера научных интересов — история дипломатических отношений Российской империи со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, история стран Юго-Восточной Азии в XX столетии, история русско-китайских отношений, вьетнамский фольклор.

Автор ряда статей по истории и внешней политике Восточной и Юго-Восточной Азии.

Перевела сказки «Аист, павлин и попугай», «Хитроумный заяц», «Заяц, курица и тигр», «Умная жена», «Золотая пещера, серебряная пещера», «Злая мачеха», «Жена-птица», «Как сирота дело разрешил» и «Обманщик Куой».

Научное издание

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ ВЬЕТНАМА

Составитель *Юлия Минина*

Заведующая книжной редакцией *Елена Бережнова*

Редактор *Ольга Шестопалова*

Корректоры *Анастасия Гаврилова, Ольга Шестопалова*

Дизайн серии, вклейки и верстка: *Дмитрий Мордвинцев, Татьяна Борисова*
(ABCdesign)

В оформлении обложки использован фрагмент
лубочной картины Донгхо «Шествие с драконом»

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15297

bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 05.10.2021. Формат 70×100/16

Гарнитура Arno. Усл. печ. л. 24,1. Уч.-изд. л. 20,8

Тираж 1000 экз. Изд. № 2548

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в типографии SIA «PNB Print», Латвия

www.pnbprint.eu

Еще одно прекрасное пополнение вьетнамоведческой литературы. Книга, в которой наука и поэзия слились воедино. Продуманный перевод передает чудесные вьетнамские истории в хорошо знакомом с детства ритме сказочного повествования. Удивительным образом сквозь пентатонику вьетнамской музыки проглядывают знакомые сюжеты и мотивы. Связь времен и народов объясняется в подробнейшем комментарии в приложениях. Глубокий научный анализ содержания сказок, их истоков и смысла — бесценная часть книги как для востоковедов, так и для всех ищущих читателей. Богатый страноведческий материал, представленный в Указателе культурных реалий, помогает разобраться в тонкостях жизни и быта вьетнамцев. Профессионально и с любовью переводчики проводят читателя в экзотический мир такой далекой страны — Вьетнама, который благодаря этой книге становится нам ближе.

Светлана Глазунова

Книга погружает читателя в волшебный мир вьетнамских сказок и параллельно знакомит с традиционными представлениями, обычаями и культурными реалиями вьетов. Перевод каждой сказки сопровождается анализом ее сюжетов и мотивов в сопоставлении с вариантами, встречающимися у народов Китая и Юго-Восточной Азии, а иногда в более широком контексте, включающем Евразию и ряд стран Дальнего Востока. Отдельные достоинства «Сказок и преданий Вьетнама» — подробный комментарий и богатый справочный аппарат.

Ирина Самарина

Составитель книги Юлия Минина — востоковед, специалист по языку и истории Вьетнама, автор поэтических переводов и исследований по телесной культуре вьетнамцев. Выпускница Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета. Преподает вьетнамский язык и курирует студенческие проекты по переводу в Институте классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

«Сказки и предания Вьетнама» раскрывают перед читателем своеобразие вьетнамских народных повествований — архаичных и испытавших влияние поздних явлений традиционной культуры, популярных и малоизвестных, но одинаково увлекательных. Эта книга — первая для отечественного востоковедения попытка публикации перевода вьетнамских сказок, сопровождаемого подробным культурологическим и историческим анализом сюжетов, мотивов, героев и реалий. Книга будет представлять интерес для самого широкого круга читателей — как для ценителей сказок, так и для исследователей и специалистов. Благодаря усилиям молодых российских востоковедов станет чуть ближе удивительный мир фольклора далекой тропической страны, которую населяет множество народов, говорящих на разных языках и многие века хранящих собственные традиции.

HSE
BIBLIOTHECA
SELECTA

